

Has been issued since 1863. ISSN 2408-9621, E-ISSN 2413-726X
2015. Vol. (10). Is. 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Levendorskaya Lyudmila – Documentation Center of the Recent History of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Urushadze Amiran – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Bugay Nikolay – Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr Cherkasov Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Dr Holmes Larry – University of South Alabama, Mobile, USA

Dr Fieseler Beate – Heinrich Heine University Dusseldorf, Dusseldorf, Federal Republic of Germany

Dr Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Dr Markvik Rodzher – University of Newcastle, Newcastle, Australia

Dr Menjkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Shneer Aron – National Institute of Remembrance of the Victims of Nazism and the Heroes of Resistance "Yad Vashem", Jerusalem, Israel

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Dr Zherebtsov Igor – Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **CiteFactor** – **Directory of International Research Journals** (Canada), **Electronic scientific library** (Russia), **Journal Index** (USA), **MIAR** – **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutsii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 08.12.15.
Format 21 × 29,7.
Offset paper. Offset printing.
Typeface Georgia.
Accounting sheets 6,3.
Printing sheets 8,8.
Order № 210.

2015

Is.

4

Издается с 1863 г. ISSN 2408-9621, E-ISSN 2413-726X
2015. № 4 (10). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Левендорская Людмила – Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Урушадзе Амиран – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бугай Николай – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация
Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация
Марквик Роджер – Ньюкаслский университет, Ньюкасл, Австралия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация
Физелер Беате – Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне, Дюссельдорф, Федеративная Республика Германия
Холмс Ларри – Университет Южной Алабамы, Мобил, США
Черкасов Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация
Шнеер Арон – Национальный институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем», Иерусалим, Израиль

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **CiteFactor – Directory of International Research Journals** (Канада), **Electronic scientific library** (Россия), **Journal Index** (США), **MIAR – Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Sherpa Romeo** (Испания).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи, ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
 Сайт журнала: <http://ejournal16.com/>
 E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 08.12.15.
 Формат 21 × 29,7.
 Бумага офсетная.
 Печать офсетная.
 Гарнитура Georgia.
 Уч.-изд. л. 6,3. Усл. печ. л. 8,8.
 Заказ № 210

Учредитель и издатель: ООО «Научный издательский дом «Исследователь»» – Academic Publishing House *Researcher*

© Русский архив, 2015

CONTENTS

Articles and Reports

Children of Stalingrad Talk about Themselves:
Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses
Ekaterina V. Arkhipova, Evgeny F. Krinko, Marina A. Ryblova, Tatiana P. Khlynina..... 256

The Archive of the Hero City Novorossiysk
Sergey A. Saneev 267

Publication of Sources

The Low Volga Region and Territory of the Don Cossacks
in the Unpublished Fragment of Memories by Doctor J.J. Lerche (1749)
Alexander L. Kleitman, Rostislav L. Kovalevsky, Galina K. Savchenko
(Preparation for publication, translation, introduction and commentary)..... 278

“...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty
Districts to the RSFSR in 1924–1925 (*Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, Russkii Arkhiv*)
Evgeny F. Krinko, Maxim V. Medvedev (Preparation for publication,
introduction and commentary)..... 288

Memories by the Chief of the Neftegorsky Group Staff of Kuban Guerrilla Troops
F.S. Gotvan about the Battle at Mount Gunay on September 25, 1942
Igor O. Tyumentsev (Preparation for publication, introduction and commentary)..... 296

Memoirs of Lieutenant Colonel of Militia
Sergey I. Degtyarev (Preparation for publication, introduction and commentary) 310

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 256–266, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.256
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 94(47).084.8-053.2

Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses

Ekaterina V. Arkhipova

Volgograd State University, Russian Federation
100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062
PhD (History)
E-mail: arkhipovakv@ya.ru

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: ryblova@mail.ru

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)

Abstract

The article studies the methodology of the survey among children of wartime. The authors summarize the results of the research conducted in 2014–2015 among Volgograd inhabitants,

witnesses of the Battle of Stalingrad in childhood and adolescence. 264 interviews were recorded. In 1942–1943 the children of Stalingrad found themselves in the center of one of the bloodiest battles in the world history. They experienced the horror of the bombing, street fighting, hunger and cold, and then the difficulties of postwar reconstruction of the destroyed city. Considerable attention has been paid to the difficulties and problems in the survey carrying out.

Keywords: the Great Patriotic War, memories, Stalingrad, wartime childhood, oral history.

Детство советских граждан в годы Великой Отечественной войны – широко разрабатываемая и все же с трудом поддающаяся беспристрастному анализу исследовательская проблема [1]. На протяжении десятилетий военное детство с трудом вписывалось в героический нарратив «большой войны», а опыт ее переживания детьми и подростками так и не стал частью культурной памяти российского общества. Между тем повседневность существования человека в условиях военного времени все чаще оказывается в поле зрения современного историка. Именно с ней нередко связываются перспективы формирования нового знания о Великой Отечественной войне, складывающегося на пересечении извилистых троп современной историографической практики, коллективной и индивидуальной памяти, в том числе и тех, кто встретил и пережил войну в детском возрасте [см.: 2 и др.].

Первые детские рассказы о войне были записаны непосредственно в военные годы, в основном с пропагандистскими целями – разжигать ненависть к врагу, крепить боевой дух советских солдат и веру в победу. В 1942 г. был подготовлен сборник «Слушай нас, Родина!», содержащий воспоминания детей, переживших немецкую оккупацию, впрочем, так и не опубликованный. В ряде регионов после их освобождения школьники писали сочинения на тему «Мои переживания во время оккупации». Эти источники эмоционально насыщены, но сама специфика их жанра обуславливала высокую степень влияния на них официальной пропаганды. После войны сбор детских воспоминаний практически прекратился и возобновился уже в период «оттепели». В 1961 г. редакция «Комсомольской правды» обратилась к читателям с предложением прислать свои воспоминания о «самом памятном» дне войны, обещая опубликовать самые интересные рассказы на страницах газеты. Но при публикациях предпочтение отдавалось уже известным авторам и героям, проверенным сведениям [3]. В последующие десятилетия сбор воспоминаний о Великой Отечественной войне периодически осуществляли газеты и журналы, комсомольские и пионерские организации, музеи, школы, поисковые отряды и отдельные краеведы в различных регионах. Однако вписанные в официальный нарратив, истории индивидуальной жизни, как правило, выстраивались в соответствии со стереотипами «одобренной» памяти. К тому же воспоминания детей фиксировались заметно реже, чем взрослых участников войны [см.: 4].

В 1990-е гг. историографическая ситуация кардинально изменилась. Рассказы несовершеннолетних участников и очевидцев военных событий стали фиксировать многие исследователи и собиратели, в том числе и специально созданные центры устной истории. Записывались рассказы различных категорий детей – участников войны и блокады Ленинграда, несовершеннолетних узников нацистских концлагерей и «восточных рабочих», очевидцев событий оккупации, эвакуации и жителей советского тыла. Создаваемые виртуальные архивы, базы и банки данных становятся важнейшей основой для изучения многих аспектов военного детства. Многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, печатных и электронных СМИ.

Постепенно становится известной и трагическая судьба детей и подростков Сталинграда, оказавшихся в эпицентре одного из самых кровопролитных сражений в мировой истории. Пережив ужас варварских бомбардировок люфтваффе и жестоких уличных боев, голод и холод в разрушенном войной городе, они в дальнейшем столкнулись с трудностями его послевоенного восстановления, а многие и с недоверием к себе из-за пребывания на оккупированной территории, где оказались совсем не по своей воле. Юный возраст в подавляющем большинстве случаев не позволял им самостоятельно принимать соответствующие решения, однако вовсе не избавил от последующей ответственности за них. Часть детей вместе с взрослыми была угнана немецкими войсками на запад, многие оказались в сортировочном лагере в Белой Калитве, ставшем еще одним страшным местом памяти о войне. Нелегко был путь и тех, кто отправился в эвакуацию: даже если им и

удалось преодолеть Волгу под вражескими бомбами, минами и снарядами, их ждали материальные лишения и проблемы адаптации к другой жизни и иной социальной среде. Для всего поколения детей Сталинграда, несмотря на различия их жизненных траекторий, война, а особенно сама битва стали тяжелейшими испытаниями, повлиявшими на их дальнейшую судьбу.

Однако только в последние два десятилетия стали выходить специальные сборники и отдельные издания воспоминаний бывших детей Сталинграда [5–20]. В 2012 г. молодежь Волгограда и участники Сталинградской битвы приняли участие в общероссийской акции «Наша победа». В ходе этой акции в Волгограде было опрошено около тысячи человек, в том числе немало людей, переживших военное время в детском и подростковом возрасте, хотя основной упор организаторы делали на опрос тех, кто в годы войны воевал или работал в тылу. Но в целом запись воспоминаний «детей Сталинграда» вплоть до недавнего времени оставалась делом разрозненных энтузиастов. В результате в большинстве случаев они фиксировались бессистемно, по разным методикам, что снижало возможности их источниковедческого анализа. К тому же главный интерес организаторов опросов, как правило, представляла сама война, а не детство в условиях военного времени.

В 2014–2015 гг. в рамках исследовательского проекта, выполнявшегося при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (научный руководитель – д.и.н. М.А. Рыблова, первоначальный состав исполнителей включал 18 чел.), был проведен масштабный опрос среди жителей города Волгограда, переживших Сталинградскую битву в 1942–1943 гг. в детском и подростковом возрасте. Специфика опроса заключалась в том, что он проводился на пересечении двух масштабных проблем – военного детства и героики Сталинградской битвы. Именно под это пересечение заранее разрабатывался вопросник, составивший основу структуры глубинных интервью. Он включал в себя более 130 вопросов и состоял из нескольких основных блоков: воспоминания о довоенном детстве, детство в период войны, детство в первое послевоенное десятилетие и формирование памяти о войне.

Предполагалось, что результаты интервьюирования сотен детей военного Сталинграда позволят не только воссоздать тот пласт событий, к которому редко обращались военные историки, но и раскрыть действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей к чрезвычайным условиям войны и разрухи; выявить особенности формирования памяти о войне у детей и подростков; исследовать процесс трансформации детских воспоминаний о войне в условиях советской и постсоветской действительности. А главное – попытаться понять, каким образом память места, ставшего символом несломленной воли к победе советского человека и триумфа советской военной стратегии, предопределила собою коллективные и индивидуальные воспоминания о детстве, проведенном в военном Сталинграде. При этом к реализации опроса были привлечены не только уже состоявшиеся исследователи, но и студенты, участие которых в сборе и записи воспоминаний непосредственных свидетелей того времени дало им непосредственную возможность соприкоснуться с живой историей войны.

Главной целью опросов была ориентация респондентов не столько на воспоминание битвы, свидетелями которой им довелось быть, сколько на восстановление состояния детскости и детства, прошедшего в условиях войны. Интервьюеры просили их вспоминать и описывать не только события, но и состояния, ощущения и переживания, связанные с ними тогда, в детстве, и сейчас, в настоящее время. Ограничение большой темы «дети и война» рамками одной битвы оказалось неслучайным. Исследовательские усилия были сознательно направлены на однородную в возрастном отношении группу, объединенную единым пространством военного Сталинграда и общей судьбой выживания в условиях, когда официальные власти почти не осуществляли мер по эвакуации мирного населения и заботе о нем в период бомбардировок и боев. При этом часто в судьбах одних и тех же людей оказывался соединенным и опыт бомбежек, и уличных боев, и оккупации, пребывания в концлагере или в эвакуации.

Всего было записано 264 интервью детей военного Сталинграда, являвшихся непосредственными свидетелями событий того времени и на сегодняшний день остающихся основными трансляторами памяти о Великой Отечественной войне, в том числе 58 мужчин и 206 женщин. При этом 20 чел. были опрошены в помещениях районных организаций

областной ассоциации «Дети военного Сталинграда» (13 чел. в Красноармейском и 7 чел. – в Кировском отделениях), одно интервью состоялось в помещении организации «Дети огненного Сталинграда». 17 чел. были опрошены в районах Волгоградской области – это «дети Сталинграда», которые либо после битвы остались там, либо перебрались туда позже на постоянное место жительства. 6 чел. были опрошены в садоводческих товариществах (на дачах), 5 чел. – на улицах или во дворах домов, 2 чел. – по месту работы в вузах города, и одна информантка сама приехала в Волгоградский государственный университет для беседы. Остальные были опрошены в своих домах и квартирах, иногда в присутствии родственников или супругов.

Фокус-группу первой части проекта, посвященной детству до и во время войны, составили лица, рожденные в период с 1928 по 1938 гг. Фактически опрос проводился среди лиц, рожденных с 1924 по 1941 гг. Фокус-группа второй части проекта, посвященной детству во время и после войны, – лица, рожденные в период с 1938 по 1948 гг. Более половины всех опрошенных составили информанты 1934–1939 годов рождения. Общее распределение информантов по годам рождения позволяет представить таблица 1.

Таблица 1. Распределение информантов по возрасту

Год рождения	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Количество, чел.	2	1	8	12	10	6	13	13	12	11	19	25	23
Год рождения	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	
Количество, чел.	42	24	15	13	5	1	3	2	1	1	1	1	

Первоначально интервью вызвали впечатление, что опрашиваемые являются успешными людьми. Они не только выжили во время войны, кажется, вопреки всему, но и получили образование, сделали профессиональную карьеру, достигли высоких результатов, каждый в своем деле. Особенно высок процент людей с высшим и средним специальным образованием был у бывших блокадников Ленинграда, эвакуированных в годы войны в Сталинград. Очевидно, что у тех, кто погиб под бомбежками и по разным причинам не дожил до нашего времени, была «своя» правда жизни, оставшаяся невысказанной. В ходе дальнейших интервью пришло осознание того, что среди информантов есть и менее успешные люди, которые смогли окончить только семилетнюю школу, а затем трудиться простыми рабочими. Позже выяснилось, что многие женщины остались без семьи. Количество женщин, не сумевших родить и не имевших детей, точно подсчитать невозможно, так как не все из них признались в этом. Можно предположить, что их доля достаточно высока и составляла от 1/6 до 1/7 всех опрошенных. Непросто складывалась судьба и многих других информантов.

Не все интервью в равной степени освещают различные стороны повседневной жизни, но все являются ярким подтверждением существования военного детства – особой территории, где раннее взросление вовсе не отменяло беспешашной радости и ребячьего восторга от полученной невзначай игрушки или сладости, доставшейся «как маленькому», или самой детской мечты о красивом платье. Зримое и символическое присутствие во всех этих воспоминаниях Сталинграда придавало им несколько патетический оттенок, оправданный трагической судьбой города и его населения. Некоторые опрошенные, стремясь показать тяжесть пережитых ими испытаний, сравнивали положение в Сталинграде с блокадой Ленинграда (встречались утверждения, что «там хоть хлеб давали» или «там дома остались, там не так мерзли, там не так горели» и т.п.).

Массовый и почти одновременный характер фиксации позволяет говорить о высокой степени репрезентативности собранных материалов. По всей вероятности, проведенный опрос является самым крупным не только среди детей Сталинграда, но и вообще среди детей

военного времени, проведенным за последние годы силами одного исследовательского коллектива, к тому же на сравнительно небольшой территории за относительно короткий срок.

Однако в процессе организации и проведения интервью возникли трудности, преодоление и минимизация негативных последствий которых не могли не сказаться на полученных результатах. Главной и несколько неожиданной трудностью стал поиск необходимых респондентов. Первоначально исследование планировалось проводить через существовавшие в Волгограде общественные организации, выступавшие от имени и в защиту интересов детей Сталинграда («Дети военного Сталинграда», «Дети огненного Сталинграда», «Дети героического Сталинграда», Российский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, Волгоградское областное добровольное общество «Защитники и жители блокадного Ленинграда»), а также личные связи. Но почти сразу поиск респондентов натолкнулся на ряд сложностей, связанных и со спецификой самой городской жизни (ее определенной замкнутостью и отчужденностью), и с возрастными особенностями респондентов. Иногда руководителей общественных организаций смущали некоторые вопросы, казавшиеся им «несоответствующими реалиям того времени». Тем не менее многие городские и районные организации предоставили всестороннюю помощь. Некоторые председатели и активисты брали на себя нелегкий труд обзванивать членов своих организаций, просить и убеждать их дать интервью, разъясняя общественную и научную значимость этого мероприятия. Оказывалась помощь и в проведении самого интервьюирования, в том числе в предоставлении для этого необходимого помещения.

В тех случаях, когда участники опроса самостоятельно звонили предполагаемым респондентам, чаще всего следовали отказы – обычно со ссылками на возраст и болезни, но не всегда в реальности вызванные только этими и именно этими обстоятельствами. Кто-то не хотел «ворошить тяжелое прошлое», у кого-то вызывали недоверие студенты: «Во-первых, если так условно сказать, возраст у респондентов тот, когда всех подозреваешь: “Какой-то непонятный ученый придет ко мне домой...” и т.п. Отказывали часто, даже если предварительно договаривались, все равно потом находилась куча причин, почему не встречались: дача, “да я на самом деле ничего и не помню уже” и т.п.»¹. Всего от проведения интервью отказалось около 20 % потенциальных информантов, контакты которых были предложены общественными организациями. Еще примерно столько же оказались просто недоступны (ушли из жизни, не отвечали на телефонные звонки вследствие смены адреса и по иным причинам).

Легче всего было организовать и провести интервью через личные каналы – родственников, их знакомых, друзей, которые не только с удовольствием включились в поиск респондентов, но и зачастую становились ими сами: «Проще конечно подбирать респондентов по знакомым. Притом лучше, когда эти знакомые сами договариваются о моей встрече, а потом появляюсь я. Плюс такого подхода в том, что практически нет отказов. Видимо, все-таки неудобно отказывать знакомым. Минус – количество знакомых ограничено». Метод «снежного кома» оказался самым эффективным, хотя и в этом случае встречались отказы от уже назначенных встреч.

Серьезным эмоциональным испытанием для интервьюеров оказалось установление доверительных отношений с респондентами. Даже договорившись о встрече, они не всегда получали возможность увидеться с потенциальным собеседником: «В самом начале для меня тяжелым было слышать частые отказы по телефону, иногда в не очень вежливой форме. Но постепенно я к этому привыкла. Одним из самых больших потрясений для меня стало первое назначенное интервью, когда я приехала на место проведения, а меня просто отказались впускать, сказали уходить и никогда не звонить». Инициатива отказа могла исходить не только от потенциальных респондентов, но и от членов их семей, не видевших практической целесообразности в проведении опросов и встречах их пожилых родственников с незнакомыми людьми: «Несколько раз мы договаривались по телефону

¹ Здесь и далее приводятся впечатления, оценки и комментарии интервьюеров, записанные по итогам проведения опроса и хранящиеся в настоящее время в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

о встрече, но, к сожалению, затем меня не пускали в дом дети интервьюируемых, которые были против интервью».

В процессе интервьюирования возникали и другие сложности, в частности, связанные с использованием диктофона: «Были такие респонденты, которые боялись диктофона. Одно интервью у меня вообще было под карандаш. Бабушка специально посадила меня в один конец комнаты, сама ушла в другой, попросила выключить диктофон и говорила очень тихо. Был случай, когда, после того как я выключала диктофон, интервьюируемый уточнял, действительно ли его не записывают. После этого начинали раскрывать подробности о том, как было на самом деле, то, чего не договорили в основном рассказе (например об укрытии или расстреле вражеского солдата). Зачастую обращались с просьбой не записывать на диктофон какой-либо сюжет». Подобная реакция вызвала удивление некоторых интервьюеров как представителей поколения, у которого сформировалось другое отношение и к самой технике, и к публичности различных обстоятельств собственной жизни: «Относительно того, чтобы договориться об интервью, как таковых трудностей не было. В принципе люди охотно соглашались, но при встрече, узнав, что беседа будет записана на диктофон, некоторые отказывались от интервью. Их смущало его наличие, непонятно, с чем это было связано. Было у меня одно интервью с пожилым мужчиной, так вот, когда он не хотел, чтобы какая-то информация попала на диктофон, он просил меня выключить в этот момент, а потом опять включить. Так было, например, при рассказе о его родителях. О том, что отца его расстреляли и моему собеседнику пришлось сменить фамилию с немецкой на другую, а отец у него был поволжский немец».

Отдельно необходимо отметить трудности содержательного порядка, непосредственно вызванные работой с респондентами. Вопросы, связанные с повседневной жизнью на войне, очень часто наталкивались на их непонимание. Недовольство вызывало уже само слово «быт», ассоциировавшееся с благополучной, размеренной жизнью, которой «на войне не могло быть по определению»: «Иногда реакцию возмущения вызывал вопрос о быте, т.е. для них быт – это что-то комфортное, удобное. И не понимают они, каким может быть быт во время войны. Вопрос о домашних животных – опять же для собеседников почему-то домашние животные в первую очередь – это не собаки, кошки, а домашний скот – коровы, козы, домашняя птица. И отвечали, в первую очередь, про них, не припоминая каких-либо историй, связанных с ними».

В тех же случаях, когда респонденты соглашались рассказать, что «ели и носили», они нередко испытывали чувство стыда, проявлявшееся в понижении голоса, закрытии рукой диктофона или передвижении вглубь комнаты. Скорее всего, такая реакция на некогда пережитый голод и отсутствие «нормальной одежды» – дань более поздним представлениям о «счастлимом детстве страны Советов», не вписывавшимся в индивидуальные воспоминания детей войны.

До многих вопросов интервьюеры просто «не доходили», не успевали. Часовые беседы «под диктофон» плохо переносились респондентами, чей преклонный возраст и буквально на глазах возраставшая эмоциональная неустойчивость, выражавшаяся в появлении слез, замкнутости, нежелании «ворошить прошлое», требовали срочного сворачивания беседы или перевода ее в плоскость бытовых разговоров о здоровье, семье, болезнях и текущей политике: «Еще замечу, что вопросов много, мне казалось, что интервью должно проводиться несколько часов, чтобы была возможность подробно расспросить и подробно собеседнику все рассказать. Но, вероятно, в силу возраста, помнятся очень хорошо отдельные моменты жизни. И даже интервью в два часа времени не все выдерживают. Через часа полтора уже начинают кряхтеть, ерзать, вздыхать, т.е. уже видно, что устают. Кто-то, наоборот, старается вида не подавать, но это заметно».

Как правило, женщины оказывались более открытыми, чем мужчины, чаще ограничивавшиеся односложными ответами: «Иногда информанты отвечали на вопросы очень неохотно, короткими фразами. В таких случаях приходилось разговаривать с ними на отдаленные темы, чтобы потом как-то вернуться к нужной». При этом женские воспоминания оказывались и более эмоциональными: «Определенная эмоциональная сложность при проведении интервью о войне тоже есть. Хотя, казалось бы, что столько лет прошло, и даже не подумаешь сначала, что люди могут вспоминать со слезами о своем прошлом до сих пор. Чаще, конечно, плачут женщины. Причем в начале беседы они бодрые,

заинтересованные, потом уже по ходу интервью, как бы вспоминая все больше и больше о своих родителях, о самих бомбежках, о том, как скрывались и что ели, они плачут, жалея себя и своих родителей, их трудную жизнь. Конечно, это производит неизгладимое впечатление. Особенно меня лично поразила встреча с женщинами, которые побывали детьми в концлагере. Видя у них на руке лагерный номер, когда они голосом передают свои переживания и те ощущения из прошлого, через что они прошли; и, будучи уже пожилыми женщинами, вспоминая те события, плачут, то это оставляет также сильные эмоции. Мужчины как-то рассказывают больше бодро, с интересом, вот чтобы показать, рассказать, какие они были храбрые мальчишки, что видели. Но грустноватые нотки и у них встречаются. Женщины все же несут в себе воспоминания больше со скорбью».

Иногда затрудняли проведение интервью родственники и близкие респондентов, чье оправданное присутствие при записи зачастую оборачивалось излишним гостеприимством (предложением прерваться, «попить чайку») либо демонстрацией нежелательности проведения самой беседы: «Например, приходишь к интервьюируемому домой, а там друг, подруга, сожительница, внуки, правнуки. Причем если люди старшего поколения могут мешать тем, что вмешиваются в интервью, пытаясь добавить что-то от своего лица, то молодые, например, внуки, мешают своим поведением и всячески показывают, что интервью проводить у них неуместно».

Многие респонденты в процессе беседы отказывались говорить, а если и соглашались, то делали это крайне неохотно, о себе, своем прошлом и особенно о войне: «Причины для этого они называют разные: 1. Не считают это интересным для своих потомков. 2. Боятся, что их рассказ не будет складным или его осудят. 3. Считают, что уже много написано о войне и современные историки сделают только хуже, опасаются, что рассказанное ими будет перевернуто. 4. Некоторые уже не один раз давали интервью, записывали воспоминания, но они часто пропадали бесследно. 5. Очень часто отказываются по состоянию здоровья. Погружение вглубь своих самых страшных воспоминаний не проходит без следа на их здоровье. Есть другой тип людей, которые отказываются от интервью не сразу. Они вроде бы соглашались, но под разными предлогами оттягивают момент встречи, а потом говорят, что передумали».

Интервьюеры отмечали, что в ряде случаев респонденты рассказывали не о том, что они пережили в реальности, а то, что от них хотели услышать: «Например, я спрашиваю: “Расскажите, Вы писали письма на фронт?”. Они отвечают: “Я не помню, но напишите, что писала”». Переживая, что они «что-то напутают в изложении событий войны», респонденты предлагали свои ранее записанные воспоминания в виде газетных статей, сочинений школьников о них. Иногда их воспоминания полностью воспроизводили отредактированные печатные версии: «Попадают интервью, начинающиеся с уже опубликованных воспоминаний. Вот сейчас сию, вычитываю текст практикантки. Начало – выверенный эмоционально текст, без грамматических (обычных для устной речи) ошибок. Потом девочка говорит: “Спасибо, что прочитали Вашу статью...” и начинает задавать вопросы...».

Практически все опрошенные дети Сталинграда гораздо больше, чем о своем военном детстве, хотели рассказать и рассказывали «о своих успехах в жизни, своих зрелых годах, когда они были квалифицированными и востребованными специалистами, как жили большой дружной семьей, о путешествиях по СССР, о достижениях своих детей и внуков». Тем самым они подчеркивали, что их жизнь состоялась, в том числе, и благодаря суровой школе Сталинграда. Интервью приобретали дополнительную гуманистическую значимость, становились необходимым способом легитимизации прожитой жизни.

В ряде случаев респонденты по завершении встречи под воздействием хода беседы, проговариваемых эпизодов из чужих воспоминаний, профессиональной литературы о войне перезванивали и «вспоминали» похожие случаи из своей жизни. Нередко в процессе и самого разговора, преодолев барьер настороженности и непонимания того, чем они могут помочь («Вам надо с теми, кто воевал, а я дите была», «как жили, расскажу, но это разве война?»), вспоминали все новые подробности, подтверждая, тем самым, что «и такое на войне бывало».

Результатом проведенных опросов стало издание двух сборников воспоминаний: «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях

жителей города» [21] и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города» [22]. В первый сборник вошло 114 текстов воспоминаний тех, в чьих судьбах переплелись опыт бомбежек, уличных боев, оккупации, эвакуации или пребывания в концлагерях и сиротских домах. Среди них оказались не только люди, рожденные в Сталинграде, но и те, кто приехал в Сталинград/Волгоград позже. Они также оказались вовлечены водоворотом событий в самые жестокие условия войны, а их детство было скомкано блокадой, бомбежками и голодом. Во второй сборник вошло 56 текстов. Полные записи интервью и их расшифровки с задаваемыми вопросами и пометками интервьюеров хранятся в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

Вокруг вопроса о том, что и с какого возраста может помнить ребенок, оказавшийся современником выдающихся исторических событий, сломано немало профессиональных копий. По утверждениям психологов, социальная память начинает формироваться уже с четырехлетнего возраста и включает в себя отрывочные наиболее эмоционально окрашенные эпизоды внешней по отношению к нему жизни. Более осмысленными, соотносимыми с историческим контекстом детские воспоминания становятся в девятилетнем возрасте и «значительно преобразуются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов, таких как авторитетный источник информации, высокая вероятность событий, необходимость верификации воспоминания в ином лингвистическом контексте. Причем эта пластичность – не дефект памяти, а особый механизм, позволяющий оптимально приноравливать воспоминания к требованиям текущего дня» [23].

Степень близости к значимому на сегодняшний день событию прошлого и, соответственно, характер воспоминаний о нем определяются четырьмя возможными позициями: участника, очевидца, современника и наследника [24]. Каждая из них обладает как своими преимуществами, так и недостатками, определяя тем самым объем и достоверность детской памяти о войне. Так, ядро воспоминаний участника военных событий составляет личный опыт, позволяющий рассматривать себя носителем максимально достоверного знания о происходившем, последствия которого ему не известны. Отсюда и настойчивое стремление на уровне взрослых воспоминаний «добрать» недостающие сведения, понять то, что выходит за пределы собственного опыта. Очевидец, находящийся за пределами события, но совпадающий с ним географически, получает возможность беспристрастно оценить увиденное, но ему не хватает непосредственной сопричастности к творящейся на его глазах истории. Поэтому он очень часто на уровне воспоминаний перемещается на позиции участника, наделяя их событиями из «прожитой чужой жизни». Современник обладает знанием очевидца, совпадает с событием во времени, но расходится с ним в пространстве. Его задачей становится поиск образной составляющей, помогающей приблизиться к позиции участника. Менее информативным, но показательным в отношении понимания механизмов формирования памяти о войне оказывается наследник, отсутствие личного опыта участника, наблюдения очевидца и знания современника у которого переводят его в разряд потребителя готового знания. Однако, несмотря на всю профессиональную значимость, в исследовании рассматриваемой здесь проблемы обращение к его полностью сконструированной памяти о войне не представляется необходимым.

Формирование образов войны детской памятью и их последующая актуализация во взрослом возрасте связаны не только с эмоциональным потрясением пережитых тягот и потерь военного времени. В этом сложном процессе переплетения реальности и последующего знания, недостаток которого зачастую компенсируется присвоением чужой памяти, решающее значение приобретают отношения, связывающие субъект с историческим событием. В том случае, когда этим событием оказывается Великая Отечественная война, длительное время остававшаяся сакральным символом нашей истории, включаются механизмы, обеспечивающие человеку на уровне воспоминаний ту или иную степень сопричастности к ней. В то же время сама степень этой потребности обуславливается конкретным личным опытом переживания событий военного времени; характером их травмирующего воздействия на последующую жизнь «детей войны»; общественной и профессиональной востребованностью детских воспоминаний людей взрослого возраста. Все они находят отражение в выстраиваемых повествованиях, где,

говоря словами З. Баумана, «жизни прожитые и жизни рассказанные тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Можно сказать, что, как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмещиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается, и о ней становится возможным рассказать» [25].

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
2. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 152–162.
3. Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М.: Вече, 2011. С. 21.
4. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумский историко-архивный журнал. 2014. № XXII. С. 34–41.
5. Нефедова В.И. Пепел и прах Сталинграда: 125 дней фронтового детства. Волгоград: Царицын, 1995. 72 с.
6. Дети Сталинграда: Воспоминания. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. 152 с.
7. Дети военного Сталинграда на берегах Невы. СПб.: НИКА, 2002. 48 с.
8. Рудыкина-Жорова Е.П. Подарок. Статьи и интервью, рассказы, воспоминания. Волгоград: Станица-2, 2002. 216 с.
9. Дети, пережившие ад: Воспоминания узников фашистских лагерей. Стихи из концлагеря. Повести. Волгоград: Издатель, 2004. 432 с.
10. «...и горела Волга»: оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Документация. Волгоград: Издатель, 2004. 291 с.
11. Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают... Волгоград: Издатель, 2004. 143 с.
12. Панченко Ю. 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград: ПринТерра, 2006. 324 с.
13. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы. Волгоград: Издатель, 2008. 152 с.
14. Книга жизни в памяти живой. Воспоминания бывших воспитанников Арчадинского специального детского дома. Волгоград: Издатель, 2008. 150 с.
15. Воспоминания детей военного Сталинграда. М.: ИПК Знак, 2010. 208 с.
16. Иванов В. Мое сталинградское детство. Воспоминания. Волгоград: [Б.и.], 2010. 86 с.
17. Детство, унесенное войной. Камышин: Медиа-Холдинг, 2011. 68 с.
18. Сурдутович А.Г. Как это было. Волгоград: Издатель, 2012. 96 с.
19. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2013. 136 с.
20. В огне пылал мой город детства... Воспоминания детей военного Сталинграда. Камышин: [Б.и.], 2015. 84 с.
21. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.
22. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 360 с.
23. Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар: Традиция, 2010. С. 184.
24. Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве... С. 200.
25. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 8.

References:

1. Krinko E.F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4. S. 25–31.
2. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Russkiy arkhiv. 2014. T. 5. № 3. S. 152–162.
3. Voyna glazami detey. Svidetelstva ochevidtsev. M.: Veche, 2011. S. 21.

4. Krinko E.F. Vospominaniya detey voennogo vremeni (1941–1945): istochniki izucheniya // Sumskiy istoriko-arkhivnyy zhurnal. 2014. № XXII. S. 34–41.
5. Nefedova V.I. Pepel i prakh Stalingrada: 125 dney frontovogo detstva. Volgograd: Tsaritsyn, 1995. 72 s.
6. Deti Stalingrada: Vospominaniya. Volgograd: Komitet po pečati i informatsii, 1998. 152 s.
7. Deti voennogo Stalingrada na beregakh Nevy. SPb.: NIKA, 2002. 48 s.
8. Rudykina-Zhorova E.P. Podarok. Statyi i intervyyu, rasskazy, vospominaniya. Volgograd: Stanitsa-2, 2002. 216 s.
9. Deti, perezhivshie ad: Vospominaniya uznikov fashistskikh lagerey. Stikhi iz kontslagerya. Povesti. Volgograd: Izdatel, 2004. 432 s.
10. "...i gorela Volga": ostavshiesya v zhivykh stalingradtsy vspominayut. Dokumentatsiya. Volgograd: Izdatel, 2004. 291 s.
11. My rodom iz voyny. Deti voennogo Stalingrada vspominayut... Volgograd: Izdatel, 2004. 143 s.
12. Panchenko Yu. 163 dnya na ulitsakh Stalingrada. Volgograd: PrinTerra, 2006. 324 s.
13. Voyna glazami detey: ocherki, vospominaniya, dokumenty. Volgograd: Izdatel, 2008. 152 s.
14. Kniga zhizni v pamyati zhivoy. Vospominaniya byvshikh vospitannikov Archadinskogo spetsialnogo detskogo doma. Volgograd: Izdatel, 2008. 150 s.
15. Vospominaniya detey voennogo Stalingrada. M.: IPK Znak, 2010. 208 s.
16. Ivanov V. Moe stalingradskoe detstvo. Vospominaniya. Volgograd: [B.i.], 2010. 86 s.
17. Detstvo, unesennoe voynoy. Kamyshin: Media-Kholding, 2011. 68 s.
18. Surdutovich A.G. Kak eto bylo. Volgograd: Izdatel, 2012. 96 s.
19. Stalingradskoe detstvo. 23 avgusta 1942 goda... Volgograd: Tsaritsynskaya poligraficheskaya kompaniya, 2013. 136 s.
20. V ogne pylal moy gorod detstva... Vospominaniya detey voennogo Stalingrada. Kamyshin: [B.i.], 2015. 84 s.
21. Deti i voyna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 s.
22. Deti Stalingrada: 10 let posle voyny. Vospominaniya zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 360 s.
23. Nurkova V.V. Voyna i mir: voennoe izmerenie v vospominaniyakh o detstve // Vtoraya mirovaya voyna v detskikh "ramkakh pamyati". Krasnodar: Traditsiya, 2010. S. 184.
24. Nurkova V.V. Voyna i mir: voennoe izmerenie v vospominaniyakh o detstve... S. 200.
25. Bauman Z. Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 1. S. 8.

УДК 94(47).084.8-053.2

Дети Сталинграда рассказывают о себе: особенности и проблемы записи воспоминаний очевидцев

Екатерина Владимировна Архипова

Волгоградский государственный университет, Российская Федерация
400062, Волгоград, проспект Университетский, 100
Кандидат исторических наук
E-mail: arhipovakv@ya.ru

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Марина Александровна Рыблова

Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41

Доктор исторических наук
E-mail: ryblova@mail.ru

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена методике проведения опроса среди детей военного времени. Авторы подводят итоги исследования, проведенного в 2014–2015 гг. среди жителей Волгограда – очевидцев Сталинградской битвы в детском и подростковом возрасте. Всего было записано 264 интервью. В 1942–1943 гг. дети Сталинграда оказались в эпицентре одного из самых кровопролитных сражений в мировой истории, пережили ужас бомбардировок, уличных боев, голод и холод, затем трудности послевоенного восстановления разрушенного города. Существенное внимание уделено трудностям и проблемам в проведении опроса.

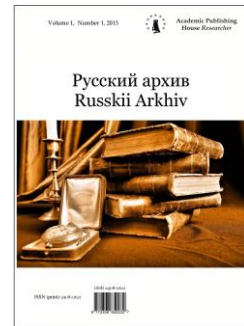
Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, Сталинград, военное детство, устная история.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN 2413-726X
 Vol. 10, Is. 4, pp. 267–277, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.267
www.ejournal16.com

UDC 930.25

The Archive of the Hero City Novorossiysk

Sergey A. Saneev

Novorossiysk City Historic Society, Russian Federation
 22 apt., 20, Sakko and Vancetty Street, Novorossiysk, 353901
 E-mail: saneev@nsrz.ru

Abstract

The article considers the history and current state of the archive of the city Novorossiysk. The conversions of the Novorossiysk archive were closely connected with the milestones of the city's history. The author analyzes the changes in the system of completion of funds, material resources and staffing of the archive. The most commonly used funds and the possibilities of using archival documents by researchers are characterized.

Keywords: Novorossiysk, municipal archive, archive documents, archival fund.

История архива Новороссийска тесно связана с историей самого города. Вместе с городом он нес все тяготы времени: эвакуировался, попадал под обстрелы и бомбежки, горел, поливался дождями и пулеметными очередями с вражеских самолетов, но уцелел и вернулся в свой город.

Начинается история архива с основания Новороссийска. Через полгода после строительства Цемесского укрепления, переименованного приказом военного министра в укрепление Новороссийск, именным указом Его Императорского Величества от 5 апреля 1839 г. Новороссийск был назначен местом пребывания начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии [1]. В нем стали формироваться архивы начальника 1-го отделения, комендантского управления укрепления, а также возникших позднее карантинно-таможенного управления, городской ратуши и других учреждений. Но в годы Крымской войны укрепление Новороссийск было ликвидировано, и документы за этот период времени в большинстве своем утрачены. В городском архиве сохранилось лишь несколько дел карантинно-таможенного управления 1850-х гг.

Возрождение Новороссийска как города началось с 1866 г. С этого времени сохранились многие документы органов городского самоуправления. Первоначально они хранились в городской полиции, а после открытия в 1894 г. городской библиотеки часть дел передали туда на хранение [2].

Архивные документы пережили все смутные времена начала XX в.: революцию 1905 г., обстрел города германо-турецкими крейсерами «Бреслау» и «Берк» 16 октября 1914 г., февральскую и октябрьскую революции 1917 г., Гражданскую войну. По окончании эвакуации Белой армии 13–14 марта (по старому стилю) 1920 г., после чего в Новороссийске сразу же наступило 27 марта (по новому стилю), в городе было брошено много документов эвакуированных учреждений. В это время в Новороссийске остро ощущался дефицит

бумаги. И эти документы стали использоваться на рынке в качестве оберточной бумаги. Но уже в мае 1920 г. было издано обязательное постановление по Черноморскому округу: «Установить точный учет всей имеющейся в учреждениях бумаги разных сортов, бланков и всякого рода канцелярских принадлежностей. Соблюдать строжайшую экономию при расходовании бумаги» [3].

Документы были изъяты с рынка и стали использоваться в качестве писчей бумаги городской властью. Такие документы читать вдвойне увлекательно: содержание обратной стороны порой более интересно, чем лицевой. Но документы, хранящиеся в библиотеке, никто не тронул. Более того, этому учреждению была выдана «охранная грамота» – мандат, зарегистрированный под № 1200 от 26 мая 1920 г.: «В центральную библиотеку и другие районные библиотеки города. Предъявителю сего предоставляется право осмотра библиотеки центральной и районных для выявления количества необходимых ему книг без права выемки» [4].

И все же сохранить архивы в полном объеме не удалось. В мае в Новороссийск приехал Федор Федорович Ильин, один из старейших работников РКП(б). В 1904 г. он основывал библиотеку и архив при ЦК РСДРП, работал в хозяйственной комиссии ЦК за границей, в экспедициях ЦК и газеты «Пролетарий». Функции хозяйственной комиссии в 1905 г. состояли не только в организации работы типографии, но и в доставке в Россию литературы, оружия, отправке людей с подложными документами и т.д. После революции 1905 г. Ф.Ф. Ильин отошел от активной партийной работы [5].

В Новороссийск Ф.Ф. Ильин приехал с женой Надеждой Алексеевной и двумя сыновьями – Алексеем, 12 лет, и Федором, 9 лет, «для сбора материалов по истории революции». Ему выделили комнату в доме № 9 по улице Короленко и организовали Новороссийскую базу по сбору естественноисторического материала, заведующим которой он и стал. Осмотревшись и определившись, Ф.Ф. Ильин уже в конце мая стал добиваться теплушки для выезда в Москву всей семьей с багажом в 45 пудов (720 кг). Из них 10 пудов составляли научные коллекции, включая коллекции минералов и медуз в формалине и даже живых черепах, и 10 пудов (160 кг!) литературы для музея Революции, а так же 45 пудов личных вещей [6].

В то время получить вагон в личное пользование было очень тяжело, несмотря на неоднократные обращения отдела народного образования к коменданту станции и в ревком. Отчаявшись, 18 сентября 1920 г. Ф.Ф. Ильин написал письмо прямо Н.К. Крупской с просьбой оказать ему содействие в переезде из Новороссийска в Петроград, ввиду того что им собрано большое количество документов и литературы по поручению Петроградского музея революции. 5 октября письмо было передано самому В.И. Ленину, а тот поручил секретарю созвониться с членом коллегии Наркомата путей сообщения РСФСР Ю.В. Рудым по поводу предоставления Ф.Ф. Ильину теплушки для переезда [7]. Остается только гадать, сколько и какие именно материалы по истории революции и РКП(б) изъят в учреждениях города, ожидая обещанную теплушку, и вывоз Ф.Ф. Ильин, имевший свободный допуск во все учреждения и предприятия Новороссийска, если этот вопрос заинтересовал председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина.

В том же 1920 г. было образовано Кубано-Черноморское областное архивное управление. 31 января 1921 г. им было принято решение об открытии архивов в различных городах Кубани и Черноморья. Исполком городского совета Новороссийска выделил архиву одну комнату в отделе коммунального хозяйства (коммунхозе) и назначил его заведующим Лукиана Мартыновича Мельникова [8].

Л.М. Мельников был известным историком Кубани. Жил в Екатеринодаре, работал в газете «Кубанские областные ведомости». Но в 1902 г. за свои «вольные мысли» был вынужден покинуть Екатеринодар и перебраться в Ейск. Здесь он работал секретарем Ейской городской думы. В 1907 г. пытался издавать газету «Ейский вестник». Из-за этого был вынужден покинуть Ейск и переехать в Новороссийск, где 25 сентября 1908 г. поступил на службу городским секретарем, а 5 апреля 1912 г. был избран гласным городской думы, сохранив пост секретаря. Дума поручила ему заведовать городской библиотекой. В годы Гражданской войны Л.М. Мельников оставался в Новороссийске, работал секретарем городской управы и в составе различных комиссий, в том числе и в комиссии по выработке положения о выборах гласных в городскую думу, учрежденной приказом № 203

Черноморского военного губернатора генерал-майора А.П. Кутепова от 4 декабря 1918 г. [9]. В апреле 1920 г. Л.М. Мельников возглавил библиотечный сектор отнароба – отдела народного образования Новороссийского ревкома. Он так же стал секретарем отнароба и заведующим городской библиотекой [10].

17 июня 1921 г. архивный отдел в городе Новороссийске был открыт. Эта дата и считается днем рождения архива. Он разместился в здании народного дома, здесь же располагалась и городская библиотека. В архиве находились частично собранные документы упраздненных революцией учреждений: канцелярии черноморского губернатора, городской управы, городской полиции, акционерной компании по добыче цемента в Геленджике, удельного имения Абрау-Дюрсо, отделения Русско-азиатского банка и других. Л.М. Мельников сам собирал дореволюционные документы и просто складывал их в комнате архива. Документы находились в хаотическом состоянии и не были систематизированы.

Архив долго не просуществовал и под предлогом отсутствия в городском бюджете денег на его содержание до конца года был закрыт, а Л.М. Мельников уволен. Дальнейшая судьба этого человека по архивным документам не просматривается. Вероятно, он более в общественной жизни не участвовал, а в 1923 г. умер.

Но в областном руководстве спохватились и 7 апреля 1922 г. прислали в Новороссийск И.В. Бакланова для организации в городе Черноморского окружного отделения Кубано-Черноморского областного отделения Центрального архива при ВЦИК РСФСР. Работников архива набрали на бирже труда из лиц, подавших заявления о приеме на работу в мае – июне 1922 г. Подавшему заявление 27 июля присяжному поверенному Николаю Вильгельмовичу Лиру, избравшемуся много лет гласным городской думы, а в 1919 г. бывшему городским головой, отказали. На заявлении рукой директора архива было написано: «Мест нет» [11].

5 июля 1922 г. Новороссийский архив вновь был торжественно открыт. Городская газета «Красное Черноморье» сообщала, что: «5 июля в час вечера состоится открытие Черноморского отделения Областного отдела Централархива РСФСР (Николаевская ул. 34), где профессор Б.М. Городецкий сделает сообщение “Архивное дело в РСФСР”» [12].

Архив, получивший сокращенное название Черархо – Черноморское архивное отделение, расположился в одном из красивейших зданий города – особняке табачного короля Юкелиса по Воронцовской улице, занимая в нем всего несколько комнат. В остальных помещениях располагались отделы горисполкома. Особняк сохранился до наших дней, в нем находится Новороссийский политехнический институт. В Черархо поступили все дела, хранившиеся в городской библиотеке, а также архивы бывших судебных учреждений и бывшей канцелярии губернии. В городской газете появилось грозное объявление: «Всем хранителям архивов объявить, что их архивы ни в коем случае не могут распродаваться в качестве бумажного хлама, а проданные архивные материалы, обнаруженные где-либо, конфисковываются» [13]. Такое отношение позволило не только сохранить, но и собирать документы по истории города Новороссийска, Черноморского и Новороссийского округов, представляющие ныне большую историческую ценность.

Документы, поступившие на государственное хранение, не имели описей. Один из фондов был зарегистрирован так: «7 ящиков, 25 связок», а состояние документов характеризовалось следующим образом: «Фонд разбит». Работниками архива в это время были: директор Иван Иванович Храблов-Яворский, 52 лет; архивист Николай Георгиевич Кательников; помощник архивиста Петр Николаевич Тулубьев; секретарь Ольга Ивановна Гюбнер-Бакланова [14].

20 июля на объединенном заседании Черноморского окружного отдела управления с заведующими отделами исполкома профессор Б.М. Городецкий сделал доклад об архивном отделении и его функциях. Было принято решение о поддержке архива исполкомом. И с 1 октября 1922 г. сократили Н.Г. Кательникова и П.Н. Тулубьева. Все по тем же причинам: «...из-за полного отсутствия средств в бюджете» [15]. После этого архив перевели в дом 32 по Серебряковской улице, и с 20 ноября он начал выдавать архивные справки и выписки.

Денег на содержание архива у городских властей снова не хватило. И в 1923 г. в архиве остался только один человек. Из-за низкой зарплаты в архиве за 10 лет работы сменилось

13 руководителей [16]. 1 октября 1924 г. Краевое архивное бюро подчинило себе Новороссийский архив, переименовав его в Черноморское окружное архивное бюро, и ввело его в структуру Черноморского окружного исполкома. Был утвержден штат в составе трех человек, выделена комната в здании коммунального хозяйства на улице Советов.

В 1924 г. архив имел 28 фондов, в 1926 г. – 37 фондов, а в 1935 г. – 310 фондов. С ростом фондов архиву выделяли дополнительные помещения [17]. С 1926 г. началась «чистка архива», т.е. работы «по отбору документов в макулатуру». Надо понимать, что не только в макулатуру. В некоторых делах осталось по 10 % из заявленных на обложке листов. Так, в одном деле из 560 листов осталось только 54, а в другом из 96 листов только два! Судя по изменению нумерации листов, такие дела перешивались по 3–4 раза. В 1930-е гг. часть документов была передана Северо-Кавказскому краевому отделу архивного управления в Ростове и Краснодарскому архивному отделу.

Во время Великой Отечественной войны архив был эвакуирован на восток страны, в город Челкар Актюбинской области, и прошел все тяготы эвакуации. Часть материалов из архивов горисполкома была закопана в подвале здания горисполкома. Екатерина Никитична Медведева, работавшая заведующей спецчастью горисполкома, вспоминала: «В 1942 году мне было поручено подготовить имеющиеся архивные документы исполкома к эвакуации. Не помню, в каком месяце точно, но примерно в июле – августе 1942 года по указанию зам. председателя горисполкома Владимира Алексеевича Лангового привезли в мой кабинет семь железных ящиков, в которых были уложены документы. Через некоторое время пришел В.А. Ланговой с мастером, который заварил все крышки у ящиков. Ланговой мне сказал, что никто не должен знать, куда спрятаны эти документы. Все остальные отобранные к уничтожению документы были мной сожжены».

Непосредственным исполнителем данной операции являлся Николай Васильевич Гаркуша, работавший в то время комендантом горисполкома. Он вспоминал: «Примерно в августе 1942 года я был приглашен в кабинет председателя горисполкома Николая Евсеевича Попова. Помимо него в кабинете находился его заместитель В.А. Ланговой. Они сказали, что хотят поручить мне выполнение важного задания. И спросили, согласен ли я его выполнить. Суть задания была в том, что бы в здании горисполкома спрятать документы.

В течение 10 дней в одном из помещений горисполкома под полом я выдолбил яму. Работу эту производил в ночное время, когда в здании никого не было. Затем в яму уложил семь заваренных железных ящиков с документами и вновь забетонировал пол. Затем натаскал в это помещение ломаных стульев и столов».

Участие в спасении архива принимал и Константин Гаврилович Черненко, работавший в ту пору шофером в горисполкоме. Он писал, что в яму, вырытую под бетонным полом, заложили семь заваренных железных ящиков с документами. И затем пол вновь забетонировали [18]. Старожил Новороссийска А.Х. Кизиров, ныне покойный, вспоминал, что и ему доводилось закапывать железные ящики в подвале одного из домов в сентябре 1942 г.

Только 9 апреля 1946 г. архив Новороссийска – целый вагон документов – вернулся в родной город. За время войны погибло 244 фонда и 32 571 дело. Из них 37 фондов и 1200 дел дореволюционного периода. С учетом сложившихся обстоятельств, надо признать, что это достаточно небольшие потери и работники архива сумели в целом его сохранить в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны [19].

Ветеран архивной службы Ольга Павловна Полковникян вот как описывает то трудное время: «В архиве я начала работать с 5 августа 1945 года. Размещался архив в то время в доме № 20 по ул. К. Маркса и состоял из одной комнаты площадью 6 кв. м. Была, правда, еще одна комната на чердаке – 4 кв. м. Помещения не отапливались, был всего один стол, за которым все и работали. Зарплата была мизерная. Однако никто из нас не роптал и все продолжали заниматься работой по приведению в порядок документов».

Много труда и старания для разбора, приведения в порядок документов приложили тогда инспектор по ведомственным архивам О.П. Полковникян и архивно-технический работник Е.Г. Возжаева. В дальнейшем огромную работу по реставрации документов осуществляла хранитель фондов А.И. Савчук.

В 1961 г. директором архива начал работать Григорий Иосифович Фрейман, ранее служивший в НКВД. Вместе с коллективом ему пришлось взяться за решение самых

насуточных вопросов. Г.И. Фрейман вспоминает: «Первое знакомство с работниками архива убедило меня в том, что они коллектив энтузиастов. Это – О.П. Полковникян, Е.Г. Возжаева, А.И. Савчук, Т.В. Омельченко. Каждая из этих женщин по 10–15 послевоенных лет своего труда посвятила реставрации имеющихся исторических документов и организации новых поступлений от учреждений и предприятий города. И это при зарплате, которая, как мне казалось, была “ниже низшего предела”.

Очень остро ощущалось отсутствие элементарных условий для работы. Четыре сотрудника (весь штат) размещались в крохотной комнате, в которой, кстати, работал писатель Ф.В. Гладков в 1920 году, будучи заведующим отделом гороно при ревкоме. А исследователям для работы с документами места вообще не было. Для этой цели использовали тумбочку. Если приходило несколько исследователей, то одному из них предоставляли возможность для работы, а остальных просили подойти, когда освободится место».

В начале 1960-х гг. архив получил новое помещение на первом этаже нового дома 22 по улице Советов, рядом с горисполкомом. К этому времени архив комплектовался только текстовыми документами. По инициативе Г.И. Фреймана архив начал прием на государственное хранение от учреждений и предприятий фотодокументов, иллюстрирующих историю развития города [20].

В 1986 г. Г.И. Фреймана сменил Л.В. Залетиллов, тоже ветеран МВД. Подобные назначения во многом объясняются тем, что архивы ранее входили в состав НКВД СССР. К этому времени архиву стало не хватать помещений для хранения фондов. Да и соседи сверху порой затапливали архив. Л.В. Залетиллов сумел добиться в начале 1990-х гг. присоединения к архиву помещения городского комитета ВЛКСМ, находившегося через стенку. И там расположился зал для исследователей. Был разработан и утвержден проект строительства нового, отдельно стоящего четырехэтажного здания архива. Но в 1990-е гг. на это строительство у города не оказалось денег.

В начале XXI в. архиву выделили помещение бывшего детского сада, расположенного в доме 63 на проспекте Ленина. Переезд был произведен силами коллектива архива. Женщины – работники архива сами грузили бесценные папки с документами в машину, разносили по этажам в новом помещении, сами собирали стеллажи и, не окончив переезда, начали вести прием граждан. В те годы выдавали до 25 тысяч справок в год!

В 1990-е гг. в архивном деле отчасти повторилась ситуация 1920 г. Работники городского архива были вынуждены собирать документы обанкротившихся предприятий в различных местах, вплоть до свалок и гаражей. Так были спасены многие архивы по личному составу.

Рис. 1. Н.А. Мартовецких и Л.В. Залетиллов на открытии нового здания архива. 5 сентября 2012 г. Здесь и далее фотографии автора

В 2010 г. архив возглавила Наталья Анатольевна Мартовецких. На ее долю выпал очередной переезд архива. Выяснилось, что стены бывшего детского сада не выдерживали нагрузки от стеллажей с документами и стали расползаться. Под архив выделили двухэтажное здание бывших механических мастерских ГПТУ № 2. И снова женщины-сотрудницы архива сами перевозили, собирали, расставляли документы по полкам. При этом ни один документ не был потерян.

5 сентября 2012 г. состоялось торжественное открытие архива. Он получил название, которое сохраняет до сих пор: Управление архива муниципального образования город Новороссийск.

Такова краткая история городского архива города-героя Новороссийска. В настоящее время в нем хранится 4211 дел дореволюционного периода, сведенных в 49 фондов, и более 68 тысяч дел примерно в 300 фондах послереволюционного периода. Дела и фонды постоянно пополняются.

Сложившийся коллектив в архиве всегда радушно принимает исследователей, оказывает им помощь в поисках материалов. Поэтому читальный зал архива никогда не пустует. В нем обязательно кто-то работает: исследователи, восстанавливающие историю предприятий и города, аспиранты, студенты, журналисты.

Рис. 2. Работа исследователей в читальном зале архива на проспекте Ленина.

Особой популярностью среди исследователей пользуются дела фондов: 4 «Городская полиция», 2 «Городская Дума» и Р-8 «Исполком Городского Совета». В этих фондах сосредоточены все основополагающие документы по жизни города. Не надо удивляться, что первым назван фонд городской полиции. При своем возрождении в 1866 г. Новороссийск не имел городской думы. Управление городом возлагалось на полицмейстера, в помощь которому из жителей избирались два депутата в хозяйственную комиссию, торговые депутаты, различные оценщики.

«Признаю необходимым разъяснить полиции, – писал 16 июня 1869 г. начальник Черноморского округа генерал-майор Пиленко, – что избираемые в состав ее депутаты от городского общества соответствуют гласным в Городской Думе, где таковые существуют, а Полицмейстер должен заменить Городскую Голову; сообразно чему при участии помянутых депутатов должны решать все дела, указанные в ст. 4443 т. 2 ч. 1 Свода Законов, за исключением указанных в пунктах 4,6, 7, 8, 9...

Даю об этом знать городской полиции к руководству, предлагаю разъяснить выше изложенное положение наличным депутатам» [21].

Поэтому дела фонда 4 содержат документы хозяйственной комиссии, а не собственно полиции. Например «Документы о взыскании штрафов с горожан за различные нарушения в пользу городской казны», начатое 7 марта 1868 г., оконченное 9 декабря 1868 г.; «О проведении выборов депутатов, кандидатов в депутаты, присяжных оценщиков по хозяйственной части при городской полиции», начатое 19 ноября 1873 г., оконченное 15 февраля 1875 г.; «Ведомость справочных цен на продовольствие, фураж, рабочую силу», начатое 21 июня 1878 г., оконченное 23 июня 1879 г.; «Об отпуске земли под строительство портовых сооружений и вокзала», начатое 4 ноября 1892 г., оконченное 31 марта 1896 г.; «Переписка с настоятелем Николаевского собора об устройстве церковно-приходских школ», начатое 17 декабря 1892 г., оконченное 26 апреля 1893 г. и другие. В 1895 г. полиции пришлось организовать выборы в Новороссийскую городскую думу и передать ей все дела.

Дальнейшая история города продолжается в делах фонда 2 «Городская Дума». В этом фонде более тысячи дел, от журналов заседаний городской думы до переписки по различным вопросам. Начинаются дела с 1896 г., а заканчиваются 1920 г. Многим будет интересно узнать, что известный кубанский историк Федор Андреевич Щербина был гласным Новороссийской городской думы, а первый председатель правительства Кубанской народной республики после революции 1917 г. Лука Лаврентьевич Быч – секретарем Новороссийской городской управы.

Дела фонда Р-8 исполкома городского совета хронологически продолжают дела фонда 2. Здесь собраны не только протоколы заседаний совета, но и подготовительные материалы к ним. Таким образом, в Новороссийском городском архиве собрана история города от второго его основания в 1866 г. до наших дней.

Работа с делами всех трех названных фондов позволяет сделать выводы о том, что основные вопросы, решаемые местной властью, практически не менялись на протяжении всей истории города. Это выделение земельных участков под строительство и противодействие самозахвату земли, наведение и поддержание чистоты на улицах и во дворах, решение вопросов водоснабжения, канализации, освещения улиц, установки номерных табличек на домах, борьба с бродячими собаками и другие проблемы, которые постоянно освещаются на страницах городских газет.

Немалый интерес представляют фонды 1 «Удельное имение Абрау-Дюрсо», 5 «Новороссийская таможня», 10 «Акционерное общество Черноморского цементного производства», 16 «Береговое почтовое отделение», 17 «Управление строительства Новороссийского порта», 19 «Новороссийская дистанция пути Владикавказской железной дороги» и другие, содержащие документы по истории предприятий Новороссийска. Здесь имеются уникальные документы, рассказывающие о событиях в крае и в стране в целом. Например, в фонде таможни есть циркуляры с соответствующими разъяснениями, запрещавшие в начале XX в. ввоз аэропланов в Россию. Среди них было и такое: «В целях воспрепятствования злонамеренным лицам осуществлять преступные их замыслы при помощи воздухоплавательных снарядов» [22]. В фонде 17 имеются документы не только о строительстве порта в Новороссийске, но и о строительстве Черноморской железной дороги, портов в Туапсе, Анапе, Сочи.

В фонде 74 собраны ежегодные отчеты черноморского губернатора. Они имеют описательную часть и статистические таблицы с обобщенными данными за год. Работая с отчетами за несколько лет, легко увидеть динамику развития черноморского побережья в дореволюционное время. Надо отметить, что почти все дореволюционные фонды доведены до конца 1920 г., и в них достаточно много материалов по Гражданской войне, рассказывающих о повседневных делах города в это время.

Фонды советского времени, особенно 1920-х гг., также представляют большую ценность для исследователей. В это время Новороссийск оставался центром Черноморской области, в которую в разное время входили разные районы края. В архиве сохранились документы, рассказывающие о жизни этих районов. Надо отметить фонды Р-5 «Черноморский ревком», Р-9 «Черноморский окружной исполком», Р-11 «Окружная плановая комиссия», Р-12 «Окружное отделение Центропечати», Р-17 «Окружной отдел Народного образования», Р-47 «Новороссийский окружной Совет» и другие. В них имеются структурные схемы управления Черноморским округом, списки работников различных подразделений, решения по различным вопросам, жалобы, заявления и т.д. В фонде Р-17

находятся личные дела учителей бывшей Черноморской губернии и Черноморского округа, к сожалению, без фотографий.

Уникальным является фонд Р-26 «Городская комиссия по делам красных партизан». В нем содержится 1441 дело. В каждом из них – характеристики, воспоминания красных партизан, участников Гражданской войны и партизанского движения на Кубани и Черноморье, документы, рассказывающие о работе самой комиссии. Во многих случаях изложение своей версии событий их участниками отличается от общепринятой точки зрения. Но этот фонд досконально не изучался.

Рис. 3–5. Обложки архивных дел

В 1960-е гг. в городе стали собирать воспоминания участников Гражданской и Великой Отечественной войн, которые сейчас хранятся в фондах Р-132, Р-136 и Р-233. Имеются в архиве и воспоминания других лиц. В фонде Р-79 хранятся материалы, поступившие от краеведов.

В отличие от 1920-х гг., когда работники архива менялись часто, сейчас люди приходят работать в архив надолго, а то и на всю жизнь. 42 года отдала архиву Ольга Павловна Полковникян, работавшая в нем с 1945 г. Более 30 лет проработали в архиве Екатерина Георгиевна Возжаева, Антонина Ивановна Савчук, Таисия Викторовна Омельченко. Четверть века отдала архиву Людмила Андреевна Безверхая и директор Георгий Иосифович Фрейман. Более 20 лет проработали в архиве директор Леонид Васильевич Залетиллов и его заместитель Нина Вадимовна Савельева, заслуженные работники государственной архивной службы Кубани, Валентина Алексеевна Шульга и Галина Ивановна Федоренко. В тяжелые 1990-е гг. они сумели сохранить архив, спасти его от разукомплектования и уничтожения.

Сегодня в архиве работают Наталья Анатольевна Мартовецких, Наталья Георгиевна Высоцкая, Ольга Борисовна Михина, Вера Георгиевна Хачатрян, Маргарита Алексеевна Бурчакова, Юнона Николаевна Черновол, Оксана Владимировна Гуцал, Виктория Владимировна Кулыгина. По запросам жителей города архив выдает каждый месяц более тысячи справок социально-правового характера. В основном это подтверждение стажа работы для получения пенсии, а также решения горисполкома на выдачу земельных участков.

Администрация города выделяет архиву средства из бюджета на новое оборудование и программное обеспечение. В 2014 г. было закуплено оборудование для оцифровки документов почти на 1 млн руб., установлены новые мобильные стеллажи и другое оборудование.

Рис. 6–7. Хранилища архива

Рис. 8. Новый читальный зал

Рис. 9–10. Обложки издаваемого архивом «Архивного вестника»

При архиве работает Новороссийское отделение Российского общества историков-архивистов (РОИА). Коллективным членом этого общества является Новороссийское городское историческое общество, возглавляемое С.Г. Новиковым. Общество принимает активное участие во всех мероприятиях, проводимых Краевым отделением РОИА.

Примечания:

1. О новом устройстве Черноморской береговой линии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XIV. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1840. С. 349–350.
2. Красное Черноморье. 1922. 16 июля. № 159.
3. Управление архива муниципального образования город Новороссийск (в дальнейшем – УАМОН). Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
4. УАМОН. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1964. Т. 47. С. 96, 420.
6. УАМОН. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 286. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.
7. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М.: Политиздат, 1978. Т. 9. Июнь 1920 г. – январь 1921 г. С. 338.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 43. Л. 20б., 170б., 18.
9. УАМОН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 791. Л. 10, 110б. Д. 960. Л. 4.
10. УАМОН. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 6. Л. 4, 92.
11. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
12. Красное Черноморье. 1922. 5 июля. № 149.
13. Красное Черноморье. 1922. 16 июля. № 159.
14. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–10, 21.
15. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 2. Л. 27. Д. 4. Л. 24.
16. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 7, 14.
17. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 68. Л. 43.
18. Архивный вестник. Издание Архивного отдела администрации г. Новороссийска. Новороссийск: [Б.и.], 1996. № 1. С. 3.
19. УАМОН. Ф. Р-44. Оп. 1. Л. 3–7.
20. Архивный вестник... 1996. № 1. С. 4.
21. УАМОН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 53–53об.
22. УАМОН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

References:

1. O novom ustroystve Chernomorskoy beregovoy linii // Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sbranie II. T. XIV. Ch. I. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1840. S. 349–350.
2. Krasnoe Chernomorye. 1922. 16 iyulya. № 159.
3. Upravlenie arkhiva munitsipalnogo obrazovaniya gorod Novorossiysk (v dalneyshem – UAMON). F. R-17. Op. 1. D. 10. L. 6.
4. UAMON. F. R-17. Op. 1. D. 12. L. 81.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. M.: Politizdat, 1964. T. 47. S. 96, 420.
6. UAMON. F. R-5. Op. 1. D. 119. L. 286. F. R-17. Op. 2. D. 5. L. 3.
7. Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaya khronika. M.: Politizdat, 1978. T. 9. Iyun 1920 g. – yanvar 1921 g. S. 338.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya. F. R-1700. Op. 1. D. 43. L. 20b., 170b., 18.
9. UAMON. F. 2. Op. 1. D. 791. L. 10, 110b. D. 960. L. 4.
10. UAMON. F. R-17. Op. 2. D. 6. L. 4, 92.
11. UAMON. F. R-44. Op. 1. D. 4. L. 17.
12. Krasnoe Chernomorye. 1922. 5 iyulya. № 149.
13. Krasnoe Chernomorye. 1922. 16 iyulya. № 159.
14. UAMON. F. R-44. Op. 1. D. 4. L. 3–10, 21.
15. UAMON. F. R-44. Op. 1. D. 2. L. 27. D. 4. L. 24.
16. UAMON. F. R-44. Op. 1. D. 3. L. 3, 7, 14.
17. UAMON. F. R-44. Op. 1. D. 68. L. 43.
18. Arkhivnyy vestnik. Izdanie Arkhivnogo otdela administratsii g. Novorossiyska. Novorossiysk: [B.i.], 1996. № 1. S. 3.
19. UAMON. F. R-44. Op. 1. L. 3–7.
20. Arkhivnyy vestnik... 1996. № 1. S. 4.
21. UAMON. F. 4. Op. 1. D. 12. L. 53–53ob.
22. UAMON. F. 5. Op. 1. D. 73. L. 2.

УДК 930.25

Архив города-героя Новороссийска

Сергей Александрович Санеев

Новороссийское городское историческое общество, Российская Федерация
353901, Новороссийск, улица Сакко и Ванцетти, 20-22
E-mail: saneev@nsrz.ru

Аннотация. Статья посвящена истории и современному состоянию архива города Новороссийска. Преобразования архива Новороссийска были тесно связаны с основными вехами истории города. Автор анализирует изменения в системе комплектования фондов, материальной базе и кадровом составе архива. Охарактеризованы наиболее часто используемые фонды, возможности использования исследователями архивных документов.

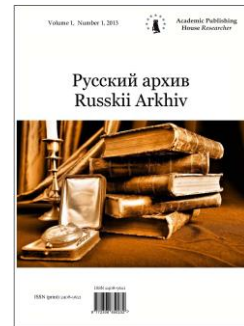
Ключевые слова: Новороссийск, муниципальный архив, архивный фонд, архивный документ.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 278–287, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.278
www.ejournal16.com

Publication of sources

UDC 94(47)

The Low Volga Region and Territory of the Don Cossacks in the Unpublished Fragment of Memories by Doctor J.J. Lerche (1749)

Preparation for publication, translation, introduction and commentary
Alexander L. Kleitman

Volgograd Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
8, Gagarin Street, Volgograd, 400131
PhD (History)
E-mail: alexander.kleitman@gmail.com

Rostislav L. Kovalevsky

Volgograd Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
8, Gagarin Street, Volgograd, 400131
PhD (Philology), Professor
E-mail: rkovalevskij@gmail.com

Galina K. Savchenko

Volgograd Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
8, Gagarin Street, Volgograd, 400131
PhD (Pedagogy)
E-mail: ppevmel@yandex.ru

Abstract

Fragment of the diaries by the traveler, scholar Dr J.J. Lerche which describes his journey on the Low Volga Region and the Territory of the Don Cossacks in spring 1749 is published in the Russian translation. This text was never published before; manuscript of the diary is kept in the National Library of Russia. The document is of interest as a source of social and economic history of the South of Russia, the history of Russian science, the history of Russian-German relations.

Keywords: The Low Volga Region, Territory of the Don Cossacks, Astrakhan, Tsaritsyn, regional history, 18th century.

Иван Яковлевич Лерхе (Johann-Jacob Lerche) родился 17 декабря 1708 г. в Потсдаме. После обучения в Галльском университете в 1731 г. получил диплом доктора и переехал в Россию, где был принят на военную службу и назначен главным врачом в Астраханский корпус, который в это время вел боевые действия в Прикаспии. В период с начала 1733 г. до конца 1735 г. И.Я. Лерхе принимал участие в военном походе, в ходе которого посетил Дербент, Баку, Шемаху и другие места Кавказа. После начала Русско-турецкой войны в 1736 г. он был переведен в армию П. Ласси в качестве фельдмедика, а позже командирован на Донец и в Харьков для борьбы с появившейся там чумой. В 1742 г. принимал участие в шведском походе П. Ласси. В 1746–1747 гг. И.Я. Лерхе вновь посетил Прикаспийский регион, на этот раз в качестве сопровождающего русское посольство в Персию. В 1750 г. он был назначен штатд-физиком, заведующим московской главной аптекой и «медицинским огородом» в Москве. В 1751 г. переведен на такую же должность в Санкт-Петербург, с назначением медицинским советником директора Медицинской канцелярии, а в 1760 г. после смерти П.З. Кондоиди стал ее начальником. В 1764 г. за успехи на службе был произведен в коллежские советники. Умер И.Я. Лерхе в 1780 г. в Санкт-Петербурге [1].

На протяжении многих лет И.Я. Лерхе вел дневники, путевые записки, в которых описывал посещаемые им места, фиксировал результаты своих исторических и географических изысканий. Он старался сопоставить результаты своих наблюдений с трудами предшественников – ученых и путешественников, что сделало его дневники и путевые записки полноценными научными сочинениями, уникальными для своего времени.

Дневники И.Я. Лерхе, содержащие описание его путешествий по Каспийскому морю (1733–1735 гг. и 1745–1747 гг.), вызвали живой интерес уже у его современников. В 1760 и 1762 гг. в журнале “Sammlung Rußischer Geschichte” Г.Ф. Миллер опубликовал замечания Лерхе на записки о Кавказе и о волжских калмыках немецкого путешественника Г. Шобера, посетившего Нижнее Поволжье в конце 1710-х гг., поскольку в ходе своих поездок по этому региону И.Я. Лерхе обнаружил многие неточности и ошибки, вошедшие в труд его предшественника [2]. В 1769 г. в журнале А.Ф. Бюшинга (“Magazin für die neue Historie und Geographie”) были опубликованы выдержки из дневников И.Я. Лерхе, содержащие описание путешествия из Москвы в Астрахань и далее по Каспийскому морю в 1733–1735 гг. [3]. В 1776 г. в этом же журнале было издано описание его второй поездки в Персию [4]. После смерти И.Я. Лерхе в 1790 г. в журнале «Новые ежемесячные сочинения» была опубликована «Выписка из путешествия Иогана Лерха, продолжавшегося от 1733 года по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря» – перевод публикации А.Ф. Бюшинга 1769 г. [5]. В 1790–1791 гг. в «Новых ежемесячных сочинениях» был опубликован и перевод дневников И.Я. Лерхе, содержащих описание его второго путешествия по Волге и Каспийскому морю – «Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию от 1745–1747 г.» (перевод был выполнен А. Клевецким и М. Судаковым) [6]. Тогда же, в 1791 г., А.Ф. Бюшингом было предпринято новое издание дневников И.Я. Лерхе с предисловием, содержащим биографические сведения об их авторе, и небольшими научными комментариями [7]. До настоящего времени эта книга остается наиболее полной публикацией творческого наследия И.Я. Лерхе, наиболее информативным источником по его научной деятельности.

В XIX столетии личность И.Я. Лерхе привлекала внимание исследователей, занимавшихся изучением истории Академии наук (М.И. Сухомлинов, П.П. Пекарский), историей медицины в России (В.М. Рихтер, Я. Чистович), статьи о нем вошли в биографический словарь А.А. Половцова, энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Следует отметить, однако, что авторы XIX в., исследуя сюжеты, связанные с И.Я. Лерхе, не обращались к его рукописному наследию, а опирались на источники, опубликованные в конце XVIII столетия.

На протяжении XX в. была опубликована только одна работа, продвинувшая вперед источниковедческое и археографическое изучение рукописного наследия И.Я. Лерхе, – книга ленинградской исследовательницы В.Ф. Гнучевой «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов». В.Ф. Гнучева составила описание архивных материалов И.Я. Лерхе, содержащих сведения о его путешествиях по Волге и в Персию в 1730–1740-х гг.,

проанализировала посвященную ему историографию XVIII–XIX вв. [8]. Авторы других публикаций, как статей и монографий общего характера, посвященных истории отечественной науки в XVIII столетии, так и составители нескольких сборников материалов и документов по истории Нижнего Поволжья, не работали с рукописями И.Я. Лерхе, а лишь использовали публикации А.Ф. Бюшинга и воспроизводили суждения о биографии, путешествиях, научных изысканиях И.Я. Лерхе, высказанные в историографии XIX в.

Таким образом, вплоть до настоящего времени не проводилось специального, основанного на широкой базе источников и литературы исследования, посвященного творческому наследию И.Я. Лерхе. При этом, как очевидно, его труды могут представлять интерес как источники по самым разным сюжетам отечественной истории: локальной истории отдельных российских и зарубежных регионов; истории отечественной медицины; истории географической и исторической науки и т.д.

В силу целого ряда причин творческое наследие И.Я. Лерхе представляет особый интерес как источник по региональной истории юга России. Как врач Астраханского военного корпуса он прожил в Астрахани довольно продолжительный период времени. По нашим расчетам, основанным на анализе его дневников, он находился в городе с марта 1732 г. до февраля 1733 г. (до первого путешествия в Персию), с декабря 1735 г. до июня 1736 г. (по возвращении из него), а также до и после второго путешествия по Каспийскому морю: с осени 1745 г. до осени 1746 г., и с сентября 1747 г. до мая 1749 г. По пути в Астрахань и обратно в центральную Россию он проезжал через земли донских казаков, крепости на Волге – Царицын, Черный Яр и Енотаевку, станицы и сторожевые посты волжских казаков. Его связь с Нижним Поволжьем не ограничивалась служебными делами: он был женат на дочери заведующего астраханскими садами Петра Поссиета, на протяжении многих лет поддерживал постоянные связи с несколькими людьми из Астрахани и Царицына.

Основной массив рукописей И.Я. Лерхе отложился в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук хранится только несколько отдельных рукописей путешественника, особого интереса в контексте истории Нижнего Поволжья не представляющих. В «портфелях Миллера» в Российском государственном архиве древних актов сохранились несколько писем И.Я. Лерхе.

Дневники ученого являются информативными историческими источниками, не менее интересными и не менее энциклопедичными, чем популярные путевые записки участников академических экспедиций 1760–1770-х гг. Третий рукописный том дневников, содержащий сведения за 1731–1736 гг., в том числе описание первой поездки в Персию, не сохранился. Однако пятый том с данными за 1745–1754 гг., содержащий описание второго путешествия по Каспийскому морю, с источниковедческой точки зрения представляет существенный интерес.

Как показало сопоставление фрагмента текста, содержащего описание путешествия по Нижнему Поволжью [9], с текстом публикации А.Ф. Бюшинга, при издании дневники подверглись серьезной редакторской правке, отдельные небольшие фрагменты при публикации были опущены.

В том числе ранее не публиковался фрагмент, содержащий описание обратного пути И.Я. Лерхе из Астрахани в Москву через Царицын и земли донских казаков в июне 1749 г. [10], перевод которого на русский язык представлен в настоящей публикации.

В представленном фрагменте автор описал посещенные им населенные места, охарактеризовал образ жизни, занятия, быт местных жителей. Представляют интерес его рассказы об археологических древностях Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона, об огромном интересе к памятникам древности со стороны местных жителей. Многие приведенные И.Я. Лерхе сведения уникальны, что делает его текст важным источником по социальной, экономической и культурной жизни региона середины XVIII в.

При переводе текста рукописи на русский язык авторские особенности написания имен собственных сохранены и приведены в квадратных скобках на языке оригинала, орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами русского языка. Подчеркивания отдельных слов, встречающиеся в рукописи, сохранены в публикации. Биографическая информация установлена не для всех упоминаемых в дневнике персоналий. Соответствующие сведения, в тех случаях когда доступны, приводятся в сносках.

Дневник И.Я. Лерхе

...Наконец-то я снова перехожу к событиям 1749 года в Астрахани. Не произошло ничего примечательного, кроме того что пришел приказ о том, что оставшаяся часть нашего посольства должна подготовиться и вернуться назад в Москву: мы провели здесь две зимы и одно лето: *Deus nobis hac otia fecit*¹, и все же мы всегда получали жалование так, как будто мы были в Персии, и это продолжалось до дня нашего приезда в Москву.

Прошедшая зима была умеренной и непостоянной, при этом было мало снега, который растаял уже 1-го февраля, и было довольно сухо, хотя после этого было еще немного снега и наступали сильные морозы. Волга вскрывалась большей частью в середине февраля, но в марте она снова замерзла, и в конце этого месяца Волга поднялась. В первые дни марта калмыки вытащили из реки Кутумова² [Kutumowa] лошадь, утонувшую в начале зимы, они посчитали, что она еще тучна и для еды, поэтому они очень скоро разделили ее между собой.

24-го марта на стенах, на которые падало солнце, можно было увидеть появляющуюся зеленую траву. 4-го апреля на поле появился уже *Ornithogalum album*³, а 10-го показались первые ласточки.

7-го мая произошло то, что два посланника бывшего Адил-шаха⁴ [Adil. Schachs] были привезены назад в Баку, как уже более обстоятельно было описано выше... Они по воде успешно добрались.

Как только Волга вскрылась, господин губернатор Брылкин⁵ велел подготовить несколько транспортных средств и остаток нашего вышеупомянутого посольства отправить по воде до Царицына.

Перед отъездом подарили большой барометр и термометр секретарю губернского правления Чирикову, один термометр господину коменданту Кнутову⁶ и один персу часовщику и ювелиру Агамину.

7-го мая вся свита посольства выехала из Астрахани, две драгунские роты получили четыре корабля, каяка или полугалеры, подарки, предназначенные шаху, положили также туда. Мой шурина, капитан Поссиет⁷, получил 17 лошадей, которых вели по берегу, мы с ним общались во время этого путешествия. Прежде чем все устроилось, мы остались стоять три дня на Солянке по ту сторону Волги. Господин губернатор обошелся со мной очень хорошо и дал мне документ на 15 лошадей, а также прогонные деньги 167 рублей. Покидать Астрахань мне было очень тяжело: я бы хотел, чтобы меня здесь оставили на службе, но так как на этой границе не было доктора, то я отказался от этих мыслей. Итак, я попрощался с моими тестем и тещей и остальными знакомыми, которые меня почти все посещали по ту сторону Волги. Среди них были пастор Нойбауэр⁸, аптекарь Мадебург, Старший хирург Эллерт, хирурги Гольдман, Хемницер, Агсры, Штамм, доктор Антонетти, бригадир Шумаев, полковники Кулупанов и Цумфельде, лейтенант флота Абалешов и много других.

¹ «Бог даровал нам эти досуги» (лат).

² Кутум – рукав реки Волга в ее дельте, протяженность около 20 км. Начинается на территории г. Астрахани.

³ *Ornithogalum album* или птицемлечник – многолетнее луковичное растение семейства гиацинтовые.

⁴ Адил-шах (1719–1749) – второй шах Персии из династии Афшаридов (1747–1748).

⁵ Брылкин Иван Онуфриевич – обер-прокурор Правительствующего сената, сенатор, действительный тайный советник, в 1745–1752 гг. – астраханский губернатор.

⁶ Кнутов Федор Иванович – военный и государственный деятель, тайный советник, в 1740-х гг. был комендантом г. Астрахани.

⁷ Поссиет (Посьет) Корнелий Петрович – сын заведующего астраханскими виноградниками Петра Поссиета.

⁸ Иоганн Нойбауер, родился в 1696 г. в г. Кляйн Ошерслебен (Klein Oschersleben) в Саксонии, был крещен 15 марта 1696 г. Впоследствии обучался в латинской школе при Сиротском доме в Галле, которую окончил в 1712 г., в 1715 г. получил диплом об окончании теологического факультета Гальского университета. В 1730 г. он переехал в Санкт-Петербург, где стал работать домашним учителем. В 1733 г. переселился в Москву, где до 1743 г. служил пастором в новой лютеранской кирхе. В 1747 г. И. Нойбауер был переведен в Астрахань, стал пастором местной лютеранской общины и прожил здесь до своей смерти в марте 1766 г. [11].

20-го мая мы наконец выдвинулись из Солянки¹ и приехали за селитряными заводами на Волге к местечку Малая Каравайка [Malaja Karawaika], такой маленькой реке, 7 верст.

21-го [доехали] до Большой Каравайки [Boltschaja Karawaika], 25 верст: сначала мы прошли глубокие пески, затем вдоль берега шли по твердой дороге, где стояло много кибиток татар и калмыков; у них были большие стада овец и коз, и они давали нашим людям достаточно молока. Вся дорога по степи до крепости Енотаевка [Genatajowka]² очень песчаная, и поэтому нужно далеко отъезжать от берега, чтобы идти лучшим путем.

22-го мая – до Коровьей Луки [Korowia Luka], вначале по песку, а затем по довольно хорошей дороге, хотя несколько неровной и холмистой. Сегодня показались первые комары.

23-го – день отдыха.

24-го – до 2-го форпоста, 30 верст.

NB. От Астрахани до Царицына выставлены форпосты, каждые 30–40 верст, в которых [служат] казаки и астраханские татары числом 20–30 человек. От Енотаевки до Царицына – только донские казаки. Они служат путникам для защиты от калмыков.

25-го от 2-го форпоста Крымской Затон [Krimskoj Saton] (ильмень), т.е. кусочек земли на берегу, затопляемый иногда летом высокой водой и являющийся страшным на ветру, подобные места заселяют татары под Астраханью и высаживают там дыни, арбузы, пшено, пшеницу, ячмень, бобы и т.д. По каналам они проводят воду на такие места до Черной гряды [Tschornaja Greda], 30 верст, недалеко от которой купец Богдан Николаевич [Bogdan Nikolajtsch]³ держит большую ватагу или рыболовецкий стан.

26-го еще 25 верст, вблизи высокого берега реки. Корм здесь плохой, большей частью дикая полынь, но лошади едят ее охотно, и наши татары, которые нам давали сменных лошадей до Царицына, сказали, что она здоровее, чем высокая трава на низких местах.

27-го мы не отдыхали днем, а проследовали прямо до крепости Енотаевка, 20 верст. Этот город, по донесению бывшего астраханского губернатора Василия Никитича Татищева [Wasilie Nikititsch Tatischow]⁴, начал строиться 5 лет тому назад, и большей частью из-за калмыков. Он находится недалеко от берега, который очень высок и из-за воды неудобен. Здесь мимо протекает только один рукав Волги, где суда не могут плавать, кроме как при высокой воде. Большая Волга течет в трех верстах отсюда между островами. Вал и рвы с форштадтом составляют 4 версты и строительство еще продолжается. Главнокомандующим является здесь полковник Спицын [Spitzyn] над калмыцкой экспедицией наряду с 1-й драгунской ротой и 2-м астраханский гарнизоном.

Купцы еще здесь не осели, только мелкие торговцы [Marquetenten]⁵. Другие товары надо привозить из Астрахани. Рыба здесь не всегда доступна. Все офицеры из драгунской роты, которые здесь постоянно заняты, сами обеспечивали себя овцами и птицей. Полковник построил здесь себе подходящую квартиру. Он держит более 400 лошадей, а также много коров, но тут из них 130 голов умерло. У него большое стадо калмыцких овец, которое ему должны стеречь казаки. Его жалование составляет 1000 рублей. Он должен один раз в год ездить в степь к калмыцкому вице-хану Донду Дарши [Don du Darschi]⁶. У хана постоянно находится один из офицеров с 20–30 драгунами.

Во время этой экспедиции в крепости находился хирург Рёсслейн. В рвах находят *Conchylia petrefacta*⁷, которой я немного взял с собой. Казаки на одном форпосту, 7 верст отсюда, на берегу Волги нашли кости и задние зубы слона, из них полковник мне один подарил; высокая вода вымывает их из берега.

¹ Солянка – село, в настоящее время является пригородом Астрахани.

² Енотаевка – село в Астраханской области, основано В.Н. Татищевым как крепость в 1742 г.

³ Биографических сведений об этом человеке найти не удалось.

⁴ Татищев Василий Никитич (1686–1750) – российский историк, географ, политический деятель. В 1741–1745 гг. – астраханский губернатор.

⁵ Маркитанты – мелкие торговцы съестными припасами и напитками, сопровождавшие армию в походе.

⁶ Дондук Даши – калмыцкий хан (1741–1761), внук Аюки-хана.

⁷ Окаменелые раковины.

Мой шурин получил приказ отправляться в путь и взять с собой 17 лошадей, так что мне теперь стало очень скучно. Г-н полковник Спицын сказал, что я мог бы совершить путешествие до Царицына по степи, не испытывая страха, так как хан с калмыками теперь находится по ту сторону Волги, и обещал мне конвой из 5 казаков от одного форпоста до другого, что он и сделал: поэтому я с супругой и 2 детьми и младшим хирургом Разе [Rahse] отправился в путь, итак, мы отъехали 29-го мая. Проехали 15 верст до первого форпоста. 30-го [доехали] до Кизигорского форпоста [Kisigorsky Vor-Post], 20 верст. Сегодня был сильный шторм, который перевернул на Волге почтовое судно, которое мы с берега видели дрейфующим вдалеке. Один из людей выбрался вплавь на землю и сообщил об этом. Казаки из форпоста поехали со своей лодкой навстречу и успешно спасли людей. Почтовая лодка была полна воды, но, к счастью, затонула не полностью. Солдат не потерял письма, они только намочили. Воду из почтовой лодки вычерпали и ее подчинили, а вечером они смогли снова продолжить путь.

30-го мая я проехал 15 верст до ватаги Калмыкова.

31-го 20 верст мимо форпоста Грачевская [Vor-Post Gratschewska] и во второй половине дня еще 15 верст. В первую половину дня мы миновали 3 буерака или долины.

1-го июня [добрались] до города Чернояр¹, 15 верст. Здесь я встретил четыре полугалеры с нашими офицерами и осмотрел свои ящики, а также лодки капитана Маслинского [Maslinsky]. Двое из наших офицеров решили поехать вместе со мной до Царицына сухопутным путем, а именно лейтенант Челишов [Tschelischow] и адъютант Карабанов [Karabanow], что расширило наше общество и было для меня тем приятнее.

1-го июня после обеда мы проехали дальше 15 верст до первого форпоста.

Тут мы узнали, что два дня тому назад калмыки напали на маленький обоз и почти полностью его разграбили, а троих человек ранили стрелами. Из Черного Яра немедленно были откомандированы почти все казаки для розыска этих разбойников, но все-таки все было напрасно, как мы затем узнали. 2-го июня во второй половине дня [проехали] 15 верст внутрь земли [от Волги], вокруг местности Вязовка [Wesowka], объехав таким образом две глубоких долины, а оттуда должны были снова проехать 15 верст назад к Волге. Впрочем, путь вдоль реки ближе и лучше, но Волга, поднявшись уже очень высоко, слишком высоко подошла к Вязовке, так что пройти здесь было нельзя.

NB. Вверху в степи на вершинах или истоке этой реки я нашел много небольших экземпляров Lapid. Selenifidis². Дорога там очень ровная и непесчаная, но в дождливую погоду, как сейчас, затруднительна.

NB. На сегодняшнем пути, когда мы ели днем и вечером, я нашел здесь много тарантулов, в основном по вечерам у костра, к которому они приближались, затем в следующие дни я наблюдал их множество, некоторых я положил в спирт и взял с собой. Это точно тот же вид, который я нашел в 1739 г. в Каменном Затоне. Казаки сказали, что их в степи между Черноярм и до Царицына очень много, но они не причиняют такого ущерба, как на Днепре, но один человек, которому можно верить, рассказал мне в Царицыне, что он видел, как один мужчина умер от укусов этих насекомых.

3-го июня мы прошли мимо одного форпоста через две долины 20 верст, а после полудня еще 15 верст до другого форпоста вблизи Волги.

4-го еще 30 верст до последнего форпоста. Тут нас настигла ужасная дождливая погода. К вечеру в 6 часов снова стало ясно, и мы прошли еще 10 верст до реки Серпинка³, которая протекает вокруг одной высокой горы и впадает в Волгу.

5-го июня еще 20 верст до Царицына; этот последний участок пути был самым тяжелым, так как мы должны были проехать через 6 или 7 глубоких, частично песчаных оврагов, что измотало и лошадей, и людей, так как каждый раз надо было у всех повозок привязывать колеса, каждую повозку с людьми отдельно удерживать и переносить вверх через овраги [балки], но все прошло без особых повреждений.

В Царицыне я дожидался судов [лодок], на которых должен был прибыть мой экипаж, чтобы поехать дальше, но они из-за теперешней высокой и быстрой воды и встречного ветра

¹ Черный Яр – село в 250 км от Астрахани, основано как крепость в 1627 г.

² Возможно, обозначение лунного камня.

³ Сарпа – небольшая речка, впадающая в Волгу с правой стороны.

прибыли только через 14 дней: драгуны были совершенно измотаны греблей. Две драгунских роты получили от военной коллегии приказ остаться и дальше в Царицыне. Офицеры капитан Плещеев и лейтенант Челишов взяли с собой подарки, предназначены для шаха, и [приготовили] все для поездки. Но так как им нужны были много повозок и около 70 лошадей, которых в Царицыне так скоро не собрать, я не захотел этого ждать. Поэтому я решился снова один выехать вперед, хотя с этими офицерами можно было бы ехать удобно и безопасно. Мой деверь Поссиет между тем нагнал меня в Царицыне и еще за день до меня продолжил свой марш дальше, который затем снова навестал.

В Царицыне я нашел еще здравствующим моего старого друга, а именно Алексея Максимовича Протопопова, сотрудника Крепостной канцелярии, который по своей привычке в эти дни оказал мне много хорошего. Он рассказал мне, что люди весной из могил татар из Золотой Орды в степи на реке Маныч, впадающей в Дон, снова выкапывали разные антикварные вещи, которые они иногда продавали, в том числе были вещи с особо тщательной резьбой из яшмы и бело-голубого ясписа, которые украшали пояс или служили подвеской на сабле. Я получил от него и секретаря Григорьева несколько из этих вещей, а также три старые монеты, найденные на острове Серпенской [Serpenskoj]¹, который расположен напротив города.

Он сказал мне также, что из холмов или курганов и старых могил, а особенно на той стороне Волги, часто выкапывали редкие вещи, такие как золотые чаши, монеты, драгоценные вещи для рук из золота и серебра, кольца, застежки, пуговицы и посуду из ясписа, целые плиты из мрамора с прекрасно вырезанными фигурами: большинство гробниц находится по ту сторону Волги у реки Ахтуба, где можно найти еще так много руин старого города Царевграда [Zareowgorod], где у ханов Золотой Орды была их резиденция. Бурлаки и другие отважные люди отправляются в степь, но они должны остерегаться калмыков, которые из суеверия не позволяют вскрывать старые могилы. Эти смельчаки говорят, что в степи далеко в сторону Башкирии должна быть довольно возвышенная гора, в которой похоронен один благородный святой, где можно найти много ценных вещей, но только там, говорят, среди шатающихся постоянно находятся калмыки, которые препятствуют тому, чтобы никто не производил раскопки в безопасности. Эти кладкопатели имеют определенные метки на курганах или холмах, которые указывают, существует ли надежда внутри что-нибудь найти. Конечно, он [копатель] вокруг могилы или некоторых углублений должен таким образом понять, что этот холм был взрыт и неестественным образом. Но когда они действительно начинают копать и находят, что земля твердо сбита, как глина, или когда им попадаются вообще стены или своды из красных камней, то у них появляется твердая надежда что-нибудь найти, и тогда они копают еще усерднее. У секретаря Григорьева я видел одну стоящую плиту из красного мрамора размером в 2 1/2 локтя, которая также была принесена из подобного кургана, всего несколькими сколами в одном месте.

От Астрахани до Царицына насчитывается, собственно говоря, 412 верст, и платят татарам одну копейку за одну версту и за каждую лошадь. От Царицына до последней казачьей станицы на Дону Михайловки² – 353 верст, до Ново-Хоперской крепости³ 27 верст и до Тамбова еще 181 верста, до того места тоже платят 1 копейку за каждую версту, но от Тамбова до Москвы – 500 верст, и тут платят уже только 3 копейки за 10 верст и едут на лошадях с ямщиками, но медленнее, так как лошади не меняются слишком часто. Итак, в общем от Астрахани до Москвы 1473 версты. Можно посмотреть еще в Петербургский календарь, в нем описаны все маршруты по всей Российской империи.

Наконец-то я приготовился к отъезду: ящик с книгами взял лейтенант Челишов, чтобы доставить их позже. Кибитку продал в Царицыне, которая больше была не нужна: я смог довольствоваться палаткой, которую и легче было везти.

¹ Сарпинский остров – самый большой остров реки Волги, расположен напротив южной части современного города Волгограда.

² Михайловка – город в Волгоградской области, основан как станица донских казаков в 1762 г.

³ Новохоперск – город в Воронежской области, основан как крепость в 1710 г.

16-го июня я выехал из Царицына, проехал до реки Мечетка 10 верст и остановился у красного колодца, до этого места проводил нас Алексей Максимович: он умер через один или два года после этого, т.е. я смог увидеть его в последний раз.

17-го июня – до Грачевской крепости¹ 20 верст и по полудню до реки Захарка² 15 верст. Здесь я догнал моего деверя, и мы несколько дней ехали вместе.

18 [июня] мы совершили большой марш-бросок через речку Тишанка [Tishanka] и по правой стороне вверх до реки Лавля [Lawla]³ более 40 верст. Сейчас здесь на Дону большая вода, которая залила также и Лавлю⁴, иначе именно при низкой воде мы смогли бы проехать не более 25 верст, так как за путь от Царицына до Лавли платят только за 70 верст. Комары нас здесь изрядно замучили. Казаки из Лавли должны были ремонтировать мост, что они делали несколько дней. Они каждый год весной перед высокой водой снимают мост, во время этого они используют паром, который они затем снова вытаскивали и переносили на сушу. Тут есть один кабак, здесь находился один драгунский капитан Кологривов, чтобы выкупить лошадей.

20-го – мы ехали через чистые поля 25 верст до тамошнего колодца, и тут мы попали под сильный дождь.

25-го [проехали] 25 верст до ручья Арчеда⁵: путь был гладким и повсюду красивая трава, но немного кустарников; и только несколько верст от ручья были пески.

Мы шли летней дорогой, а не почтовым путем через казачьи станицы, почтовый путь сейчас из-за больших дождей и распутицы был непроходим.

22-го – до трех колодцев 30 верст по березовой роще, где теперь во время большой жары было очень приятно. Мы поели здесь в тени и вырезали наши имена на одной березе, возле первого колодца. В послеобеденное время проехали еще 20 верст до одного леса и болотистой местности.

23-го [доехали] до реки Арцида [Arcida] или Арчида [Artschida] до станицы Медведица 10 верст. Здесь мы заплатили за 107 верст [пути] от Иловли. Здесь я оставил моего деверя Поссиета и поехал один вперед вместе с моими людьми и младшим хирургом Х. Разе.

24-го – [проехали] 30 верст до Сукатова [Sukatowa], находящегося на одной маленькой, приходящей из степи реке. После обеда до ручья Кумылга⁶ 22 версты. На этом пути по степи вообще нет кустарников и деревьев. 25-го – до ручья Торновка [Tornowka] 36 верст. После обеда еще 10 верст до реки Базулук⁷ и до станицы Яровка [Jarowka]. Дорога была удивительно ровной и повсюду полно травы и красивая черная земля. Казаки держат в этой степи большие стада овец и лошадей. То там, то тут видны холмы круглой формы, в них исстари татары хоронили своих умерших. Украинские крестьяне, хохлы, часто ездят этим путем к Волге ловить рыбу и усердно раскапывают эти холмы. Едва ли можно увидеть на этом пути какой-нибудь холм, который не был бы перекопан, даже я сам наблюдал, что некоторые [холмы] в глубине были выложены кирпичами...

26-го – до реки Паника⁸ 10 верст, где маленький лес и большие луга: путь был очень топким от многих дождей.

Во второй половине дня еще 10 верст до реки Каменка. Здесь в степи видно много сурков, *Mures Alpinos*, по-русски «сурки», они почти через каждые 20–30 шагов имеют свои норы: из-за выброшенной земли есть много маленьких холмиков, на которых сурки сидят на задних лапках и свистят. Если подойти поближе, то они прячутся в свои норы.

27-го – до реки Ольшанки, а затем через нее в станицу Михайловка, 40 верст. Здесь течет река Хопер¹, в которой еще стоит высокая вода, чтобы можно было на пароме

¹ Крепость на Царицынской сторожевой линии, располагалась у современного хутора Грачи, в 27 верстах от Царицына, имела форму пятилучевой звезды.

² Река Иловля – левый приток Дона.

³ Иловля – река.

⁴ Иловля – станица донских казаков, основана не позднее 1672 г.

⁵ Река Арчеда – левый приток реки Медведицы.

⁶ Река Кумылга – левый приток реки Хопер.

⁷ Река Бузулук – левый приток реки Хопер.

⁸ Река Паника – правый приток реки Елани.

переехать реку и попасть в деревню: поэтому я остался по эту сторону и ожидал подставных лошадей. По ту сторону земля высокая и есть лес. Я нанял здесь у казаков 14 лошадей до Тамбова, чтобы там из-за смены [лошадей] не терять времени. Здесь в Михайловке два колокольных литейщика из Москвы отлили один большой колокол в 107 пудов. Они были братьями и пожелали поехать в моем обществе, что мне было приятно: я нашел их также добрыми людьми и очень бдительными ночью, когда мы остановились на поле из-за травы.

29-го – до Ново-Хоперской крепости 27 верст. Я на переезде остановился и не поехал в город, а во второй половине дня поехал вверх по высокому берегу и проехал 15 верст и остановился на ночь в степи.

30-го – до почты Шинкист [Schinkist] 20 верст и после обеда до почты Весовская [Wesowskaja] 20 верст...

Примечания:

1. Русский биографический словарь: Павел преподобный — Петр (Илейка) / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. Т. 13. С. 316–317.

2. Anmerkungen über Herrn D. Schobers Memorabilia Russico-Asiatica zu Anfange dieses Bandes von Herrn Hofrath Lerche // Sammlung Rußischer Geschichte. Bd. 7. 1763. St. 5, 6. S. 531–546.

3. Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche D. Johann-Jacob Lerch von 1733 bis 1735 aus Moscau nach Astrachan und in die auf der Westseite des Caspischen Sees belegene Länder gethan hat // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching. Theil III. Halle, 1769. S. 1–44.

4. Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der kaiserl. Russische Collegienrath Herr D. Johann-Jacob Lerch von 1745 bis 1747 gethan hat. Ausgefertigt 1765 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching. Theil. X. Halle, 1776. S. 367–476.

5. Лерх И.Я. Выписка из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 года по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 43. № 1. С. 3–53. Ч. 44. № 2. С. 69–97. Ч. 45. № 3. С. 66–100.

6. Лерх И.Я. Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 года. Пер. с нем. А. Клевецкого и М. Судакова // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 48. С. 75–102. Ч. 50. С. 44–96. Ч. 52. С. 44–66. Ч. 53. С. 20–47. Ч. 54. С. 73–95. 1791. Ч. 55. С. 55–79. Ч. 56. С. 77–93. Ч. 57. С. 87–99. Ч. 58. С. 63–82. Ч. 60. С. 82–90. Ч. 62. С. 58–83.

7. Dr. J. Lerche's Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst geschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen von Büsching. Halle, 1791.

8. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 69–70, 75–76.

9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 431. Д. 4. Дневник. Т. V. Л. 150б.–32.

10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки... Л. 166об.–176об.

11. Клейтман А.Л., Савченко Г.К. Пастор Иоганн Нойбауер и его «Астраханская история» // Научно-информационный бюллетень «Российские немцы». 2014. № 1–2. С. 26–29.

References:

1. Russkij biograficheskiy slovar: Pavel prepodobnyy — Petr (Ileyka) / Izd. pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva A.A. Polovtsova. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, 1902. T. 13. S. 316–317.

2. Anmerkungen über Herrn D. Schobers Memorabilia Russico-Asiatica zu Anfange dieses Bandes von Herrn Hofrath Lerche // Sammlung Rußischer Geschichte. Bd. 7. 1763. St. 5, 6. S. 531–546.

3. Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche D. Johann-Jacob Lerch von 1733 bis 1735 aus Moscau nach Astrachan und in die auf der Westseite des Caspischen Sees belegene Länder gethan hat // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching. Theil III. Halle, 1769. S. 1–44.

4. Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der kaiserl. Russische Collegienrath Herr D. Johann-Jacob Lerch von 1745 bis 1747 gethan hat. Ausgefertigt 1765 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching. Theil. X. Halle, 1776. S. 367–476.

¹ Река Хопер – крупнейший приток Дона, протекает по современным Пензенской, Саратовской, Воронежской и Волгоградской областям России.

5. Lerkh I. Ya. Vypiska iz puteshestviya Ioanna Lerkha, prodolzhashegosya ot 1733 goda po 1735 god iz Moskvy do Astrakhani, a ottuda po stranam, lezhashchim na zapadnom beregu Kaspiyskogo moray // Novye ezheemesyachnye sochineniya. 1790. Ch. 43. № 1. S. 3–53. Ch. 44. № 2. S. 69–97. Ch. 45. № 3. S. 66–100.

6. Lerkh I. Ya. Izvestie o vtorom puteshestvii doktora i kollezhskogo sovetnika Lerkha v Persiyu ot 1745 do 1747 goda. Per. s nem. A. Klevetskogo i M. Sudakova // Novye ezheemesyachnye sochineniya. 1790. Ch. 48. S. 75–102. Ch. 50. S. 44–96. Ch. 52. S. 44–66. Ch. 53. S. 20–47. Ch. 54. S. 73–95. 1791. Ch. 55. S. 55–79. Ch. 56. S. 77–93. Ch. 57. S. 87–99. Ch. 58. S. 63–82. Ch. 60. S. 82–90. Ch. 62. S. 58–83.

7. Dr. J. Lerche's Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst geschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen von Büsching. Halle, 1791.

8. Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskie obzory i opisaniye arkhivnykh materialov / sost. V.F. Gnucheva; pod obshch. red. V.L. Komarova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. S. 69–70, 75–76.

9. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki. F. 431. D. 4. Dnevnik. T. V. L. 15ob.–32.

10. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki... L. 166ob.–176ob.

11. Kleitman A.L., Savchenko G.K. Pastor Iogann Noybauer i ego "Astrakhanskaya istoriya" // Nauchno-informatsionnyy byulleten "Rossiyskie nemtsy". 2014. № 1–2. S. 26–29.

УДК 94(47)

**Нижнее Поволжье и Земля донских казаков
в неопубликованном фрагменте дневника доктора И.Я. Лерхе (1749 г.)**

Подготовка к публикации, перевод, вступительная статья и комментарии
Александр Леонидович Клейтман

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, улица Гагарина, 8
Кандидат исторических наук
E-mail: alexander.kleitman@gmail.com

Ростислав Леонидович Ковалевский

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, улица Гагарина, 8
Кандидат филологических наук, профессор
E-mail: rkovalevskij@gmail.com

Галина Константиновна Савченко

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, улица Гагарина, 8
Кандидат педагогических наук
E-mail: ppevmel@yandex.ru

Аннотация. В переводе на русский язык публикуется фрагмент дневников путешественника, ученого, доктора И.Я. Лерхе, в котором описывается его поездка по Нижнему Поволжью и Земле донских казаков весной 1749 г. Представленный текст ранее не публиковался, рукопись дневника хранится в Российской национальной библиотеке. Документ представляет интерес как источник по социальной и экономической истории Юга России, истории российской науки, истории российско-германских отношений.

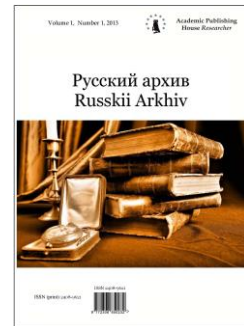
Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Земля донских казаков, Астрахань, Царицын, региональная история, XVIII век.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 288–295, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.288
www.ejournal16.com

UDC 94(47)

“...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925
(Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, *Russkii Arkhiv*)

Preparation for publication, introduction and commentary
Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Maxim V. Medvedev

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: m1max@mail.ru

Abstract

This publication describes the formation of the Russian-Ukrainian border in the Priazov Area and Donbass in 1920s. The territorial dispute was completed in 1925, when the greater part of the Taganrog and Shakhtinsky Districts were acceded to the North Caucasus Region of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Published documents are extracted from the fund of the North Caucasian Regional Committee of the Party of the Documentation Center of the Modern History of the Rostov Region. They talk about the difficulty of reconciling the circumstances of the transfer of the territories between the authorities of the South-East (North Caucasus) Region and Donbass (Donetsk Province).

Keywords: Priazov Area, Donbass, Russian-Ukrainian border; Taganrog District, Shakhtinsky District, Southeast Region, North Caucasus Region.

№ 4

**[Письмо фракции Таганрогского окружного исполкома]
фракции Центрального исполнительного комитета Союза ССР**

№ <неразб.>
14.X.24.
г. Таганрог

*Копия – фракции краевого исполкома Юго-Востока.
Уважаемые товарищи.*

При обсуждении паритетной комиссии вопроса о том, как надлежит произвести распределение имущества Таг[анрогского] округа между Юго-Востоком и Донбассом, по настоянию представителя Донбасса был принят в качестве основного положения принцип раздела имущества общеокружного значения пропорционально количеству отходящего к Донбассу и к Юго-Востоку населения Таг[анрогского] округа, а имущество, находящееся на территории Таг[анрогского] округа губ[ернского] значения, переходит целиком Донбассу.

В его общей формулировке принцип этот вызывал возражения, но в результате был принят обеими сторонами, т.е. Донбассом и Юго-Востоком, причем представители Ю[го-]В[остока] при этом исходили из соображен[ий] о необходимости скорейшей ликвидации вопроса, экономии времени и необходимости прекратить деморализацию Таг[анрогского] округа, которой он подвергся. Необходимо однако заметить, что материалы, на основе которых происходило рассмотрение вопроса о разделе имущества, недостаточно освещали вопрос или, точнее говоря, освещали его несколько односторонне, так как представители Юг[о-]Вост[ока] никаких материалов иметь не могли.

Прежде всего, экономическая целесообразность такого разделения имущества не была подкреплена достаточными аргументами и, кроме того, приняты во внимание далеко не все факты, которые могли бы дать правильное представление о том, к каким результатам должен повести такого рода раздел. Между тем при подходе к вопросу становится все более очевидным, что Таг[анрогский] округ после изъятия из него имущества Донбассом вынужден будет стать в положении территории, темп экономического развития которого будет надолго задержан.

Чтобы пояснить и несколько обосновать высказанное положение, нелишне будет привести некоторые данные, относящиеся к тому периоду, когда Таганрог находился в составе Донбасса и вместе с ним переживал период общей хозяйственной разрухи, а затем и период постепенного восстановления своей хозяйственной жизни – восстановления, задержавшегося вследствие неурожая и голода 1921 года.

Период этот характеризуется для Таг[анрогского] округа, прежде всего, массовым вывозом из него в Донбасс целого ряда ценностей, среди которых насчитывается несколько заводов и мастерских местного значения, вывезенных целиком со своим оборудованием и материалами.

К ним следует отнести: 1) Завод «Ферросплав» – производивший чугунное литье и, главным образом, чугунную посуду крестьянского типа, а также приступивший к организации производства эмалированной посуды. Оборудование и материалы этого завода, состоявшее из электромотора, барабана шамотного, токарных и строгальных станков, значительного числа опок¹, моделей, ковшей и вентилятора, а также чугунного лома и алюминия, было целиком вывезено из Таганрога в разные места Донбасса.

2) Гвоздильный завод «Прометей» – с 5-ю гвоздильными станками, паровым котлом, шлифовальным барабаном, волочильными станками и 3-мя трансмиссиями был также вывезен из Таганрога в гор[од] Артемовск (Бахмут).

3) Швейная фабрика, оборудованная в Таганроге местными средствами в период 1920 года по принципу полной электрификации, имущество коей состояло из 22 шв[ейных] машин-станков 16 класса, автомато-шапочной машины, 75 машинных станков, специальных портновских столов и инструментов, а также мебели, была вывезена в Сталино (Юзовку)².

Помимо этих предприятий, вывезенных целиком из пределов Таганрога, разновременно было продано и вывезено губернскими органами:

- 4) склад быв[шего] совнархоза, затем «Донецметаллпродукта»;
- 5) тракторов разных систем: 9 штук (в Асканию Нову);
- 6) материалы с завода б[ывшего] «Кебера»;
- 7) телефонная аппаратура Таганрогск[ой] городск[ой] сети и материалы;
- 8) племенные лошади из совхоза № 2 в Боково;
- 9) типография б[ывшая] «Социал-демократ».

¹ Приспособление для удержания формовочной смеси при ее уплотнении.

² В настоящее время – Донецк.

Указанное здесь имущество, далеко не исчерпывающее собой всех ценностей, одновременно изъятых из Таг[анрогского] округа, должно быть оценено весьма крупной суммой.

Если добавить к этому, что с завода крупной индустрии в Таганроге были вывозимы турбины и материалы огромной ценности, то станет понятным, что хозяйство Таганрогского округа систематически ослаблялось губ[ернским] центром, вывозившим из него то оборудование целых заводов, то отдельные материалы и машины.

Если добавить к сказанному, что наряду с таким ослаблением промышленного хозяйства округа путем вывоза имущества, губ[ернский] центр перевел ряд действующих предприятий в разряд предприятий губернского значения, соответственно закрепив за губ[ернским] бюджетом доходность с них, то станет ясным, что процесс обессиливания и обеднения Таг[анрогского] округа этим усиливался еще в большей степени.

Оставляя в стороне вопрос о целесообразности указанных действий и не входя в оценку их, следует все же заметить, что взамен этих ценностей Таг[анрогский] округ ничего не получил от Донбасса.

В ту же сторону ухудшения экономического состояния Таг[анрогского] округа оказал свое резкое влияние постигший Таг[анрогский] округ неурожай; этот удар обрушился в 2/1922 г. на другую часть хозяйства округа – его сельское хозяйство. Далеко неудовлетворительный урожай текущего (1924) года приближает Таг[анрогский] округ вновь к положению единицы с задержавшимся темпом восстановления своей экономической мощи.

Таким образом, и в промышленной, и в сельскохозяйственной части своего хозяйства Таг[анрогский] округ подвергался действию обессиливающих его факторов. Между тем текущие годы должны быть использованы для скорейшего оздоровления и укрепления экономики округа, и чем меньше на пути этого оздоровления будет встречаться таких ослабляющих экономическое развитие моментов, тем быстрее Таг[анрогский] округ сможет стать на путь правильного построения своего замкнутого бюджета, который до сих пор остается дефицитным, несмотря на крайнее сокращение расходных статей, хотя это сокращение и достигается за счет недостаточного развертывания сети школ и пунктов врачебной помощи.

Следует признать, что при таком положении вещей дальнейшее изъятие из имущества Таг[анрогского] округа тех или иных материальных ценностей, в чем бы они ни заключались, неизбежно вызвало бы за собой новое замедление в развитии округа и новую отсрочку в смысле восстановления его хозяйства.

Едва ли при таких условиях можно поэтому признавать целесообразным намеченное разделение имущества Таг[анрогского] округа, тем более что ущерб, наносимый этим хозяйству его, не находит себе оправдания в каких-либо других отношениях.

Если даже сознательно игнорировать те экономические соображения, какие заставляют стать на точку зрения нежелательности пропорционального раздела, и если даже стать целиком на точку зрения этих мнений, которые высказывались в пользу этого раздела, то даже и в этом случае решения паритетной комиссии позволительно признать сильно погрешающими против правильного решения этого вопроса.

В самом деле, если каждый из отходящих районов считать участником в имуществе окружного значения и если, следовательно, население всего округа считать условно владельцем этого имущества (как это вытекает из принципа деления пропорционально населению), то вполне последовательно будет признавать, что все население губернии является в данном случае условным владельцем имущества Донецкой губернии. А если это так, то отходящая к Юго-Востоку часть населения Таганрога вправе претендовать на то, чтобы соответственная доля имущества Донецкой губ[ернии] перешла вместе с населением Таг[анрогского] округа к Юго-Востоку.

Если во всех предыдущих рассуждениях принцип владения заменить более правильным признаком обслуживания данным имуществом определенного населения, то результат от этого совершенно не изменится.

Однако в такой плоскости вопрос не ставился, и принцип раздела не пошел дальше имущества окр[ужного] значения, имущество же губ[ернского] значения, находящееся на территории, отходящей к Ю[го-]В[остоку], Донбасс целиком имеет в виду оставить за собой,

не подвергая его разделу. Едва ли такое произвольное суждение вопроса может быть признано принципиально правильным.

Наряду с этим, Донбасс настаивает на оставлении за собой и на дальнейшее время ряда предприятий и учреждений, хозяйственная связь которых с Донбассом с переходом территории округа к Юго-Востоку станет формальной и безжизненной и поэтому не может быть признана желательной.

Это относится, прежде всего, к предприятиям в городе Таганроге: мельница с макаронной фабрикой – бывшая Мошетти, трестированный маслозавод Будаева, трестированная мельница Свердлова, мясохлад[обойни], которые должны быть закреплены по существу дела за округом, ибо не представляют собой предприятий губернского или краевого значения.

Претензия Донбасса на оставление за ним лечебницы быв[шего] Зака и санатории быв[шего] Гордона также не может быть признана подлежащей удовлетворению: профессиональными организациями определенно заявлено о необходимости передачи их Юго-Востоку, так как и в настоящее время благодаря отсутствию связи этих учреждений с окружными органами санаторное лечение стало недоступно для таганрогского рабочего; между тем Таганрог, являясь промышленным центром, весьма нуждается в таких учреждениях и в то же время лишен возможности пользоваться находящейся здесь же в городе санаторией.

Нельзя не сомневаться, что отрыв этих учреждений от местных организаций будет лишь способствовать их постепенному разрушению и удорожать стоимость лечения. То обстоятельство, что губ[ернский] центр имеет необходимость пользоваться этими учреждениями, могло бы быть урегулировано тем, что Таг[анрогский] округ на договорных началах предоставил бы Донбассу возможность пользоваться санаторным лечением без извлечения из этого какой-либо прибыли для округа.

При этих условиях имелась бы уверенность в соблюдении интересов Донбасса; в то же время сохранность и правильность развития учреждения, находящегося под непосредственным наблюдением местных органов, была бы наилучшим образом обеспечена.

Аналогично с этими претензиями Донбасса по отношению к имуществу по охране здоровья предъявляются также требования по отношению к культурным рассадникам по сельскому хозяйству (садовая база, опытное поле, геодезический инструм[ент], последний с большими усилиями приобретен на средства, собранные от крестьян Таг[анрогского] округа, и др.). Выполнение этих требований, безусловно, крайне вредно отразится на работе сельского хозяйства в Таганрогском округе.

Резюмируя кратко сказанное выше, следует указать, что ни с точки зрения экономической целесообразности, ни с точки зрения выдержанности принципа намеченные паритетной комиссией решения не могут быть признаны правильно разрешающими вопрос об имуществе Таг[анрогского] округа¹. Имея же в виду, что проведение их в жизнь вызовет крайне нежелательные последствия, фракция Таг[анрогского] окр[ужного] исполкома обращается с настойчивой просьбой к фракции Центрального исполнительного комитета Союза ССР рассмотреть этот вопрос и своим авторитетным вмешательством приостановить проведение в жизнь принятых решений о разделе имущества, перерешив затем в корне этот вопрос в смысле оставления на месте в Таганрогском округе всего имущества, находившегося в нем до раздела, без установления при этом каких-либо компенсаций.

С коммунистическим приветом.
Фракция окрисполкома.
Секретарь   /подпись/
Печать.

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21. Л. 44–46.

¹ Здесь и далее – подчеркнуто в тексте документа.

№ 5

В президиум окрисполкома

В виду предполагаемой передачи губздраву¹ Донбасса хирургической лечебницы б[ывшей] Зака и санатории-водолечебницы б[ывшей] Гордона, настоящим считаю необходимым просить президиум возбудить ходатайство в соответствующих инстанциях о пересмотре данного решения по следующим мотивам:

1) Ввиду чрезвычайной незначительности электроводолечебных установок на Юго-Востоке с одной стороны, и недостаточности хирургических коек с другой в самом Таганрогском округе, и невозможности обеспечить всех нуждающихся как в оперативном пособии, так и в электроводолечении. Поэтому, исходя из вышеизложенных соображений, считаю безусловно необходимым оставление лечебниц б[ывших] Гордона и Зака в непосредственном ведении Таганрогского окрздрава², т.к. не только Таганрогский, но и близлежащий Шахтинский округ, являясь пролетарским районом, дает значительный контингент больных, нуждающихся в физических методах лечения, в электроводолечебнице, где к настоящему моменту ждут очереди лечения до 380-ти чел. Здесь нам особо сугубо необходимо отнестись к возможности скорейшего восстановления полной трудоспособности рабочих предприятий, восстановить их полную трудоспособность и вернуть к производству. Физические методы лечения при многих заболеваниях нервной системы, костной, суставов, женских заболеваний и мочеполовых [органов] дают скорейшие и большие результаты, чем медикаментозный способ, стоящий значительно дороже, и где тем самым будет достигнута значительная экономия государственных средств. Предполагаемая экстерриториальность указанных учреждений будет неминуемо сказываться и [на] психике самого больного, которому не всегда можно ограничиться амбулаторным лечением и которого здравотдел не будет в состоянии поместить на стационарное лечение, т.к. таковых у него не будет. Ссылка Донецгубздрава³ о необходимости санатории для рабочих Донбасса не верна, т.к. из прилагаемого при сем списка больных по санаторию видно, что из 40-ка больных, находящихся на излечении по состоянию на 25 сентября с.г., 13 чел. составляют рабочие, а остальной контингент ничего общего с шахтерами и вообще с рабочими ничего общего не имеет. Что же касается лечебницы б[ывшей] Зака, то, поскольку она имеет достаточное оборудование инструментарием, инвентарем и спецустановками (рентген), [то] может явиться хирургической лечебницей, достаточно оборудованной для всех случаев большой хирургии, обеспеченной высококвалифицированным медперсоналом. В указанной больнице имеется полная возможность создания костнотуберкулезного отделения, абсолютно необходимого округу, т.к. до сего времени небольшая часть этой категории больных не могла получить то или иное лечение в других городах, значительная же их часть продолжает оставаться или не лечеными, или лечеными не в специальных лечебных учреждениях и у недостаточно квалифицированных специалистов, увеличивая собою число хроников-инвалидов, на которых государство в дальнейшем будет вынуждено потратить значительно большие средства. Природные климатические условия гор[ода] Таганрога (близость моря) ставит эти два учреждения в наиболее выгодные и благоприятные условия в отношении использования климатического лечения. Потребность в данных учреждениях очевидна при наличии застрахованных в Таг[анрогском] округе в количестве 12 000 чел., сосредоточенных, главным образом, в металлургической, кожевенной промышленности, а также громадного числа горнорабочих Шахтинского округа.

Я глубоко верю, что эти два лечебных учреждения при рациональном их использовании послужат основанием для создания в будущем физико-терапевтического высококвалифицированного лечебного учреждения Юго-Востока, могущего обслуживать трудящихся не только Таганрогского и Шахтинского округов, но и Юго-Восток в его целом.

¹ Губернскому отделу здравоохранения.

² Округного отдела здравоохранения.

³ Донецкого губернского отдела здравоохранения.

2) Отдаленность управленческого аппарата от этих двух лечебных единиц и недостаточная административная связь неоднократно ставила эти учреждения в тяжелое материально[е] положение, которое спасалось исключительно благодаря вмешательству местных проф[союзных] и сов[етских] организаций, что и дало в дальнейшем возможность их существования. Кроме того, недостаточная постановка дела, отборка посылаемых в водолечебницу больных, посылаемых из районов, при отсутствии достаточно квалифицированного персонала выявляет случаи посылки больных, противопоказанных данному лечению и которых Тагокрздрав¹ вынужден госпитализировать в своих учреждениях, что, конечно, не может не отражаться на постановке дела в округе. Возможность эта не исключается и теперь, т.к. общее положение остается тем же, потому что оторванность лечебных учреждений от местных органов здравоохранения нарушает правильную работу по учету заболеваемости и др. статистических данных, необходимых для борьбы с этими заболеваниями, что вредно отражается на работе учреждения и т.д. Необходимое количество стационарных коек для действительной потребности шахтеров может быть предоставлено по себестоимости в указанной санатории и хирургической лечебнице Тагокрздравом.

3) При безоговорочном оставлении названных учреждений за Донбассом нет гарантии, что в случае возможного отказа Донецгубздрави от дальнейшего содержания означенных учреждений последние будут сданы в должном виде, не полуразрушены, в достаточном количестве обеспечены мед[ицинским] имуществом, дающим возможность дальнейшей работы этих учреждений при переходе в Таганрогский окрздрав.

4) Кроме всего вышеизложенного, считаю необходимым добавить, что санатория б[ывшая] Гордона основана самим Гордоном около 20-ти лет тому назад и в 1930 году национализирована Таганрогским отделом здравоохранения в тот момент, когда Таганрог принадлежал к РСФСР. Больница Зака также частная лечебница и существовала в Таганроге около 30-ти лет, оборудована Заком и национализирована Таганрогским здравотделом одновременно с санаторией. При национализации означенных учреждений здравотделом были приняты самые решительные меры к сохранению в целом всего имеющегося оборудования и инструментария, каковое сохранилось и по настоящее время. Санатория Гордона с момента национализации содержалась за счет средств Таганрогского здравотдела, затем здравницы Шахтера и Таганрогской страх[овой] кассы, а с 1-го марта 1924 г. за счет средств губернии. Лечебница же Зака содержалась также Таганрогским здравотделом и Таганрогской страх[овой] кассой по 1-е октября 1924 года, а с 1-го октября за счет губздрави.

Зав[ведующий] отделом здравоохранения /подпись/

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21. Л. 67–68.

№ 6

В президиум окрисполкома

В связи с отходом части Таг[анрогского] округа к Юго-Востоку остро стоит вопрос о двух учреждениях Нарообраза², это Музыкальный техникум и Мастерская наглядных пособий, имеющих следующую историю:

1. Музыкальный техникум открыт был в годы, когда Таганрог находился на территории Донской обл[асти]. Средства к его оборудованию изыскивались отчасти городом, отчасти из сумм, поступающих в бывшую тогда консерваторию в виде платы за учение. В период военного коммунизма его инвентарь был пополнен многими инструментами из числа реквизированных в гор[оде] Таганроге.

За время своего существования под руководством Донбасса никаких субсидий не получал.

¹ Таганрогский окружной отдел здравоохранения.

² Народного образования.

В жизни города и округа Муз[ыкальный] техникум за 12 лет существования играл значительную роль в музыкально-просветительном отношении, дал ряд выпусков педагогов и артистов профессионалов высокой квалификации. Из 230 его учащихся около 200 связаны с Таганрогским округом. В техникуме 70 % учащихся пролетарского происхождения и советских служащих.

Передача инструментария Муз[ыкального] техникума Донбассу разрушит это учебное заведение и нарушит систему просвещения и лишит Таганрогский округ рассадника музыкально-просветительского образования.

2. МАНАПО – организована на средства Екатерининской жел[езной] дор[оги]¹. В 1920 г., когда все железнодорожные просветительные учреждения вошли в состав сети учреждений Нарообраза, МАНАПО была передана Нарообразу.

При посещении Таганрога тов. Луначарским² была им обследована, в результате чего, как образцовое учреждение, получила от него лестный отзыв с предложением расширить ее мастерские. Как следствие этого, были получены субсидии от Наркомпроса из Москвы, как одной из лучших мастерских в УССР.

После перехода к Украине МАНАПО жила заготовленными для этого материалами.

В настоящее время необходимо во что бы то ни стало закрепить ее за Юго-Востоком, внося некоторые реорганизации в ее работе, т.к. она является единственным на Юго-Востоке учреждением, которое [обеспечивает] наглядными учебными пособиями просветительные учреждения, так бедные этим в настоящее время.

Исходя из этих соображений, окр[ужной] инспектор просвещения находит, что притязания Донбасса на эти два учреждения не имеют никаких оснований, в идейном отношении эти учреждения одинаково необходимы как Донбассу, так и Юго-Востоку.

Окринспектор просвещения
Секретарь

/подпись/
/подпись/

Шаповалов
Мудров

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21. Л. 69.

№ 7

Президиуму исполкома

Окр[ужной] инспектор просвещения доводит до Вашего сведения, что прямая работа Нарообраза в связи с передачей дел к Юго-Востоку очень затормозилась, т.к. аппарат еле справляется с представлением всевозможных статистических материалов об учреждениях, остающихся в Донбассе, [в] предст[авительст]ва Сталинского и Луганск[ого] округов, несмотря на сверхурочные работы сотрудников Нарообраза.

Окр[ужной] инсп[ектор] просвещения
Секретарь

/подпись/

Шаповалов
Мудров

ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21. Л. 69.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках исследовательского проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

¹ Екатерининская железная дорога построена в 1882–1904 гг. с целью связать Донецкий угольный и Криворожский рудный бассейны, обеспечив вывоз угля и руды на внутренний и внешний рынки.

² Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – советский государственный деятель, в 1917–1929 гг. – нарком просвещения РСФСР.

УДК 94(47)

**«...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского
и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг.**
(Окончание. Начало в № 3(10), 2015, «Русский архив»)

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Максим Валерьевич Медведев

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: m1max@mail.ru

Аннотация. Публикация посвящена формированию российско-украинской границы в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. Территориальный спор завершился передачей в 1925 г. большей части Таганрогского и Шахтинского округа в Северо-Кавказский край РСФСР. Публикуемые документы извлечены из фонда Северо-Кавказского крайкома партии Центра документации новейшей истории Ростовской области. Они рассказывают о сложностях согласования обстоятельств передачи указанных территорий между органами власти Юго-Восточного (Северо-Кавказского) края и Донбасса (Донецкой губернии).

Ключевые слова: Приазовье, Донбасс, российско-украинская граница, Таганрогский округ, Шахтинский округ, Юго-Восточная область, Северо-Кавказский край.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 296–309, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.296
www.ejournal16.com

UDC 94(470.62)“1942/1943”

Memories by the Chief of the Neftegorsky Group Staff of Kuban Guerrilla Troops F.S. Gotvan about the Battle at Mount Gunay on September 25, 1942

Preparation for publication, introduction and commentary
Igor O. Tyumentsev

Volgograd Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
8, Gagarin Street, Volgograd, 400131
Dr (History), Professor
E-mail: tijumencev@mail.ru

Abstract

The fragment of memories by the chief of the Neftegorsky group staff of Kuban guerrilla troops (1942–1943) which focuses on the beginning of the German invasion into Tuapse on September 25–27, 1942 and on the battle for the guerrilla base at Mount Gunay is published in the article for the first time.

Keywords: Great Patriotic War, the defense of Tuapse, the guerilla movement in Kuban region, Neftegorsky group of Kuban guerrilla troops.

Прошло более 70 лет, с тех пор как Западный Кавказ стал ареной одного из крупных сражений Второй мировой войны – Туапсинской оборонительной операции (август 1942 г. – январь 1943 г.), которая до сих пор остается в тени Сталинградской битвы и Малой земли. Воины Красной армии, моряки, партизаны остановили врага на перевалах Главного Кавказского хребта, не позволили прорваться в Закавказье и решить исход войны в пользу Германии. Вермахт, остро нуждавшийся в нефтепродуктах для продолжения войны, так и не смог получить грозненскую и майкопскую нефть, несмотря на то что их территории были захвачены и полгода находились в руках врага.

Полтора десятилетия назад бывший директор средней школы станицы Кабардинской, блестящий знаток родной истории и создатель одного из лучших школьных музеев в Краснодарском крае Анатолий Ильич Поддубный передал мне уникальные материалы о прошлом края из своего личного архива. Среди них оказалась рукопись неопубликованной книги начальника штаба Нefтегорского партизанского соединения Ф.С. Готьвана, которая представляет значительный интерес для изучения истории партизанского движения на Кубани.

Федор Степанович Готьван родился 1 мая 1903 г. в семье иногородних в станице Нефтяной¹. Отец и мать были бедняками, поэтому Ф.С. Готьван с детских лет был вынужден работать сначала пастухом, затем ночным дежурным в управлении Английской нефтяной

---

¹ Станица Нефтяная основана в 1864 г. С 1892 г. входила в состав Майкопского отдела Кубанской области. С 1953 г. – в состав Апшеронского района Краснодарского края. В настоящее время – в составе Нefтегорского городского поселения.

концессии. В 14 лет вступил в комсомол. С 1921 г. служил в отряде частей особого назначения. Громил партизанские отряды бело-зеленых в горах Западного Кавказа. Вступил в ВКП(б). Работал парторгом в Сальске, затем на строительстве «Ростсельмаша» в Ростове-на-Дону, где окончил Высшую партийную школу. В 1937–1939 гг. трудился парторгом ЦК в тресте «Хадыженнефть». С 11 апреля 1941 г. по 24 января 1946 г. – первый секретарь Нефтегорского райкома ВКП(б). В 1941–1943 гг. был начальником штаба Нефтегорского партизанского соединения. Награжден орденом Красного Знамени, медалью «За оборону Кавказа». После освобождения от должности первого секретаря райкома в конце 1950-х гг. работал в Нефтегазодобывающем управлении «Хадыженнефть». Награжден орденом Трудового Красного Знамени, юбилейными медалями. В 1963 г. вышел на пенсию и занялся литературным трудом. В 1967 г. тяжело заболел. Умер 27 апреля 1975 г., похоронен в Хадыженске.

Рис. 1. Федор Степанович Готьван. Здесь и далее приводятся фотографии из личного архива автора

В 1959–1970 гг. в городе Хадыженске торжественно отметили целый ряд славных юбилеев: 10-летие присвоения статуса города (1959), 100-летие основания поселения (1964), 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции (1967) и 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Все эти праздники пробудили у горожан интерес к прошлому города и способствовали тому, что школы и библиотеки под руководством партийных органов стали собирать воспоминания, фотографии, документы ветеранов Гражданской войны, первых коммунистов и комсомольцев, нефтяников-первопроходцев. Вспомнили и о партизанах Великой Отечественной войны и подвигли некоторых ветеранов взяться за перо и описать пережитое. Так родились краткая версия мемуаров Ф.С. Готьвана «Фашисты нефть не получили», а также воспоминания А.В. Верещагина [1], М.Д. Рыжих, Н.Л. Якубы, А.С. Ржевского, рукописи которых находятся в центральной библиотеке и школьных музеях Хадыженска и станицы Кабардинской, а также в архивах Апшеронска [2] и Краснодара [3]. Большая часть архивных документов до сих пор засекречена.

Ф.С. Готьван, как истинный партийный работник, не мог остаться в стороне от начатого дела и задумал написать книгу, в которой попытался не просто рассказать о пережитом, а обобщить опыт партийно-политической работы в партизанских отрядах

и в тылу врага. Литературным образцом ему явно послужила чрезвычайно популярная в советское время книга Д.А. Фурманова «Чапаев» [4].

Дневников Ф.С. Готьван не вел, поэтому хронологию событий восстанавливал по своим донесениям в краевой и южный штабы партизанского движения, которые разыскал в краевом партийном архиве (в настоящее время – Центр документации новейшей истории Краснодарского края, далее – ЦДНИКК) [5], и по памяти. Сопоставление текстов донесений и книги Ф.С. Готьвана обнаруживает прямые заимствования некоторых текстов. Сравнение текстов книги и записок партизан также выявляет использование воспоминаний товарищей (особенно много взято у М.Д. Рыжих) и знакомство с мемуарными записями других партизан (например Н.Л. Якубы, Р.П. Петренко, А.С. Ржевского и др.). Но это не было слепым копированием чужих текстов. Воспоминания партизан использовались в качестве своеобразной основы для собственных воспоминаний, воспроизведения по памяти рассказов других партизан и, главное, изложения своей версии событий, которая представляет значительный интерес, т.к. автор имел доступ к секретной информации, что позволяло глубже оценивать происходящее.

Обсуждение рукописи книги Ф.С. Готьвана на собрании ветеранов-партизан вызвало неоднозначные оценки у непосредственных участников событий. Ветераны были недовольны тем, что автор сильно исказил их рассказы и приукрасил пережитое, а кое-кого и обидел. В действительности Ф.С. Готьван написал не мемуары, а историко-литературную повесть, в которой попытался обобщить опыт партийно-политической работы по организации и руководству одним из крупных партизанских соединений, а заодно напомнить о себе руководителям Кубани того времени и главе Госплана СССР Николаю Константиновичу Байбакову.

Ф.С. Готьван обратился к проживавшему тогда в Хадыженске знаменитому кубанскому писателю Анатолию Дмитриевичу Знаменскому с просьбой выполнить литературную редакцию рукописи. Их сотрудничество довольно быстро прервалось. Слишком сильно отличались их политические взгляды и литературные вкусы. Написанная сталинским секретарем райкома партийная историко-литературная повесть явно не вписывалась в публицистику хрущевской «оттепели» и не могла не вызвать отторжения у отсидевшего в лагерях срок по политической статье А.Д. Знаменского.

Попытки опубликовать книгу, предпринятые автором в 1960-х гг., закончились неудачей. Согласно описи ЦДНИКК, райком КПСС дважды разбирал персональные дела Ф.С. Готьвана, но какие прегрешения явились причинами этих разбирательств и чем они закончились, ныне установить невозможно. Эти материалы, как и личное дело Ф.С. Готьвана, были уничтожены в 1967 г. Соседи судачили, что райком партии не разрешил автору издать свой труд, потому что «все в нем брехня!».

Ф.С. Готьван остро переживал неудачу с публикацией книги. В конце концов, он, видимо, внял советам и переработал текст сочинения: выбросил из книги обширные диалоги, убрал второстепенные сюжеты и дополнил текст воспоминаниями партизан Апшеронского партизанского отряда С.С. Жукова и О.А. Ляшевой. В результате историко-литературная повесть в большей степени стала напоминать мемуары и была озаглавлена «Бои за Родину, за нефть: организация партизанских отрядов в Нефтегорском и Апшеронском районах». Но и этот текст не был опубликован. Окончательный вариант сочинения хранился в семье сына Федора Степановича, Евгения, и затем, по словам его вдовы Надежды Ивановны, исчез. В нашем распоряжении оказался лишь дефектный черновик этой рукописи [6].

В 1967 г. накануне празднования 50-летия советской власти Совет ветеранов города Хадыженска подготовил сборник воспоминаний о Гражданской и Великой Отечественной войнах «Поколение Октября», который, к сожалению, не был опубликован и дошел до нас в дефектной машинописной рукописи. Она хранится в средней школе № 15 города Хадыженска. Здесь среди прочих бумаг имеется никак не связанная с основным текстом сборника машинописная копия самого первого сочинения Ф.С. Готьвана «Фашисты нефть не получили». В ЦДНИКК хранится рукопись статьи Ф.С. Готьвана, озаглавленная «Бои под горой Гунай» [7]. В начале первого листа рукописи Ф.С. Готьван написал: «Материалы для сборника к 50-летию Октября». Прямое указание автора свидетельствует, что именно этот текст автор подготовил для сборника «Поколение Октября», который был, видимо,

отклонен редакцией и заменен малоинформативным, но идеологически более выдержанным текстом «Фашисты нефть не получили». После пережитых потрясений Ф.С. Готьван заболел сахарным диабетом, перенес тяжелую операцию и умер, так и не дождавшись выхода в свет своего труда.

В 2012 г. мы осуществили первое научное издание историко-литературной повести Ф.С. Готьвана, в приложении к которому поместили ранний текст «Фашисты нефть не получили», и сокращенную мемуарную редакцию «Бои за Родину, за нефть: организация партизанских отрядов в Нефтегорском и Апшеронском районах», а также послужившие источниками для этого сочинения донесения руководства Нефтегорского партизанского соединения в Южный штаб партизанского движения, воспоминания А.В. Верещагина, М.Д. Рыжих, Н.Л. Якубы, А.С. Ржевского и других бывших партизан [8]. Публикация открыла возможность проверить показания этих источников и существенно продвинуть вперед изучение событий той поры. Статья Ф.С. Готьвана «Бои под горой Гунай» для сборника «Поколение Октября» в данное издание не попала, поэтому настоящая публикация восполняет этот пробел.

В основу издания положен авторский текст, написанный в стандартной школьной тетради 16 листов в клетку автоматической перьевой ручкой синими чернилами, теми, что и рукописный текст историко-литературной повести «Шумит Гунай». На зеленой обложке тетради в левом верхнем углу простым карандашом написано: «Т. Лапину», ниже стоит подпись. В том же левом верхнем углу имеется еще одна надпись коричневыми чернилами: «Вход. № 124 9.VI.1966 г.», перечеркнутая крест-накрест синими чернилами. Чуть ниже теми же синими чернилами написано: «Вход. № 148 17.IX.1968 г.». В самом верху стоит номер страницы – 1. На следующем первом тетрадном листе вверху по центру имеется надпись, сделанная автором автоматической перьевой ручкой синими чернилами: «Материалы для сборника к 50-летию Октября» и инвентарный номер. Лист имеет нумерацию 1а. Текст статьи начинается со второго листа с заголовка «Бои под горой Гунай» и занимает листы 2–16об. На задней обложке помет нет. Отдельные слова в тексте подчеркнуты. Судя по тому, что подчеркиваниями выделены просторечия или ошибки, это следы работы редактора.

Сопоставление текстов историко-литературной повести «Шумит Гунай» [9], статьи «Бой под горой Гунай» и воспоминаний «Бои за Родину, за нефть: организация партизанских отрядов в Нефтегорском и Апшеронском районах» [10] обнаруживает, что в основу статьи Ф.С. Готьван положил текст историко-литературной повести. При этом он переработал лишь первую половину статьи, в которой описан бой 3-го взвода 1-го Нефтегорского партизанского отряда И.К. Радченко 26 сентября 1942 г. Вторая часть, в которой рассказывается о бое 1-го взвода Б.С. Чайки, воспроизведена практически дословно. В воспоминаниях «Бои за Родину, за нефть...» оба боевых эпизода изложены очень сжато. Наибольшую ценность представляет первая часть статьи, в которой изложена несколько иная, чем в повести, версия боя взвода Радченко и приводится много новых деталей.

В публикуемый текст внесена незначительная литературная правка, он приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Исправления фактических ошибок, неверное употребление или дублирование слов, надстрочные вставки, подчеркивания, пометы, коррекция авторского стиля, редакторские сокращения текста оговорены в подстрочных сносках. Сокращения или пропуск слов автором восстановлены публикатором и взяты в квадратные скобки.

Бои под г[орой] Гунай¹

Командованию соединения Нефтегорских партизанских отрядов стало вполне очевидно: тактика внезапных огневых налетов из засад по мелким группам фашистов отходит на задний план. Борьба с врагом вступает в новую фазу. Теперь уже предстояли бои с крупными подразделениями гитлеровцев.

¹ Название статьи подчеркнуто коричневыми чернилами.

Вечером 25 сентября 1942 года помощник командира соединения по разведке Гавриил Михайлович Гунько¹ доложил: фашисты перешли в наступление. Их части, накопив силы и подтянув тылы, двинулись в горы. От ст[аницы] Нефтяной немцы добрались до развилки р[еки] Туха² и остановились на ночлег в районе бывшей партизанской перевалочной базы. По всему было видно, что наша прежняя перевалочная база стала для врага исходной позицией для продвижения к горе Гунай³. Партизанские отряды оказались как бы на «ничейной земле». Прямо перед фронтом – гитлеровцы, в тылу нас – оборонительные рубежи советских частей⁴.

Рис. 2. Штаб Нефтегорского партизанского соединения. Слева направо: в верхнем ряду радисты К.П. Левченко, М. Миронова («Шура»), В.С. Корсун, А. Гладков; в нижнем ряду Г.М. Гунько, В.И. Хомяков, Ф.С. Готьван, П.И. Колесников. 1942–1943 гг.

¹ Гунько Гавриил Михайлович (у Ф.С. Готьвана и В.С. Корсуна – Григорий) – заместитель начальника Нефтегорского районного отдела НКВД, помощник командира Нефтегорского партизанского куста (соединения) по разведке. Награжден орденом Красного Знамени 15 ноября 1943 г.

² Туха (адыгейское название «Тхехе») – левый приток реки Пшеха, впадающий в нее в черте города Апшеронска. Берет свое начало на северных склонах горы Боз-Депе (Гунай) двумя рукавами – Правая и Левая Туха. Адыги считали Левую Туху или Пластунку главной рекой, поэтому называли ее «Тхехе», «Тьехын» (от «тье» – масло, «хын» – нести, т.е. река, несущая масло (нефть)). Правую Туху они воспринимали как приток и звали его Амбош. Слияние обоих рукавов реки Туха находится в нескольких километрах выше по течению от станицы Нефтяной. Здесь в 1941–1942 гг. находилась перевалочная база партизан, куда автотранспортом завозилось все необходимое для борьбы с врагом. Отсюда оружие, снаряжение и запасы развозились вычным способом на основные базы партизанских отрядов.

³ Гунай – ныне известна под прежним адыгейским названием Боз-Депе. Самая высокая вершина хребта Уру-Дере. Высота – 1080 м.

⁴ Нефтегорский партизанский куст первоначально состоял из 6 партизанских отрядов, сформированных из партийного и хозяйственного актива, пожарной, военизированной охраны и милиции Апшеронского (1), Армянского (1), Нефтегорского (3) и Рязанского (1) районов. Партизанский отряд Рязанского района был разгромлен в первые дни оккупации. Самый малочисленный партизанский отряд Армянского района в первом же бою был обескровлен и отведен в тыл советских войск. Партизанский отряд Апшеронского района самостоятельно успешно действовал в районе станицы Нижегородской, неподалеку от которой имел основную базу. Три нефтегорских партизанских отряда имели базы на северном склоне хребта Уру-Дере в верховьях рек Хадажки, Правой илевой Тухи. После оккупации фашистами поселков Хадыженского, Нефтегорска, станицы Нефтяной и отступления соединений РККА на рубеж реки Гунайки (Сеже) эти партизанские отряды в августе – сентябре 1942 г. оказались на нейтральной полосе.

Партизаны утроили бдительность. Разведка зорко следила за каждым шагом противника. Предполагалось, что бойцы взвода Ивана Константиновича Радченко¹ встретят первыми врага. Командир, оценив обстановку, принял тактически грамотное решение. Взвод Радченко продвинулся вниз по реке и занял рубеж у дороги на Большой аул². Пулеметчики [И.А.] Якименко³ и [Ф.К.] Трифонов⁴ выдвинулись на фланги и оборудовали позиции с таким расчетом, чтобы можно было вести кинжальный огонь.

Ночь прошла спокойно. Напряжение возросло утром. Оно несколько ослабло в час завтрака. Партизаны, кушая прямо на оборонительном рубеже, шутили, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к опасностям. Но за деланой беспечностью скрывалась внутренняя тревога. Бойцы хорошо понимали, что бой с крупными подразделениями фашистов будет жарким и, видимо, кровопролитным. Каждый в эти минуты приглядывался⁵ к товарищу, мысленно спрашивая:

– В засадах ты был отважным, а как же сейчас? Не дрогнешь? Впервые ведь лицом к лицу встречаемся с отлично обученным и хорошо вооруженным врагом!

Между деревьями замелькали фигуры. Командир взвода Радченко насторожился:

– Кто бы это мог быть? Уж не разведка ли немцев?

Нет, к цепи спешили партизаны Иосиф Панкратьевич Тузов⁶ и Михаил Васильевич Шумриков⁷.

– Товарищ командир! – доложил Тузов. – На дороге колонна немцев силою до батальона. Двигается к нашим позициям.

– Приготовиться! – подал команду Радченко. – Огонь по моей команде! – И не выдержал сурового тона, перешел на штатский разговор. – Не спешите, хлопцы, спокойно. Гранаты тоже приготовьте.

В мирные дни Иван Константинович Радченко работал пожарником. Военные знания имел самые поверхностные, но здесь, перед опасностью, перед ответственностью за людей, проявлял удивительную сметку. Волнуясь за левый фланг, командир взвода послал туда бойцов Тузова и Чурилова⁸.

– Наблюдайте, чтобы не обошли, – напутствовал он партизан. – В случае опасности отбивайтесь гранатами. Услышу взрывы – буду считать за предупреждение.

На дороге от Нефтяной слышался смех, говор, шум. Фашисты, очевидно, никак не рассчитывали на встречу с партизанами, именно здесь, неподалеку от станицы.

– Ребята, – взволновался Радченко, – ждать, пока выйдут на прогалок⁹. Огонь только по моей команде!

Быстро бегут минуты, но кажется, что время томительно медленно. Лица партизан заострились, кое у кого обозначилась бледность.

Между деревьями замелькали зеленые мундиры. Немцы шли в две шеренги. Теперь было совершенно ясно, что фашисты чрезмерно надеялись [на] предателя проводника, а он, скорее всего, обманулся тем, что партизаны внезапно изменили прежнюю стоянку и выдвинулись сюда, к дороге от Нефтяной.

Радченко взял на мушку офицера:

¹ Командир 3-го взвода 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса, физрук пожарной команды.

² С.Х. Хотко [11] выяснил, на реке Тухе (Тхухе), которой он называет Левую Туху, располагались два крупных аула Цей-хабль (в 6 км от впадения реки в Пшеху), Абда-хабль (в верховьях) и десятки небольших аулов по обоим берегам Тухи. Возможно, Большой аул – это аул Абда-хабль, захваченный и разоренный в январе 1863 г.

³ Пулеметчик из 3-го взвода. Похоронен на мемориале в Нефтегорске.

⁴ Трифонов Федор Кузьмич – 1903 г.р., пулеметчик из 3-го взвода, военный техник, инспектор МПВО. Геройски погиб 26 сентября 1942 г. [12].

⁵ В тексте: приценивался.

⁶ Партизан из 3-го взвода, 1907 г.р., инструктор ФЗО, директор Нефтегорского клуба. Геройски погиб 26 сентября 1942 г. [13].

⁷ Партизан из 3-го взвода, старый кадровый рабочий треста «Майнефть», директор конторы изоляции.

⁸ Партизан из 3-го взвода.

⁹ Прогалок, прогалка – прогалина.

– Огонь!

Грянул партизанский залп. С флангов застрочили пулеметы, и все офицеры, которые вышли на прогалок, нашли свою могилу в тесном ущелье речки Туха. А там, в лесу, уже звучали вражеские команды. Немцы, оправившиеся от внезапного удара, принимали боевой порядок.

И еще раз до цепи партизан донеслись визгливые команды. Прошло много лет, но тому, кто был в бою на речке Туха, навсегда, пожалуй, запомнились голоса фашистских офицеров. Так обычно огрызаются наглые, но трусливые псы: вроде бы отчаянно рвутся вперед, но лай визгливый – боятся.

Мы хорошо знали повадки гитлеровцев. Немцы, попав в лес, держатся настороженно и на малейший подозрительный шорох моментально отвечают огнем. А тут совершенно непонятная медлительность. Враг, вероятно, был ошеломлен полной неожиданностью залпа.

И вдруг – сплошной треск вражеских автоматов. Пули, похоже, пронизали каждый кустик, каждую травинку. Они свистели, цокали на разные лады над головами партизан. Фашисты стреляли в основном разрывными пулями.

Как знать? Лесорубы, возможно, сегодня находят [эти] пули в деревьях. И, если эти деревья из массива возле дороги из Нефтяной через речку Туха, то это не что иное, как отметины¹ давнишнего партизанского боя с врагом.

Огонь фашистов достиг большой силы, но на партизан он произвел прямо противоположное действие. Бойцы взвода Радченко несколько повеселели. Не так, оказывается, страшен черт, как его малюют, – огонь плотный, но неприцельный².

Передняя цепь врага, наконец, вывалилась на прогалок. Партизаны, поглядывая на командира, ждут команды. Он не спешит. Радченко, чуть приподняв руку, держит ее на весу, точно напоминая всем:

– Внимание!

Ближе и ближе подходят цепи неистовствующих автоматчиков. Из-за деревьев выкатываются все новые и новые шеренги.

– Огонь! – рука Радченко резко опустилась книзу.

Прозвучал партизанский залп. Не один и не два офицера, пробежав, спотыкаясь, вперед, навсегда клюнули носом в землю. Но новые залпы не образумили. Враг осатанело рвался к позициям партизан. Фашисты прижались к земле только тогда, когда заговорили наши пулеметы. Кто-то из партизан насмешливо сказал:

– Вот тебе и регулярная [армия]. Впереди трупы, а нас косая пока миновала.

– Прекрати, – недовольно сказал Радченко. – Бой только начинается.

Издали, со склонов, запоздало заговорили фашистские пулеметы. Партизаны прижались к земле. Нащупали! Огонь немцев прицельный.

– Командир! Леонид убит!

Радченко пополз на голос. Да, лично убедился – первая жертва. Сражен Леонид [Ильич] Кныш³ – весельчак, лихой, плясун взвода. Смерть наступила мгновенно – пуля попала в голову.

Растерянно смотрел командир на безжизненное лицо бойца. Ему казалось, что в смерти Леонида лично он, Радченко, виноват. Недосмотрел, что-то упустил. Не хотелось верить, что вот так, внезапно, у тебя на глазах, ушел из жизни человек, которого многие годы знал в гражданке, с которым еще крепче сдружился в партизанских походах.

– Командир, немцы!

Радченко бросил взгляд на прогалинок. Да, фашисты поднялись во весь рост, мчат[ся] к партизанской цепи.

– В чем дело?

– Пулемет! На левом фланге замолчал пулемет. Гитлеровцы уловили паузу; и, что есть силы, рванули.

¹ В тексте: отметка.

² В тексте: беспрецизионный.

³ Кныш Леонид Ильич (П. у Готьвана) – партизан 3-го взвода, 1902 г.р., инструктор ФЗО. Погиб у горы Гунай 26 сентября 1942 г. [14].

– Передать по цепи! Ручному пулемету – огонь! И точно отвечая на команду Радченко, раздалась длинная очередь пулемета, которая снова прижала врага к земле. Пулеметчик открыл огонь не потому, что услышал команду. На левом фланге произошла заминка из-за ранения пулеметчика Якименко. Пока его заменял второй номер – [Николай Кузьмич] Григорьев¹, пулемет умолк. Замена длилась какую-то минуту, но в бою она часто равноценна часам.

Огонь партизанам вести становится все труднее и труднее. К их позициям уже пристрелялись не только пулеметчики, но и автоматчики. Ранен еще один партизан – Ионов².

Заглох пулемет на правом фланге.

– Неужели погиб Трифонов? – обожгла мысль Радченко. – Он ведь там один.

Командир, недолго думая, пополз на правый фланг. Полз, а мозг все время сверлила мысль:

– Неправильно ведь. Командир обязан управлять боем, а не ползать по каждому поводу то на левый фланг, то на правый. Вывод верный. Ивану Константиновичу позднее и в штабе на это указали. А пока... Жив пулеметчик Трифонов. Ранен. Левая рука в крови.

– Перевяжись и в тыл, – распорядился Радченко.

– Сам управлюсь, – [ответил Трифонов]. – Ты там, во взводе, нужен.

На левом фланге, примерно там, где находились в боковом охранении Тузов и Чурилов, раздались взрывы гранат.

– Держись до последнего, – предупредил Радченко пулеметчика. – Без команды не отходить.

– Будет сделано коман...

Не успел сдержать свое слово Трифонов. Он, оказывается, был ранен в плечо и ранен смертельно. Оборвав на полуслове, Трифонов безжизненно навалился на пулемет.

А там возле бокового охранения рвались гранаты. Было ясно, что фашисты обходят партизан с фланга. Треск автоматов на левом фланге не предвещал ничего хорошего. Мысленно Радченко уже [принял] решение – отходить. Важно было выбрать удобный момент, обмануть численно превосходящего противника.

Огонь усилился. Немцы, наступавшие со стороны прогалка, хотя и медленно, но упорно приближались к линии обороны взвода. Все чаще рвались гранаты и на левом фланге. Обстановка накалялась.

– Товарищ командир! – подполз партизан Чурилов. Вместе с Тузовым он был в боковом дозоре. Чурилов доложил: враг вот-вот ударит по левому флангу.

– Где Тузов?

– Потом, командир, расскажу.

Радченко дал приказ об отходе. Партизаны, один за другим³, оставляли позицию, моментально скрываясь за отрогом горы. Там огонь немцев был не страшен. Так и ускользнул взвод из-под самого носа фашистов. И еще долго слышался треск из автоматов. Врагу никак не верилось, что партизаны исчезли. Гитлеровцы все ждали подвоха, нового внезапного удара.

Что же с Тузовым? Уже позднее, в штабе соединения, Чурилов рассказал о героической гибели бывшего заведующего клубом поселка Нефтегорска Иосифа Панратьевича Тузова.

...Боковое охранение заняло позицию недалеко от Большого аула. Через некоторое время бойцы услышали сильный ружейно-пулеметный и автоматный огонь.

– Наши, – сказал Тузов. – В бой вступили.

Партизаны, прислушиваясь к ходу боя, зорко наблюдали за флангом. Огонь на основной позиции то усиливался, то затихал, и казалось, что боковое охранение – бесполезное распыливание сил. Немцы сюда, похоже, не собираются соваться.

– Панкратыч, смотри...

¹ Командир отделения 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса, 1918 г.р., ветеринарный техник, пулеметчик. Погиб 5 января 1943 г., награжден орденом Красной Звезды [15, 16].

² Партизан 3-го взвода (имя и отчество не известны).

³ В тексте: одним.

Чурилов толкнув Тузова, указал вправо. Оттуда доносился треск валежника, шум. Никого другого, кроме немцев, за балкой быть не могло.

– Приготовиться.....

Тузов выложил гранаты, диски автомата. Напряженное ожидание длилось недолго. Немцы появились на противоположной стороне балки, выбирая место, где бы можно было спуститься. И вдруг выстрелы – Тузов и Чурилов открыли огонь. Фашисты отхлынули в лес. Тишина. Гитлеровцы что-то предпринимали, но что? Они, чудилось, вымерли – ни говора, ни шума. Минут через десять все прояснилось. Немцы, пройдя по лесу, спустились в балку в другом месте; и вышли на наш левый фланг.

Враг был далековато. Приближение фашистов угадывалось по треску валежника и вообще по многим смутным приметам. Наконец-то стали различаться фигуры. Чурилов и Тузов открыли огонь. И тут Тузов выглянул вправо – не верилось ему, что все до единого фашисты ушли в обход и наступают с левого фланга. Так и есть! Гитлеровцы оставили часть солдат на прежнем месте, и они, воспользовавшись моментом, спустились в балку.

Одна за другой полетели гранаты. Прогремели взрывы. В балке раздались крики, стоны. Фашисты залегли. А в это время; на левом фланге, сделав рывок, гитлеровцы приблизились к нам почти вплотную.

– Пора, Панкратыч, надо отходить!

– Сейчас...

Иосиф Панкратыч, сжав бок, сморщился от резкой боли. Чурилов, послав очереди в фашистов, бросился к товарищу.

– Опирайся на плечо. Уйдем!

– Взвод обходят. Беги один. Надо срочно предупредить. Чурилов не решался оставить Тузова одного. А немцы приближаются. Текут драгоценные минуты.

– Беги!

Чурилов кинулся в сторону, затаился за деревом, огляделся и снова рванулся к ближайшему дубу. Он видел, как Иосиф Панкратыч, зажав гранату в руке, поджидал гитлеровцев. Сил, видно, для броска гранаты не хватило, и Тузов опустил голову. Чурилов, ни живой, ни мертвый, стоял за дубом, ему хотелось броситься на помощь товарищу, защитить от надругательств фашистов, но...

Гитлеровцы подошли к павшему партизану. И тут, собрав последние силы, Тузов ожил. Он привстал и ударил гранатой прямо перед собой!

Дорогой ценой заплатили фашисты за жизнь партизана Иосифа Панкратьевича Тузова.

Вспомнились мирные дни. Иосиф Панкратьевич привлекал к художественной деятельности певцов, танцоров, чтецов и сам играл на сцене положительных героев. Для него это были не роли, а сама жизнь, его собственные мысли и поступки. И когда пробил час, Иосиф Панкратьевич Тузов не дрогнул. Он сознательно пошел на смерть во имя жизни. Он умер как герой. Имя его и подвиг его никогда не будут забыты.

В тот же день 26 сентября, только на полчаса позже партизаны; Первого взвода, наблюдая за дорогой, идущей по хребту с Нефтяной на гору Каменистую¹ с своего наблюдательного пункта на холме, что находится в конце старой лесосеки, – заметили, как по дороге показалось шесть мотоциклистов. Позади них на расстоянии; примерно,–метров двести; двигалась колонной в две шеренги большая группа немцев. Мотоциклисты были передовым дозором фашистов. Но они не отрывались от главной колонны на большое расстояние, продвигаясь вперед с остановками, тщательно осматривая местность, особенно на остановках. Когда основная группа подходила на близкое расстояние, мотоциклисты двигались дальше.

– Вот что, товарищи, – обратился командир взвода Чайка Борис Степанович² к своим партизанам, – дозор пропустить. Ты, Иван, – приказал командир партизану [Ивану]

¹ Высота 892,0 на хребте Уру-Дере в истоках реки Правой Тухи у Хмарной поляны.

² Командир 1-го взвода и группы разведчиков 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса. Награжден орденом Красного Знамени.

Романченко¹, – бери трех человек, быстро отойдите назад метров на двести, замаскируйтесь у² дороги. Дозор – ваш³. Как только мы ударим по колонне, вы открывайте огонь по дозору. До тех пор, пока мы не ударим по основной колонне, – вы молчок. А уж после начала боя, – бейте, и чтоб ни одного не выпустили живым, будь они впереди вас или проедут. Понятно?

– Понятно! Есть уничтожить. – И четыре партизана пустились бегом в засаду. Добежав до небольшого подъема, засели в камышах и закрылись ветками.

– Остальным сойти в сторону за курган, – приказал Чайка.

Вскоре, один за другим⁴, из-за поворота показались немецкие дозорные. Выехали из лесосеки, где дорога входит в дубовый лес, и остановились. Передний что-то сказал задним, посмотрел туда и сюда, гитлеровцы ничего подозрительного не заметили, двинулись дальше, следом за дозором из-за поворота показалась основная колонна.

Как только дозор проехал, партизаны заняли свои прежние места в засаде. Подпустив немцев метров на пятьдесят⁵, Чайка оглянулся и увидел, что дозорные уже стали проезжать засаду Романченко.

– Огонь! – подал команду Чайка.

Заговорили партизанские автоматы и пулемет, скосив передние ряды фашистов. Те сразу растерялись и не поймут: что же случилось? Смешались их ряды, сбившись в кучу. Этого и надо было партизанам. В гитлеровцев полетели, в самую гущу, гранаты, а пулемет заливался своим смертельным хохотом, сея смерть в рядах фашистов. Дозорные сразу остановились, и тут же их скосили автоматными очередями из засады партизаны Романченко. Только колеса перевернутых мотоциклов еще вертелись в воздухе, а владельцы их уже валялись мертвыми.

– Проверить и добить, если есть живые, – приказал Романченко. Но он напрасно беспокоился, автоматы партизан сработали на отлично. Все немцы, вперемежку со своими машинами валялись без признаков жизни.

– Эти уже в Германию не вернуться, – осматривая фрицев, сказал партизан [Ф.С.] Ведяев⁶, – они захватили себе земли, сколько хотели.

– Теперь к своим на помощь, – скомандовал Романченко, и партизаны бросились к основной группе.

Немцы после первого своего замешательства отступили, оставив на месте десятка два убитыми. Приняли боевой порядок [и] повели наступление, охватывая партизан с флангов.

– Делать нам, товарищи, здесь больше нечего, – говорит Чайка, – надо уходить и чем быстрее, тем лучше. Пошли, бегом марш!

Пробежали партизаны мимо убитых дозорных фрицев, перевалились за хребтик, опустились в седловину водораздела между горой Каменистая и Сапун⁷. И остановились, прислушиваясь к окружающим звукам, а сердце стучит, как молотом по наковальне, и мешает различать звуки. Но что это? Впереди голоса немецкой речи. Оказывается, фашисты вышли из Большого аула на дорогу Каменистая – Сапун и перерезали путь партизанам.

– Берем вправо, направление на водопад, – скомандовал командир взвода. Цепочкой, один за другим, тихо партизаны скрылись в зарослях кустарника. Шли бесшумно⁸, так, что слышен был самый тихий шорох в лесу. Идущий⁹ впереди партизан [В.И.] Бублик¹ вдруг остановился, и все стали. Прислушались. Впереди послышался разговор.

¹ Романченко (Романенко) Иван – партизан 1-го взвода и группы разведчиков 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса.

² В тексте: сбок. Последние два слова этого и следующее предложение до ссылки № 5 подчеркнуты коричневыми чернилами.

³ В тексте: на вашем счету.

⁴ В тексте: одним.

⁵ В тексте повтор: к засаде.

⁶ Видяев (Ведяев) Федор Семенович – партизан 1-го взвода и группы разведчиков 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса. Награжден орденом Красной Звезды 15 ноября 1943 г.

⁷ Высота 778,2 северо-восточнее горы Боз-Депе (Гунай) в истокахлевой Тухи.

⁸ В тексте: тихо.

⁹ В тексте: Шедший.

– Тише, немцы, – говорит Бублик.

– А ну-ка тише, – шикнул на него Чайка, напрягая слух.

– Да, разговор на немецком языке, – сказал [С.И.] Заценко².

– Вот, черт возьми! – тихо выругался Чайка. Ущипнули³ фрицев хорошо, оторвались от них удачно, а прорваться оказывается труднее. Прорываться будем ночью, а днем [нужно] разведать место прорыва.

Чайка посмотрел на солнце, оно прошло свой зенит⁴ и начало клониться к западу.

– Ждать-то придется долго. Ну, ничего, отойдем назад. До вечера отдохнем, сделаем разведку.

Подшли к ручейку, в верховьях его был родничок. Оттуда ручеек и берет свое начало. Вода протекала светлой стружкой, задерживаясь в небольших углублениях.

– Здесь и остановимся, – сказал командир взвода, – посмотрев по сторонам, выбрал небольшую возвышенность, откуда просматривалась местность⁴, и выслал на пост стоять партизана Заценко, а сам прилег на спину, подложив руки под голову, и задумался.

– О чем думаешь, командир? – спросил его Романченко.

– Думаю, Иван, о том, что операцию мы провели сегодня неплохо, во всяком случае, фрицы десятка три недосчитаются в своих рядах. Это только убитыми, да плюс раненых не меньше. Вышли из боя мы без потерь, а вот как вырваться без потерь? Вот в чем задача. Над этим я и думаю.

– Ничего, Борис Степанович, что-нибудь придумаем. Все равно обманем фашистов, – подбодрил Чайку Романченко, – вот немного отдохнем и пойдем на разведку. Все равно найдем лазейку – проскочим. Нас уже не так и много, дырочку нам надо небольшую.

Когда солнце стало касаться своим красным диском горизонта на западе, партизаны подошли к дороге Нефтяная – Гунай⁵ напротив Собачьей балки⁶. Чайка взял с собой Романченко, и [они] вдвоем поползли ближе к дороге. Чем ближе они подползали к ней, тем тише и осторожней извивались их тела между кустов и веток. Наконец перед носом партизан оказалась дорога, по ней шла группа немецких солдат с [на]вьюченными лошадьми.

Начали сгущаться вечерние сумерки. Прошло еще человек десять фрицев по дороге к г[оре] Гунай, и движение замерло. Но по дороге немцы на видимое расстояние расставили посты.

– Видишь? – Чайка шепнул Ивану, показав головой на часовых.

– Если и ночью они так будут стоять, то это уже хорошо. Вот здесь, Борис Степанович, и проскочим прямо в балку. Ночью их туда сам черт не заставит лезть, а для нас ночь – родная мать.

Настала темная ночь, поднялся ветер, небосвод заволочло черными⁷ тучами. Теперь лежать уже было ни к чему. Спустилась такая темь, что на пять шагов нельзя было видеть человека. Немцы⁸ периодически, через пять минут, стали пускать осветительные ракеты или же постреливали из винтовок для храбрости.

К счастью партизан, под действием ветра,— зашумел лес, зашуршали кустарники своей листвой. Это было на руку нам. Подошли на исходные позиции вплотную к самой дороге все 21 человек и приготовились к броску. Взвилась ракета слева, осветив бледным светом лес и

¹ Бублик (Бубликов) Василий Иванович – партизан 1-го взвода и группы разведчиков 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса, 1910 г.р., боец военизированной пожарной команды № 3 города Апшеронска. Секретарь Нефтегорского горкома ВЛКСМ. Награжден орденом Красной Звезды 15 ноября 1943 г. После освобождения ушел в РККА. После демобилизации продолжил работу в пожарной охране.

² Заценко Иван Степанович – партизан 1-го взвода и группы разведчиков 1-го Нефтегорского партизанского отряда им. Щорса. В январе 1943 г. провел батальоны 40-й мотострелковой бригады в тыл противника. Награжден орденом Красной Звезды 15 ноября 1943 г.

³ Слово подчеркнуто коричневыми чернилами перьевой ручкой.

⁴ В тексте доб.: вокруг.

⁵ Дорога Нефтяная – Гунай – хребтовая лесовозная дорога. Ныне заброшена.

⁶ Собачья балка – ручей, правый приток в верховьях Левоу Тухи.

⁷ В тексте: темными.

⁸ Далее в тексте написано: «по очереди» и затем зачеркнуто.

дорогу. Когда она погасла, наступила такая чернота, что собственную руку не видно. Но, во время горения ракеты¹, партизаны рассмотрели до мельчайших подробностей место перехода: сколько шагов до дороги, рельеф спуска на нее и дальше.

Рис. 3. Второй Нефтегорский партизанский отряд им. Кирова после освобождения Хадыженска. Перед строем В.И. Хомяков (слева) и Ф.С. Готьван. Конец января 1943 г.

За минуту группа спокойно пересекла дорогу и [у]глубилась² в лес, держа курс от начала Собачьей балки вниз до речки Туха. Шедший впереди, тихо подавал предостережения о встречающихся препятствиях на пути. А в темноте их попадалось уйма: то ветка зацепит лицо, то о пень ударится партизан коленкой, то с деревом сомкнется лбом. Словом, пробираться пришлось ощупью, держась друг за друга руками. Сзади послышался смех.

– Кому там стало так весело? – спросил Чайка.

– Это мне, Борис Степанович, – отвечает, смеясь, Романченко, – у Васьки Бублика, когда переходили дорогу, была одна голова, а перешли, стало две!

Все засмеялись.

– Вам смешно, а мне впору плакать, – говорит с обидой в голосе Бублик. – И поднес лес – черт под ноги этот пень, когда впереди дерево. Споткнулся через него и лбом стукнулся о впереди стоявшее дерево. Так, что в глазах тысячи искр замелькало. Мне показалось, так стало светло, лучше, чем от немецкой ракеты, а дерева я все-таки и не увидел. Раздался такой хохот, что эхо пошло по ущелью.

– Тише, вы, черти! – смеясь, шикнул на хохочущих партизан командир взвода, в то же время не замечает, как сам гогочет на все ущелье. – Теперь будем выбираться из балки. Только голов не теряйте, а то, что станет у кого две – не беда, лучше и больше будет думать, – сказал Чайка и полез на четвереньках вверх из балки. За ним тронулись остальные.

Бывший нач[альник] штаба Нефтегорского соединения
партизанских отрядов /подпись/ Готьван Федор Степанович
21 мая 1966 года, город Хадыженск, ул. Кирова, 143, кв. № 14

¹ В тексте: освещения ракетой.

² Слово подчеркнуто коричневыми чернилами.

Благодарности

Выражаю благодарность сотрудникам ЦДНИКК за помощь в розыске и подготовке к печати публикации.

Примечания:

1. Архивный отдел администрации муниципального образования Апшеронский район.
  2. Архивный отдел администрации муниципального образования Апшеронский район. Ф. 347.
- Оп. 4. Д. 9.
3. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1126, 1354.
  4. Фурманов Д.А. Чапаев. Мятёж. М.: Правда, 1985. 632 с.
  5. ЦДНИКК. Ф. 41.
  6. Архивный отдел администрации муниципального образования Апшеронский район. Ф. 347.
- Оп. 4. Д. 9.
7. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1335.
  8. Готьван Ф.С. Шумит Гунай. Историко-литературная повесть о бойцах Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в 1942–1943 годах. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала РАНХиГС, 2012. 382 с.
  9. Готьван Ф.С. Шумит Гунай... С. 111–115.
  10. Готьван Ф.С. Шумит Гунай... С. 212–213.
  11. Хотко С. Список аулов Абадзехии и части смежных территорий (Центральное Закубанье). URL: <http://www.aheku.org> (дата обращения: 7.11.2015).
  12. Книга Памяти Краснодарского края. Краснодар: Кубань, 1994. Т. 9. С. 408.
  13. Книга Памяти Краснодарского края... Т. 9. С. 408. Перечень погибших партизан на памятниках на горе Гунай и в поселке Нефтегорск.
  14. Книга Памяти Краснодарского края... Т. 9. С. 407. Перечень погибших партизан на памятнике в Нефтегорске.
  15. Книга Памяти Краснодарского края... Т. 9. С. 407.
  16. Пожарные Кубани в годы Великой Отечественной войны // Сайт МЧС по Краснодарскому краю. URL: <http://mchskuban.ru/?p=15> (дата обращения: 7.11.2015).

References:

1. Arkhivnyy otdel administratsii munitsipalnogo obrazovaniya Apsheronskiy rayon.
  2. Arkhivnyy otdel administratsii munitsipalnogo obrazovaniya Apsheronskiy rayon. F. 347.
- Op. 4. D. 9.
3. TsDNIKK. F. 1774-R. Op. 2. D. 1126, 1354.
  4. Furmanov D.A. Chapaev. Myatezh. M.: Pravda, 1985. 632 s.
  5. TsDNIKK. F. 41.
  6. Arkhivnyy otdel administratsii munitsipalnogo obrazovaniya Apsheronskiy rayon. F. 347.
- Op. 4. D. 9.
7. TsDNIKK. F. 1774-R. Op. 2. D. 1335.
  8. Gotvan F.S. Shumit Gunay. Istoriko-literaturnaya povest o boytsakh Neftegorskogo soedineniya partizanskikh otryadov Kubani v 1942–1943 godakh. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2012. 382 s.
  9. Gotvan F.S. Shumit Gunay... S. 111–115.
  10. Gotvan F.S. Shumit Gunay... S. 212–213.
  11. Khotko S. Spisok aulov Abadzekhii i chasti smezhnykh territoriy (Tsentralnoe Zakubanye). URL: <http://www.aheku.org> (data obrascheniya: 7.11.2015).
  12. Kniga Pamyati Krasnodarskogo kraya. Krasnodar: Kuban, 1994. T. 9. S. 408.
  13. Kniga Pamyati Krasnodarskogo kraya... T. 9. S. 408. Perechen pogibshikh partizan na pamyatnikakh na gore Gunay i v poselke Neftegorsk.
  14. Kniga Pamyati Krasnodarskogo kraya... T. 9. S. 407. Perechen pogibshikh partizan na pamyatnike v Neftegorske.
  15. Kniga Pamyati Krasnodarskogo kraya... T. 9. S. 407.
  16. Pozharnye Kubani v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny // Sayt MChS po Krasnodarskomu krayu. URL: <http://mchskuban.ru/?p=15> (data obrascheniya: 7.11.2015).

УДК 94(470.62)“1942/1943”

Воспоминания начальника штаба Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани Ф.С. Готьвана о бое у горы Гунай 25 сентября 1942 г.

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии
Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, улица Гагарина, 8
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tijumencev@mail.ru

Аннотация. В статье впервые опубликован фрагмент воспоминаний начальника штаба Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани (1942–1943), в котором рассказывается о начале осеннего немецкого наступления на Туапсе 25–27 сентября 1942 г. и боях за партизанские базы у горы Гунай.

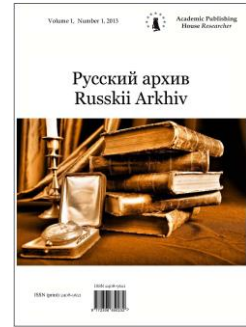
Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Туапсе, партизанское движение на Кубани, Нефтегорское соединение партизанских отрядов.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 310–328, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.310
www.ejournal16.com

UDC 93/94

Memoirs of Lieutenant Colonel of Militia

Preparation for publication, introduction and commentary
Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17, Komintern Street, Sumy, 40009
Dr (History), Associate Professor
E-mail: starsergo@bigmir.net

Abstract

This publication presents the memoirs of the former chief of Lebedinsky district Militia department Lt. Col. Ivan Borisenko (1902–1989). Memoirs include the years 1938–1959. It tells about the restoration of the national economy after the liberation from Nazi troops of Lebedinsky district in 1943; describes law enforcement agencies fighting crime.

Keywords: Ivan Borisenko, militia, law enforcement, crime, Great Patriotic War, Lebedin town.

Воспоминания современников различных исторических событий имеют большую научную и общественную ценность. Они фактически выступают фиксаторами памяти о прошлом. Такие источники позволяют не просто получать информацию о тех или иных фактах, но понимать их через восприятие людей, оставивших воспоминания. Исследователи, естественно, обязаны учитывать особенности написания мемуаров: условия, в которых они создавались, личность автора и т.д. Большой массив дошедших до нас воспоминаний так или иначе связан со Второй мировой войной, восприятием ее последствий и описанием их ликвидации.

В данной публикации мы представляем воспоминания бывшего начальника Лебединского районного отдела милиции подполковника Ивана Васильевича Борисенко (1902–1989). Хронологически они охватывают 1938–1959 гг. Но наибольшее внимание автором уделено именно периоду послевоенного восстановления пострадавшей Лебединщины.

Потери Украины во Второй мировой войне были колоссальными. В частности, в Сумской области были замучены 111 тыс. чел., свыше 78 тыс. чел. вывезены на принудительные работы в Германию, полностью или частично уничтожены 760 населенных пунктов, 420 промышленных предприятий, 37 железнодорожных станций, 27,5 тыс. хозяйственных строений и т.д. [1–2]

Город Лебедин Сумской области был освобожден 19 августа 1943 г. 309-й стрелковой дивизией под командованием полковника Д.Ф. Дрёмина в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции [3–4]. Местное население стремилось как можно быстрее ликвидировать последствия войны и вернуться к мирной жизни. Власть широко использовала типичные для командно-административной системы мобилизационные,

пропагандистские, принудительные и репрессивные методы. Задачи восстановления народного хозяйства определили и главные направления деятельности органов милиции в послевоенные годы. Это борьба с преступностью, надзор за соблюдением законности, сохранением социалистической собственности, строгим соблюдением трудовой дисциплины и т.п.

Оперативные работники милиции, отозванные с фронта и получившие назначения на должности начальников районных отделов милиции в освобожденных регионах, шли в составе передовых частей, освобождавших территорию Украины. Среди них был и И.В. Борисенко, занимавший до войны должность начальника отдела милиции Лебединского района. В августе 1943 г. он снова был назначен на эту должность.

Воспоминания о службе в райотделе милиции, тяготах, связанных с ликвидацией последствий войны, были написаны в 1967 г. Тогда же была предпринята первая попытка опубликовать их отдельные фрагменты в рукописном журнале областного совета ветеранов при действовавшем тогда управлении охраны общественного порядка Сумской области «Служение народу». Но свет увидели буквально несколько страниц воспоминаний, содержащих немного фактологического материала [5].

Через 16 лет, 22 апреля 1983 г., секретарю Лебединского районного комитета КПУ Леониду Яковенко в связи с публикацией летописи партизанского движения на Лебединщине в газете «Будівник комунізму» («Строитель коммунизма», номер от 9 марта 1983 г.) была подана докладная записка, которая была дополнена значительно сокращенным вариантом воспоминаний И.В. Борисенко. После ознакомления с ними секретарь сделал категоричный вывод о том, что «содержание неправдоподобное» [6].

Позже эти воспоминания уже в значительно сокращенном виде публиковались на интернет-ресурсе лебединской газеты «Будьмо разом» ЛебединPress [7].

Рис. 1. Иван Васильевич Борисенко. Фото 1956 г. [8]

Публикатор выражает искреннюю благодарность за предоставление текста воспоминаний и ценные рекомендации всем членам Сумской областной ветеранской организации Ассоциации ветеранов МВД Украины. Особая благодарность ее прежнему руководителю (ныне почетному главе) генерал-майору милиции Владимиру Степановичу Ситало и полковнику милиции Владиславу Дмитриевичу Захарченко. Представленные материалы сохранились благодаря усилиям старшего научного сотрудника Лебединского

художественного музея Ювеналия Голода и краеведа Владимира Дудченко. Огромное им спасибо.

Текст воспоминаний воспроизведен в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В квадратных скобках дана расшифровка наиболее часто встречающихся сокращений. Не расшифровываются в тексте такие широко известные сокращения, как г. (год или город), с. (село), т. или тов. (товарищ), ул. (улица), чел. (человек) и ряд других. В комментариях приводятся объяснения нескольких терминов, уточняющая информация о некоторых людях, географических объектах, расшифровка аббревиатур и т.п.

**Краткие сведения
о состоянии преступности на территории
Лебединского района и борьба с преступностью
райотдела милиции за период
1938–1959 годы**

В 1938 году я – Борисенко И.В. – обл[астным] управлением милиции был переведен в Лебединский район, тоже на должность нач[альни]ка райотдела милиции. Район состоял из 23 сельских советов и городского совета, которые и сейчас имеются, исключая только Штеповскую зону. Штеповский р[айо]н был отдельно¹. Кроме того, в Лебединский район входило село Рубановка, которое в 1939 или 1940 г. отошло в Ахтырский р[айо]н, а также З[елено]рощанский сельский совет, который после войны в 1949 г. полностью с хуторами отошел в Сумской район². В районе было 67 колхозов и 2 совхоза. Колхозы были маленькие, можно судить хотя [бы] потому, что в самом городе, исключая Кудановку и Токари-Бережки, было 4 колхоза, а в Михайловском с[ель]совете 6 колхозов.

В колхозах не было ни одного телефона. Сельские советы были телефонизированы на 60 %. Особенно затрудняло связь с отдельными сельскими советами – это Зеленая Роща, Каменное, Влезьки, где телефонов не было. Жители З[елено]рощанского сельского совета, особенно из хуторов, если совершится какое-нибудь преступление, ехали в гор. Сумы и оттуда звонили нам в Лебедин. В г. Сумы им намного ближе, чем в село М[алая] Ворожба, где был телефон.

В момент приема мной райотдела штат был укомплектован полностью:

1. Нач[альни]к РОМ³ Протонин Василь Сергеевич, от которого я принял р[айо]н.
2. Опер[ативный] уполномоченый уголов[ного] розыска т. Герасименко.
3. Пом[ощник] опер[ативного] уполномоченного т. Жученко.
4. Участковые уполномоченные:
  - а) по городу тов. Поляков,
  - б) по сельской местности т. Соседко, Кладько, Головацкий и Еременко.
5. Секретарь РОМ т. Карпенко В.М., финансовую работу вел секретарь РО НКВД⁴ тов. Макляк и в банке распорядитель кредита не нач[альни]к РОМ, а нач[альни]к РО НКВД.
6. Нач[альни]к паспортного стола т. Попов Ф. паспортист Колесник Е.
7. Милиционеры:
  - а) Гос[ударственная] милиция 6 чел., из них:
    - 2 чел. – дежурство в КПЗ⁵ по суткам по очереди,
    - 2 чел. – пом[ощники] дежур[ных] по району по очереди,
    - 2 чел., конвоировав[ших] арестован[ных] в суд и тюрьму.

¹ На момент создания Сумской области в 1939 г. в ее состав вошел 31 район, в том числе и Штеповский район. В июле 1957 г. он был включен в Лебединский район.

² Зеленорощанский сельский совет с центром в с. Зеленая Роща в 1949 г. вошел в состав Сульского сельского совета Сумского района.

³ Районного отдела милиции.

⁴ Районного отдела Народного комиссариата внутренних дел СССР.

⁵ Камере предварительного заключения.

б) Отделение вед[омственной] милиции по охране Гос[ударственного] банка во главе ком[анди]р отделения т. Босенко.

Примечание. Пожарный инспектор, инструктор ЗАГСа и нач[альни]к ИТР¹ в штат милиции не входили. Они были подчинены непосредственно нач[альни]ку РО НКВД. В оперативном отношении работники милиции, в том числе и нач[альни]к РОМ, были подчинены РО НКВД. Начальником РО НКВД в то время был т. Шкурко Филипп Федорович, проживающий и поныне в г. Лебедине, ул. Михайловская.

Выходные дни работникам милиции не предоставлялись.

Квартирами работники милиции были обеспечены полностью, и все квартиры были рядом или недалеко от помещения РОМ. Еще до меня советские органы р[айо]на за райотделом милиции закрепили дома по ул. Ленина: дом № 13, 20 и 12, по пров.[укр – переулок] Перекоп: дом № 2 и 10. В этих домах жили только работники милиции, и при увольнении они освобождали квартиры, как ведомственные, а вселением в эти дома распоряжался только нач[альни]к РОМ, затем горсовет представил по ул. Замкова в доме рядом с помещением суда-прокуратуры 3–4 кв[артир]ы, а во дворе прокуратуры в одном доме была квартира нач[альни]ка РОМ и прокурора.

Кроме этого, по ул. Ленина дом № 18, где сейчас комендатура, принадлежал райотделу милиции. В нем размещался клуб милиции и общежитие для холостяков.

Обмундированием работники милиции обеспечивались полностью, но качество плохое, хлопчатобумажное, а шинели из грубого сукна, обувь – ботинки и к ним краги.

Средствами передвижения по штату РОМ был укомплектован полностью.

1. Нач[альни]ку РОМ по штату – лошадь.
  2. Для работника розыска – лошадь.
  3. Каждому уч[астковому] уполномоченному с[ельской] местности – лошадь.
- Всего 6 лошадей и на каждую лошадь седло и для РОМ была одна линейка.

Других средств передвижения по штату не положено и его не было. Территория Лебединского р[айон]а, по сравнению с другими районами области, большая, штат милиции малый, средства передвижения – только лошадь. А такие отдаленные с[ель]советы, как З[еленая] роща, до которого расстояние более 60 км, и если случится уголовное происшествие, а на происшествия, как правило, выезжал нач[альни]к РОМ или опер[ативный] уполномоченный, и выезжающий может взять с собой только одного работника милиции и что б там ни случилось, некуда взять даже суд[ебно]-мед[ицинского] эксперта, а поэтому, если нужно сделать наружный осмотр трупа, приглашаешь, если есть, местного врача, а если нет, делаешь осмотр сам. На территории с[ель]совета живешь без выезда, потому что ехать нечем, пока не раскроешь уг[оловные] преступления и некрепишь следствием, потому что не будешь за 50 и более км вызывать в Лебедин на допрос свидетелей, да и вызвать нечем – нет телефона.

Но если живешь несколько суток на территории с[ель]совета или в отдельном хуторе, то в оперативном отношении, что только интересуется нас, узнаешь все, и после этого, если случится второе преступление, то раскрывать будет уже легче, потому что уже предполагаешь, кто его совершил.

Ночуешь, как правило, у разных честных колхозников, а не в активе, потому что последние, если что знают, и так нам расскажут. Когда ночуешь, семья тебе все расскажет, как кто живет, чем занимается и кто может совершить преступление, какое и кем. Нам очень помогало население и, выезжая на происшествие, захватишь лишний пистолет, и, если понадобится помощь, мы знали, кому можно дать – доверить оружие – и кто нам окажет помощь.

Дознание в основном вели уч[астковые] уполномоченные, а сложные – групповые дела – должен был вести нач[альни]к РОМ или опер[ативный] уполномоченный. Оперативной работой занимался только нач[альни]к РОМ и опер[ативный] уполномоченный, а пом[ощник] опер[ативного] уполномоченного допускался, когда было специальное разрешение руководства обл[астной] милиции. Уч[астковые] уполномоченные опер[ативной] работой не занимались, и они не должны знать.

¹ Исправительно-трудовых работ.

До войны [с] денежными средствами было очень ограничено. Средства отпускались только на зарплату, на содержание арестованных и очень малые суммы на содержание лошадей. Никаких командировочных, квартирных никому не платили. Но работники милиции знали, что очень нужны государству и особенно на укрепление обороны. Снаружи служебное здание до войны ни одного разу не мазалось, а внутри уборщица тов. Михайленко по очереди комнаты белила и отдельно за побелку ей не платили.

В 1939 г. служебное здание дало трещину, специалисты составили акт, что здание в аварийном состоянии – работать в нем опасно. Я, как нач[альник] РОМ, и нач[альник] РО НКВД т. Шкурко представили акт руководству обл[астного] управления. На акт нам ответили, что на восстановление здания денег нет, и рекомендовали обратиться к местным властям, чтоб нам предоставили другое здание. Но в Лебедине подобрать другое здание трудно, поскольку тут КПЗ, конюшня, двор. Поэтому мы договорились с местным нач[альником] военстроя т. Максименко, и он своими рабочими, своим материалом взял здание на болты и поставил кирпичные упоры до стены, и здание сохранилось.

В 1940 г. зам[еститель] наркома сельского хозяйства СССР отпустил средства для ремонта здания райкома партии и райисполкома, поскольку в этом здании проходили кустовые совещания районов по племенному скоту, и мы договорились за счет этих средств сделать капитальный ремонт своего здания.

До войны на территории Лебединского р[айо]на банд не было. Грабительских групп тоже не было. Помню только одно дорожное ограбление за городом. Совершили цыгане, прож[ивавшие] в г. Ахтырка. Ограбили колхозника, ехавшего на базар, забрали деньги, кожух и лошадь, запряжен[ную] в сани. Цыгане были задержаны, осуждены, а забранные деньги, кожух возвращены потерпевшему. Долгое время оставалось нераскрытых несколько квартирных краж в городе, в квартирах руководства р[айо]на. Из них некоторые были совершены еще до меня, а часть, когда я принял р[айо]н. Мы не всесторонне занимались, чтоб раскрыть, а только проверяли – разрабатывали подозреваемых лиц. Поэтому долгое время не могли раскрыть, и оказалось, что все кражи совершил начальник отделения Лебединского райфинотдела Гузь, житель г. Лебедин. Кражи совершал с двумя сыновьями, а жена была портниха, она дома из ворованных пальт[о] переставляла воротники, и сыны эти пальта продавали на базарах г. Ахтырка, Белополье и [в] других райцентрах.

Гузь всегда замещал заведующего РФО¹, спевал² в хоре арт[ели] Лозовая. Этот хор занял первое место в республике, т.е. пользовался большим авторитетом у руководства р[айо]на. Бывал на квартирах у них, а после совершал у них кражи. После совершения кражи мы спрашивали, кто у вас был. Нам отвечали: «Никого не было». На квартире у Гузя под полом специально был сделан склад, ход в нее был из кладовой-сеней. В складе мы набрали 2 подводы краденой одежды. И когда вызвали на опознание вещей председателя райисполкома – депутата Верховного Совета СССР тов. Лынного (в его квартире Гузь совершил 2 кражи), Лынный все уворованные вещи опознал, но не верил, что кражу совершил сотрудник РФО Гузь, как и другие руководители не верили.

Гузь, его жена и 2 сына были осуждены на 10 лет ИТЛ³. Сам Гузь после отбытия срока проживает в гор. Лебедине.

До 2-х лет летом, днем, по дорогам вокруг гор. Лебедина неизвестный преступник совершал изнасилование женщин разных возрастов от 14 до 75 лет, в том числе изнасиловал жену работника милиции, которая потом помогла нам установить преступника. Преступником оказался чл[ен] ВКП(б) разъездной механик Лебединской МТС Звягольский, последний и в настоящее время проживает в г. Лебедине. Суд[ебная] медэкспертиза признала, что Звягольский занимался преступлением-изнасилованием в силу своей болезни, а поэтому его не судили, только был несколько месяцев на принудительном лечении в г. Харькове.

Помню, что было 2 дела по линии ОБХСС⁴: хищение промтоваров в горпо¹, где судили 2–4 чел., и хищение в Заготскоте², тоже судили 1–2 чел.

¹ Районного финансового отдела.

² Пел.

³ Исправительно-трудовых лагерей.

⁴ Отдела по борьбе с хищением социалистической собственности.

Хулиганство, помню, в городе было совершено одно и два мелких хулиганства, за которые, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР, судья единолично, без проведения дознания, присуждал 1 год тюрьмы. В сельской местности не было совершено ни одного хулиганства.

Такого вида преступления, как самогонварения, не было ни одного случая. Самогон не гнали, водка была дешевая и продавалась во всех магазинах, а в буфетах на вокзалах даже ночью.

Кражи в колхозах и совхозах с[ельско]хоз[яйственной] продукции не было, и сторожей в колхозах не было. Я каждое лето был, как уполномоченый РАК, в колхозах, был в период уборочной компании без выезда из колхоза и видел, что целый день молотарка работает, вечером по окончании молотбы машинист снимает ремни из машины, на подводе везет в село, а кучи зерна среди поля остаются и никем не охраняются. У колхозников было очень много хлеба, они получали на трудодень от 1–4 кг. Негде было его хранить, и колхоз не хотел хлеб колхозников завозить в амбары. Правление колхоза выделяло несколько подвод и рабочих на ток. Приходит бухгалтер с данными, сколько зерна причитается каждому двору колхозника, и причитающийся хлеб привозят во двор и высыпают, а колхозник пусть думает, где его сохранить.

Много дел в производстве было, по которым дознание вели уч[астковые] уполномоченные: это нанесение легких телесных повреждений – побоев, то за курей, за детей или за между, оскорблений особенно много весной, когда начнут пахать огороды, хотя в суде на 50–60 % они прекращались за примирением сторон. За вычинку кож и другие мелкие, по которым, согласно УПКА УССР³, проведение дознания обязательно.

3 февраля 1941 года, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР, Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на два народных комиссариата – НКВД и НКГБ⁴. Милиция осталась в ведении НКВД. Из создавшейся ситуации задачи стали другие.

В районах нач[альни]к РОМ – он же стал и нач[альни]к РО НКВД, и работа, которую раньше выполнял нач[альни]к РО НКВД, должен выполнять и сейчас. Это руководство пож[арным] инспектором, инструктором ЗАГСа и нач[альни]ком ИТР, борьба с государственными преступниками, т.е. изменники родины, пособники врага и другие преступники, преступление которых предусмотрено ст. 53 и 54 УК УССР⁵. Следствие по этим делам должен лично вести и кончать нач[альни]к РО НКВД.

Подбор и всесторонняя проверка по всем учетам допризывников для службы в Советской армии⁶, для охраны Кремля и пограничных войск.

22 июня 1941 г. в 6–7 час[ов] утра мне на квартиру позвонил нач[альни]к УНКВД⁷ тов. Вещеникин. Сказал, что немцы перешли границу, бомбили Одессу, Львов и другие города, так что кончилась мирная жизнь, началась война. Мне приказал оказать максимальную помощь РВК⁸ в призыве и отправке людей в армию и одновременно из лиц старших возрастов организовать истребительный батальон. Командиром батальона по положению является начальник РО НКВД, т.е. Вы.

Весь личный состав был переключен на работу в военное время: борьба с дезертирством, уклонением от призыва в армию и мародерством, организация светомаскировки и еще новый вид преступления – членовредительство и другие, вызванные войной.

23 июня для призыва людей в армию было организовано в городе 3 призывных пункта: в здании райвоенкомата – председатель – райвоенком т. Семилетко; в здании

¹ Городского потребительского общества.

² Конторе по заготовкам скота.

³ Уголовно-процессуальному кодексу Украинской Советской Социалистической Республики.

⁴ Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

⁵ Уголовного кодекса Украинской Советской Социалистической Республики.

⁶ До 1946 г. – Красная армия.

⁷ Управления НКВД.

⁸ Районному военному комиссариату.

Осоавиахима¹ (где сейчас ВВК) председатель – нач[альник] РО НКГБ т. Дедов; в здании пионерклуба – председатель – нач[альник] РО НКВД, т.е. я.

Моб[илизационные] планы, которые мы годами составляли, за которые очень строго наказывали, стали никому не нужные, и их никто не открывал. Потому что сама жизнь подсказала совсем другое. Я свой перед эвакуацией согласно распоряжения нач[альника] УНКВД сжег.

Истребительный батальон был организован из 3-х рот. Своим заместителем я назначил ком[анди]ра вед[омственного] отделения милиции тов. Босенко, поскольку у меня не было возможности все время находиться в батальоне.

С приближением фронта эшелоны, идущие на фронт с военными грузами, но место назначения [которых оказалось] занято противником, эти эшелоны заходили на ст[анцию] Лебединскую и согласно приказа нач[альника] РО НКВД должен лично подписать документы для отправки эшелона на другую станцию недалеко от линии фронта. Поэтому почти каждый день приходилось быть на станции.

На РО НКВД было возложено вооружить и научить стрелять организованный партизанский отряд в районе. Из г. Киева была привезена автомашина ЗИС² оружия: польские винтовки, пулеметы и к ним патроны, и проводились в лесопарке стрельбы из винтовок и пулеметов с партизанами. После привезенное оружие было вручено ком[андирам] партизанского отряда под расписку для отправки на базы в лес.

Штаб 1-й гвардейской – [бывшей] сотой дивизии, командиром которой был генерал-майор Руссиянов³, находился в г. Лебедине, а начальник ОО⁴ дивизии со своими сотрудниками помещались в здании РО НКВД. Поэтому связь с ними была ежедневная.

Вечером 9 октября 1941 г. нач[альник] ОО дивизии мне сказал, что им приказано оставить гор. Лебедин, и штаб дивизии ночью уедет, и начнут отходить войска.

Вечером 10 октября 1941 г., после того когда уже воинскими частями были взорваны здание почты, мельница, часть здания ж[елезнодорожной] станции, мост на реке Псел в селе Михайловка, эвакуировались и мы, работники милиции, из гор. Лебедина. Доехали до гор. Белгорода. Зам[еститель] наркома НКВД УССР тов. Ратушный⁵ дал распоряжение нач[альнику] обл[астного] управления милиции т. Ковалю, чтобы всему личному составу, за исключением нач[альников] РО НКВД и руководящего состава обл[астного] управления милиции, дать окончательный расчет и направить в Старобельский райвоенкомат для направления в Советскую армию. Оставшиеся нач[альники] РО НКВД, руководящие работники обл[астного] управления и работники министерства во главе с т. Ратушным выехали в гор. Воронеж, где в то время находился штаб Юго-Западного фронта с командующим маршалом Тимошенко⁶.

В г. Воронеже нам всем дали расчет и передали нас в распоряжение командования фронтом. Командование фронта из нас организовало аппараты по охране тыла дивизии на фронте и всех направило на фронт.

Я был назначен заместителем командира 199-й стр[елковой] дивизии 38-й армии по охране тыла. В мое распоряжение дали 9 чел. опер[ативных] работников, из них 3 чел. были нач[альники] РО НКВД Сумской области т. Криволапов, Могилевский и Беспалов, а 6 чел. – работники наркомата [внутренних дел] УССР. Помню 2 фамилии: тов. Костенко – был мой заместитель, и тов. Шадловский. В г. Воронеже полковник из штаба фронта т. Крылов

¹ Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советской общественно-политической оборонной организации, существовавшей в 1927–1948 гг., предшественницы ДОСААФ.

² Грузовой советский автомобиль грузоподъемностью в 3 тонны, выпускавшийся в 1933–1948 гг. на автомобильном заводе им. И.В. Сталина.

³ Руссиянов Иван Никитич (1900–1984) – генерал-майор (затем – генерал-лейтенант) командир 100-й стрелковой дивизии (с 18 сентября 1941 г. – 1-й гвардейской стрелковой дивизии).

⁴ Особого отдела, функции которого включали выявление лиц, чья деятельность квалифицировалась как государственное преступление (шпионаж, измена, диверсия).

⁵ Ратушный Николай Тимофеевич (1906–1958) – майор государственной безопасности (с 1945 г. – генерал-майор), заместитель наркома внутренних дел УССР.

⁶ Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) – Маршал Советского Союза, командующий Юго-Западным фронтом с 30 сентября по 18 декабря 1941 г.

провел с нами инструктивное совещание и выдал каждому зам[естителю] командира дивизии мандат, в котором указывались наши обязанности и права. Обязанности были очень большие. В общем они сводились к тому, чтобы в тылу дивизии был везде порядок, поэтому находящиеся там войска, НКВД, милиция подчинялись нам. Кроме этого, нам входило в обязанности подбор кандидатур из гражданского населения для засылки в тыл врага с целью разведки, и [мы] должны [были] заниматься опер[ативной] работой среди гражданского населения.

199-я стр[елковая] дивизия занимала фронт на территории Купянского и Шевченковского р[айо]на, штаб дивизии находился долгое время в селе Староверовка Купянского р[айо]на, был и в других селах этого р[айо]на. В штаб дивизии мы прибыли 9 ноября 1941 года. После знакомства с местными властями, с нач[альни]ком РОМ и с территорией тыла дивизии мы выяснили, что в селах проживает много военнослужащих, направленных для прохождения службы в нашу дивизию, но они останавливаются в селе или хуторе, находят себе женщин, которые гонят самогон и живут с ними по несколько недель, а в штаб дивизии не являются. Нам совместно с работниками милиции пришлось всех их выявить и задержать. На некоторых оформить – провести следствие и дела направить в в[оенный] трибунал.

В одной такой операции меня майор чуть не убил. Мы получили сведения, что в таком-то селе в таких-то дворах живут несколько дней 2 лейтенанта и один майор.

Для задержания поехал я, мой заместитель тов. Костенко и опер[ативный] работник т. Шадловский. Когда мы зашли в хату, майор сидел за столом, пьяный. Я потребовал документы, а он вместо документов выхватил пистолет и через стол произвел выстрел в меня, но был пьян, поэтому не попал. Но мы их забрали, оформили материал и дело направили в в[оенный] трибунал.

Наш опер[ативный] работник, бывший начальник Буринского или Глинского РО НКВД т. Могилевский разоблачил одну женщину, которую немцы завербовали и перебросили через линию фронта. Женщина по специальности была артистка г. Киева.

Были и другие эпизоды, но они не относятся к службе Лебединского РОМ.

Весной, в марте или в апреле м[еся]це 1942 г., когда Советская армия готовилась освобождать территорию Украины от врага, нас, т.е. весь аппарат тыла, отозвали из фронта в г. Чертков Воронежской области в распоряжение наркомата НКВД УССР. Там мы находились в резерве.

Летом 1943 г., когда доблестные советские войска начали освобождать территорию Украины от врага, 10 августа меня вызвал нач[альни]к ОК¹ МВД² УССР и вручил предписание, что я назначаюсь нач[альни]ком Лебединского РО НКВД и должен выехать в село Мирополье, где находится руководство Сумского областного управления МВД.

14 августа зам[еститель] нач[альни]ка УМВД по Сумской области тов. Комиссаров выдал мне удостоверение, что я являюсь нач[альни]ком Лебединского РО МВД, а предписание забрал.

Я спросил: как же будет с кадрами, ведь я один и средствами передвижения не располагаю. Т. Комиссаров мне ответил: вы же старый начальник и хорошо знаете, что людей у меня нет, а есть только одна полуторка и та без резины. Так что на месте подбирать людей из лиц, не годных для службы в Советской армии, можно принимать и женщин. Средства передвижения – тоже смотри там на месте, как сможешь. Ну а пока что передвижение – это ноги и топай. Шутя сказал: что мог, я тебе дал. Я дал удостоверение.

В селе Мирополье я встретил жителей гор. Лебедина Писковского, Моренца, Райского и других. Все они проживали в г. Лебедине в период оккупации, а когда в феврале м[еся]це 1943 г. Советская армия освобождала г. Лебедин, они ушли с советскими войсками, но поскольку для службы в Советской армии были негодны, остались проживать в селе Мирополье. Эти гр[ажд]ане мне рассказали про Лебедин, что первый бургомистр был Русанов – бывш[ий] зам[еститель] управляющего отделением Госбанка, управа находилась в здании райисполкома, верхний этаж, а нижний – немецкая комендатура. Первый нач[альни]к рай[онной] полиции Бесскостый, его заместитель Калиниченко. Полиция

¹ Отдела кадров.

² Должно быть – Наркомата внутренних дел (Министерство внутренних дел – с 1946 г.).

помещается в здании райотдела милиции. Рассказали, кого знали, кто служит в полиции, а также кто возглавляет другие немецкие учреждения, в каких зданиях они находятся, т.е. они ввели меня в курс вопросов, которые интересуют меня по службе, про Лебедин.

Т. Моренец в селе Мирополье занимал пост председателя с[ель]совета. У него была лошадь – слабая и повозка. Т. Моренец, зная, что я еду в Лебедин, мне, как земляку, отдал лошадь с повозкой, и вот я на этой подводе совместно с тов. Писковым и Дубиной (из с. М[алый] Истороп) выехал из с. Мирополья за фронтом.

Фашистские войска, разбитые наголову на Курской дуге под натиском доблестных советских войск, драпали. В селе М[алый] Истороп из подводы я пересел в автомашину санчасти в[оинской] части и утром 20 августа 1943 г. первый из местных представителей сов[етской] власти приехал в освобожденный вечером 19 августа от немецких захватчиков гор. Лебедин.

Фашистские войска остановились и заняли оборону на горе за рекой Псел, в селах Лебединского р[айо]на – Каменное, Пристайлово, Червленое, Курган, Боброво, Михайловка, Межирич, М[алая] Ворожба, а г. Сумы был еще оккупирован врагом.

Советские войска остановились в лесу над лугом реки Псел. Гор. Лебедин, наверно, не имел большого значения в военном отношении, а поэтому на этом участке фронта наших войск было мало и боев больших не было, а иногда только редкая оружейная перестрелка.

На освобожденной территории оставались враги советской власти, не успевшие бежать со своими хозяевами – гитлеровскими извергами. Это бывшие бургомистры, старосты, полицейские и другое фашистское охвостье. Боясь ответственности за совершенные ими преступления, они могут перейти на нелегальное положение.

По прибытии в Лебедин я бросился, чтобы захватить документальные архивы. Сразу пошел в здание милиции, там помещалась полиция. Придя в дежурную комнату, я увидел, что в окнах стекол уже не было, только на стене висели часы-ходики и шли, которые мы остановили¹ осенью 1941 г. Они верно отслужили полиции и опять достались нам. Открыл комнату, где сейчас пож[арный] инспектор, и увидел знакомую женщину, которая с окна вынимает стекло. Увидев меня, она упала. Я подошел к ней, посадил, через время она мне говорит: «Только не подумайте, что я все стекла вынула». Архивов полицейских не нашел, стульев на все здание осталось до 10 шт.

Пошел в помещение, где сейчас медучилище. Туда немецкая комендатура в июле м[еся]це переселила рай[онную] управу со здания райисполкома. Когда я зашел в кабинет бургомистра, то увидел, что стульев уже не было, а за столом на стене висел портрет Гитлера во весь рост, высота 150 см. Там были какие-то мужчина и женщина. Я сказал, чтобы портрет вытащили и порвали, а рамку забрали себе. В комнате финансистов я нашел и забрал архив – ведомости на выплату зарплаты по всему р[айо]ну бургомистрам, старостам и полиции. В редакции забрал архив район[ной] газеты, редактором был Козловский, который бежал с немцами.

Население города узнало о моем прибытии и начало ко мне приходить. Пришли и коммунисты, проживавшие на оккупирован[ной] территории. Рассказали мне о всех изменниках Родины, которые работали в немецких учреждениях, и об их преступной деятельности. Учитывая обстановку в городе и то, что город окружен фронтом, нужно было немедленно восстановить советскую власть и порядок. Из лиц, которые не будут призваны в Советскую армию и которых я знал до войны, я начал подбирать для работы в милиции и одновременно руководителей учреждений.

Помню хорошо, что:

- т. Роенко назначил секретарем райкома партии,
- т. Мовчана – председателем райисполкома,
- т. Попова Петра – заведующим райземотдела,
- т. Михайловского – председателем горсовета,
- т. Сухова – председателем РПС²,
- т. Рудецкого – директором промкомбината,

¹ Должно быть: оставили.

² Районного потребительского союза.

т. Дыденко – пред[седателем] арт[ели] «Перемога»¹, а также руководителей и в другие организации, фамилии которых не помню.

Назначенным товарищам дал указание подобрать себе работников, занять помещения, которые до войны занимали, взять все имущество на учет и организовать работу.

Т. Роечко сказал, чтоб взял на учет всех коммунистов.

Т. Мовчану и Попову, помимо этого, нужно выйти в освобожденные села, там же назначить пред[седателя] с[ель]совета и секретаря, а также подобрать кандидатуру, выбрать или назначить пред[седателя] колхоза, тоже взять все на учет и организовать уборку – жатву хлеба, поскольку я, когда ехал, видел, что хлеб стоит еще не скошенный, с подбором кандидатур на пост пред[седателя] с[ель]совета и колхоза нужно подобрать 3 чел. в истребительную группу – одного из них назначить старшим, это будет местная милиция, для подробного инструктажа с вами пойдет сотрудник милиции.

22–23 августа в городе уже все учреждения работали. В городе не было шатающихся и прекратилось всякое растаскивание мебели и другого имущества.

23 августа я дал распоряжение пред[седателю] горсовета, чтоб ликвидировать немецкое кладбище, которое немцы устроили на площадке между зданием райисполкома и горсовета для убитых на фронте подполковников, полковников и генералов. На могилах цвели цветы, каждому офицеру поставлен крест. На нем было написано: полковник, фамилия, год рождения и когда убит. Среди полковников был один генерал-лейтенант. Крест ему был большой. Думали, трупы их вывезти в провалье². Но когда женщины, которые сожительствовали с немцами, отрыли несколько могил, то в каждом гробу стояла бутылка, в которой была бумажка с анкетными данными. 23 августа была жаркая погода, и когда открыли гробы – большая вонь, поэтому опять зарыли, кресты убрали, а могилы заровняли.

Немцы со всего фронта свозили в гор. Лебедин хоронить убитых полковников и одного генерала. Можно полагать, что они считали, Лебедин – самый спокойный город для них. Они, наверное, исходили из того, что в селах Лебединского р[айо]на спокойно жил один немец-комендант, который являлся хозяином села, ездил на поля, гонял наших людей. И у каждого из них жила наша русская женщина. Некоторых фамилии их еще не забыл, поскольку в силу служебного положения я должен был их знать.

В селе Гудымовка – Брюханова, Будылка – Шупик, Михайловка – Кириченко, Каменное – Гузева, М[алая] Ворожба – Мовчан. В их распоряжении был староста села и нач[альник] полиции села, т.е. они были его холоуи, а немец жил спокойно в каждом селе. У меня был список немцев, фамилии называли женщины, которые жили у них, за хозяйку-переводчицу.

Активно включились в работу организованные истребительные группы, уже 25 августа из освобожденных сел начали в райотдел милиции конвоировать задержанных ими полицейских, старост и других немецких пособников, не изъявивших желание бежать со своими хозяевами – гитлеровцами, а [которые] скрывались. Это большинство те, за которыми практическая преступная деятельность небольшая. 28 августа их уже было задержано и собран материал о преступной деятельности 14 чел., всех их мы пешим ходом отконвоировали в обл[астное] управ[ление] МВД, село Мирополье.

2 сентября был освобожден от врага город Сумы, и в эту же ночь были освобождены все села Лебединского р[айо]на.

Областные организации г. Сум начали направлять в Лебедин руководителей районных организаций. Первые прибыли тов. Лынный на должность секретаря райкома партии, с ним приехала тов. Дорико на должность секретаря РК ЛКСМ³, потом т. Киричок на должность нач[альника] райотделения МГБ⁴, тов. Бровенко на должность пред[седателя] райисполкома, последний при освобождении г. Херсона поехал на должность зам[естителя] пред[седателя] облисполкома. Прибыли и другие руководители, на должность райр[онного] прокурора прибыл т. Абрамов.

¹ Перемога – укр. победа.

² Провалья – укр. пропасть, овраг.

³ Райкома Ленинского коммунистического союза молодежи.

⁴ Министерства государственной безопасности.

Отдел кадров УМВД начал направлять на работу в Лебедин[ский] РО НКВД. Тов. Иваненко – на должность зам[естителя] нач[альника] РО МВД, т. Пролубникова – на должность ст[аршего] о[перативного] уполномоченного, 28 чел. – на должность уч[асткового] уполномоченного, один из них по фамилии Зотов, а другого забыл фамилию, т. Юхно на должность пож[арного] инспектора, т. Заверюху на должность нач[альника] ИТР.

Штат РО МВД укомплектован, а средств передвижения нет, за исключением кобылы – клячи и рыжий вол безхозный и все. В управлении ответили, что ничего нет. А преступность в р[айо]не увеличивается. Ходить пешком, много не сделаешь.

Однажды я с м[илиционе]ром Писковым ехал. В городе нас обогнала подвода цыган, запряженных хорошей парой лошадей. Писковой говорит, что у цыган лошади краденые, а у нас кляча. Около конторы Заготскота мы попытались, чтоб цыгане поехали в РО МВД, но цыганка нам оказали сопротивление. На Писковом порвали сорочку, мне оборвали погоны. Народ увидел эту баталию, помог забрать подводу в РО МВД, а цыганки сами пришли. При проверке карточек на лошадей они оказались обе поддельные.

Мы лучшего коня серой масти забрали, а кобылу им оставили, и они уехали. Таким образом, у меня оказалась лошадь, на которой я ездил до упразднения РО МВД. «Добывай лошадей», – я дал незаконное указание своим подчиненным, кому положена лошадь, чтоб они таким образом себе достали лошадь, другого выхода не было. И через некоторое время у всех у нас появились лошади, а в других организациях нет ни одной. Даже скорая помощь ходила пешком. Потом секретарь райкома и пред[седатель] райисполкома попросили, чтоб мы помогли. Мы дали пару лошадей для скорой помощи.

После освобождения территории р[айо]на от врага все мужчины были призваны в Советскую армию, остались только женщины, старики, калеки и дети. В некоторых колхозах после оккупации осталось только само название, нет никакого скота, тяглов[ой] силы, ни лошадей, ни волов. У некоторых колхозников только чудом осталась корова. Посеяно было мало, но урожай был хороший. Нужно его было убрать – скосить косами, обмолотить вручную палками и сдать план в госпоставку. А чем его доставить в Лебедин – это подумай? И все это должны сделать женщины. И они делали, и как посмотришь на них и думаешь, что в мире нет таких тружениц.

Я, как член бюро райкома партии, по линии райкома почти каждый день был в колхозах, организовывал, т.е. проводил, собрания. Собрание более часа не проводилось. Я делал выступление 15–20 мин, рассказывал о состоянии дел на фронте и что фронту нужен хлеб и вот, как ни тяжело, но нужно убрать, обмолотить и сдать. И во всех колхозах была только одна просьба, чтоб З[агот]зерно¹ ночью принимало хлеб (днем жарко его нести), чтоб правление колхоза распределило, какое количество зерна должна сдать колхозница на З[агот]зерно. Их просьбы были выполнены. Женщины-колхозницы из сел Межирич, Михайловка, Курган, Александровка ночью на плечах или возком вручную из колхоза носили зерно на пункт З[агот]зерно г. Лебедин. А у кого была корова, возили на корове. Другого транспорта не было. И план хлебосдачи был выполнен досрочно. Женщины активно принялись за восстановление хозяйства колхозов.

Население очень презирало и ненавидело изменников Родины, которые работали в немецких учреждениях, активно помогали врагу и очень жестоко относились к своему народу, это бургомистры, полицейские и другие, которые боясь ответственности перед народом за свои преступные злодеяния, старались не появляться на ту территорию, где совершили преступления. Скрывались, но население очень активно помогало нам в розыске, и благодаря чему за короткое время было много разыскано и задержано бургомистров сел и нач[альник]к сель[ской] полиции, а также бургомистр Русанов, его заместитель Нездиймышапка, нач[альник]к рай[онной] полиции Бескостый и его заместитель Калиниченко и другие. Во время проведения следствия народ – потерпевшие – сами шли без вызова, чтоб дать показания о их преступной деятельности.

Особенно народ ненавидел Бондаря и Русанова. Это были оба коммунисты, оба имели высшее образование, оба состояли в активе района.

Бондарь работал главным агрономом зем[ельного] отдела. В августе м[еся]це 1941 г. бюро райкома партии направило его в тыл страны ответственным с племенным скотом

¹ Контора заготовки зерна.

района, а он сдесертировал и скрывался в хуторах В[ерхне]-Исторопского с[ель]совета, а когда советские войска отошли и выехали все учреждения из Лебедина, Бондарь прибыл в Лебедин, стал ожидать немцев.

Русанов работал зав[едующим] кредитной группой в Госбанке. Когда немцы заняли в августе м[еся]це Ромны, он был назначен старшим по отправке ценностей вглубь страны. После сдачи ценностей должен был явиться в райвоенкомат для призыва в армию. Но он тоже сдесертировал и скрывался в хут. М[ало]-Исторопского с[ель]совета. Когда советские войска оставили г. Лебедин и выехали все учреждения, Русанов явился в Лебедин, стал ожидать немцев.

Первым из руководящего состава изменников Родины был задержан зам[еститель] нач[альника] райполиции Калиниченко, кот[о]рый на следствии показал, что когда части Советской армии оставили гор. Лебедин, на 3-й день по Лебедину проехало несколько немецких мотоциклов и после этого более м[еся]ца в Лебедине нет немцев и нет никакой власти, а в окружающих районах уже установлена немецкая власть. Каждый день возле здания райисполкома и горсовета собираются мужчины, куда должны подъехать немцы, подождут и расходятся. Однажды Бондарь говорит, а Русанов его поддержал, что проезжающие мотоциклисты – это была военная разведка, она проехала, никого из военных нет, и поехала в своем направлении, а остальные немцы не знают, что существует Лебедин, нам надо ехать в Сумы и поставить их в известность о существовании г. Лебедина. Бондарь сказал, что он поедет, Русанов – что он поедет, Бесскостый сказал, что поедет, а на Калиниченко указал, что у тебя есть лошадь и поедем. На второй день мы рано поехали. В Сумах в комендатуре нас встретила переводчица. Бондарь ей рассказал, кто мы, откуда и что хотим. Она записала и ушла, через время вышла с немцем, он немного говорит по-русски, и мы думали, что это комендант. Бондарь опять рассказал, откуда мы, и оказывается, действительно, что немцы не знали, что есть Лебедин. Он расспрашивал, где он находится, что в нем было при Советах, потом Бондарь начал про себя, чего он ждал немцев, что он коммунист, вынул партбилет, отдал немцу, что он сын попа, отец погиб в застенках НКВД, и он всю жизнь дрожал и решил помочь великой Германии победить коммунистов и т.д. Немец похлопал его по плечу. Потом Русанов много говорил, что он коммунист, вынул партбилет, тоже отдал немцу, сказал, что семью его отца, в том числе его, выслали в казахстанские степи, откуда он бежал, оставил семью и не знает, где она; по дороге стукнул одного паренька, забрал комсомольский билет и жил на его фамилию и каждый день дрожал, что НКВД узнает и арестует; решил тоже помочь великой Германии, немец и его постучал по плечу. Бесскостый тоже говорил, что его НКВД несколько раз арестовывала (хотя это неправда, пьяного и я его часто видел), тоже решил помочь великой Германии. Последним говорил про себя Калиниченко. Также говорил, что арестовывался НКВД (но его никто даже не знал), тоже решил помочь Германии. Потом этот немец вынес анкеты, и каждый заполнил их. Немец забрал и ушел. Через некоторое время нас переводчица завела в кабинет, там был тот немец и комендант. Комендант провел с нами инструктаж, переводчица перевела; комендант тоже не знал, что существует г. Лебедин, расспрашивал, интересовался, есть ли лес, партизаны. После немец, который по-русски говорит, сказал, что Русанов будет бургомистром, Бесскостый – нач[альни]ком полиции, Калиниченко – его помощником, Русанову и Бесскостому выдал документы, а Бондарю, что остается на некоторое время в Сумах.

Прибывши в Лебедин, начали организовывать полицию в каждой волости (сельсовет), а Русанов – старост волостей.

Так была организована немецкая власть в Лебедине. Через некоторое время был арестован бургомистр р[айо]на Русанов. На следствии он подтвердил показания Калиниченко и добавил, что Бондарь через несколько дней приехал в Лебедин на автомашине и сказал, что он по сельскому хозяйству якобы обслуживает Лебединский, Ахтырский и Тростянецкий р[айо]ны. Когда начали организовывать другие немецкие учреждения, к Русанову зашли защитники Коробка и Батюк, чтоб организовать прокуратуру и суд, Русанов им ответил, что комендант про суд и прокуратуру ничего не говорил. Они сказали: он позабыл, без суда невозможно, и привели пример, что в городе одна квартирантка убила хозяйку и дочь, забрала вещи и ушла, ее надо судить. Русанов согласился организовать суд, а Коробка и Батюк сказали, что они представят уголовный

кодекс (проект). Суд был организован. Судьей был учитель, фамилию я позабыл. Кодекс был опубликован в районной газете.

Через некоторое время в г. Лебедин прибыли немцы, комендатура разместилась на нижнем этаже здания райисполкома, и с первых дней показали, что из себя представляет немецкая власть. Комендант приказал, что суд и прокурор не нужны, что он – суд и прокурор. Спросил, есть ли партизаны. Русанов и Бесскостый сказали, что когда была Советская армия, были и партизаны, а сейчас никого не видно. «Коммунисты есть?» Русанов и Бесскостый сказали, что некоторых видят. Комендант приказал собрать их, а когда собрали 10 чел., всех расстреляли. Приказал собрать всех евреев, стариков и детей в одно место с вещами, их собрали в общежитие пединститута против ул. Гудымовской (на том месте стоит магазин). Ночью вывезли всех в в[оенный] городок и на стрельбище расстреляли. Приказал на Интернациональной площади поставить виселицу. До коменданта зашел из дома инвалидов больной хлопек и говорит ему, что ты – фашист, ты – убийца и т.д. Ему переводчица Пишкевич перевела. Комендант приказал немедленно повесить. Полицаи повели. Полицейский Шкурко первого повесил этого хлопца. Всего в Лебедине было повешено до 6 чел. Калиниченко и Русанов на этих злодеяниях были, но якобы непосредственного участия не принимали.

До войны, кто знал Бондаря и Русанова и сказал, что эти изменники Родины – предатели, вряд ли кто поверил, особенно за Бондаря. Он был очень активный, часто выступал с лекциями перед активом и в организациях. А оказалось – это были волки в овечьей шкуре.

В условиях военного времени борьба с преступностью велась в очень сложной обстановке. Война и временная оккупация оказали свое влияние на некоторую часть морально неустойчивых людей.

Особенно много было грабежей и, как правило, все вооруженные, кража скота, продуктов, дезертирство и другие преступления, про все описать невозможно, хочу описать про грабительские группы цыган.

Цыгане, прож[ивавшие] в г. Лебедин, занимали оружие, военное обмундирование. Одна группа в количестве 5 чел. под руководством Дементовых Ивана и Александры, выезжая на лошадях, совершила несколько вооруженных грабежей на территории Гадячского, Зеньковского и Синевского районов и, неточно зная границы районов, совершила ограбление в хут. Шевченково Пристайловск[ого] с[ельского] с[овета]. Они заявили на следствии, что считали, что то территория Синевского р[айо]на. Вторая группа в количестве 5 чел. под руководством Шкабенко Сашка совершила несколько вооруженных ограблений на территории Ахтырского, Тростянецкого и Богодуховского р[айо]на. Совершали вооруженные ограбления под видом военных, во время ограбления называли себя: «Т. лейтенант!», «Т. капитан!» и т.д.

Несмотря на то что было много совершено уголов[ных] преступлений, личный состав, молодые работники, не имея теоретической подготовки, все особо опасные преступления были на 100 % раскрыты, работали день и ночь без отдыха. Конечно, было тяжело, но работники понимали, что на фронте не легче.

1946 год. На территории Восточной Украины была засуха. Были трудности после такой войны, а это еще больше усугубило. Уже осенью преступность быстро начала расти. Особо опасные преступления – это грабежи с убийством, дорожные грабежи, кражи скота, продуктов и другие преступления. Стали совершать тяжкие преступления лица, что если бы не такой тяжелый год, может они бы их и не совершили. К примеру.

1/I 1947 г. Фомин Г. и его жена Варвара в городе ограбили Фалько А.Н. и забрали 1 буханку хлеба и 2 стакана сахара.

12/IV 1947 г. Лагошный В.В., 1925 г., комсомолец, хут. Хилькино, совершил грабеж с убийством своей соседки Лихвенко Ек.Мак., забрал 5 стаканов овса и 5 стаканов отрубей.

Аналогичные были и другие.

Организовались вооружен[ные] грабительские группы.

С. Ворожба. Клиценко И.Ф., Кихтенко И.Н., Молчан Н.Б. совершили вооруж[енный] грабеж коморы¹ к[олхо]за им. Коминтерна.

¹ Амбара, кладовой.

Г. Лебедин. Савицкий В.Ф. и Иванов Ф. совершили грабеж с убийством сторожа кол[хо]за «Вперед до социализма».

Г. Лебедин. Жук П., Иващенко Г. и Кравченко Е. совершили вооружен[ный] грабеж магазина.

Х. Петровский Бобровск[ого] с[ельского] с[овета]. Гончаров Г., Соболев С., Дудник совершили вооруж[енный] грабеж коморы в колхозе.

С. Каменное. Гузев С. и Гончаров Г. совершили грабеж с убийством в с. Каменном Лебединского Федора.

Г. Харьков. Клименко Л., Ена А., Абраменко Н. и Варенья П. совершили вооруж[енное] ограб[ление] в х. Стеблянки квартиры Стеблянка Ф.Н., забрали вещи на сумму 100 000 руб.

Помню, что только за 1947 г. на территории р[айо]на и города ликвидировано – арестовано 18 вооруженных грабительских групп. Вооружены были нарезным кобурным оружием.

По имеющимся карточкам видно, что за 1947 год направлено прокурору в суд 339 уголовных дел (не считая дел, которые были проведены по линии МВД, потому что по тем делам санкцию на арест давал только прокурор войск НКВД – он же наблюдал за следствием. Эти дела регистрировались только ББ¹ УМВД, а их у нас тоже было много, дела на изменников Родины, бандитов и т.д.), дознание, следствие по которым вели работники милиции. Следователей не было никаких. Хотя война кончилась, но работники милиции работали, как в военное время, день и ночь, а про выходные и думать было некогда.

К тому же командированные из РСФСР на укрепление опытные работники – зам[еститель] нач[альника] РО МВД тов. Иванский и ст[арший] оперуполномоченный тов. Пролубников – были командированы на постоянную работу в западные области Украины. На должность ст[аршего] о[перативного] уполномоченного ОУР² в такой тяжкий период, когда почти каждый день совершаются особо опасные преступления, ОК УМВД принял и командировал нам Тимошенко Марию, которая никогда в органах не работала и к тому же слабая здоровьем. Она не могла выезжать на происшествие и не выезжала. В феврале м[еся]це 1946 г. зам[еститель] нач[альника] РО МВД т. Соседко на месяц ездил в Станиславскую³ область обеспечить порядок во время выборов. В мае м[еся]це 1946 г. я был командирован со всеми нач[альни]ками РО МВД Сум[ской] обл[асти] в Станиславскую обл[асть] для борьбы с УПА⁴. Я был в Яблунковском РО МВД до 24 августа 1946 г. Несмотря на все это, все особо опасные преступления были раскрыты, и не было ни одного случая, чтоб преступник явился с повинной, а нужно было установить и доказать. В этом очень много помогали нам люди, которые были с нами связаны. Хочу привести примеры.

18 октября 1945 г. в 24 часа по ул. Вокзальная был обнаружен труп фельдъегеря Лебедин[ского] отделен[ия] связи Краснонос Марии. Убийство совершено выстрелом из нарезного оружия в затылок головы.

Убийцы забрали портфель с секретными пакетами и револьвер – наган ЭП-104. Часы были на руке, денег 183 руб., документы личные не взяты.

Через месяц или два в порядке разработки убийцы были известны, но кто из них стрелял и где находится портфель с пакетами, а особенно – где находится револьвер – наган ЭП-104, который является единственным немым свидетелем, чтоб доказать им убийство. Для этого было проведено много комбинаций и легенд. И только через год можно было реализовать разработку. Участник убийства Зубко нашел наган и взял его с собой в город, он был арестован, а также непосредственный убийца Гурин Александр Петрович и организатор убийства – Костин Никол[ай] Васильевич. Разработку вел я лично, а также по раскрытию других особо опасных преступлений проводились разные комбинации и легенды.

В г. Харькове во время войны и после оперировала банда – группа под кличкой «Черная кошка». Милиция вела с ней борьбу, но руководителя по фамилии Лихолит не могла поймать. Ориентировка была и у нас УМВД, с которой нас ознакомили на совещании

¹ Отдел борьбы с бандитизмом.

² Отдела уголовного розыска.

³ С 1962 г. – Ивано-Франковская область.

⁴ Украинская повстанческая армия – вооруженное крыло Организации украинских националистов, действовавшее на территории УССР в 1942–1953 гг.

нач[альни]ков РО МВД. Марченко из Гарбузовки говорит: я хочу Вам привезти Лихолита. Я, конечно, не верил, но однажды ночью звонит мне на квартиру, чтоб с конвоем приехал на ж[елезно]д[орожную] станцию Лебединская. Когда мы приехали, Марченко завел нас в пассажирский вагон. На полке спал сильно пьяный мужчина. Мы его вынесли и положили в КПЗ. Я сообщил в УМВД. Они сообщили в Харьков. В 13 часов из Харькова прибыл конвой – 6 чел. офицеров, и один из них хорошо в лицо знал руководителя банды Лихолита, он опознал его, да Лихолит и сам признался и рассказал, что их интересовало.

В работе у нас были и неудачи, промахи и были происшествия «ЧП». Наш конвой 8 чел., старшим был уч[астковый] упол[номоченный] Гиленко, конвоировал в тюрьму 12 чел. арестованных, один арестован[ный] около ст. Боромля на ходу поезда выпрыгнул в окно и сбежал. Марченко узнал про это происшествие. В лесу, недалеко от станции, нашел бежавшего преступника, уговорил его, что тот пошел с ним на квартиру. Дома Марченко бежавш[его] преступника оставил с женой, а мне по телефону сообщил. Я командировал нач[альника] ИТР т. Заверюху и уч[асткового] уполномоченного т. Беловола. Они из квартиры забрали бежавшего преступника.

Чтоб пережить зиму, по ул. Червленовской остановился табор цыган, но все без лошадей. Цыгане одеты хорошо, с деньгами. Объявили себя, что они цыгане югославские. Кривошей с некоторыми цыганками завел дружбу, они к нему ходили покупать молоко. Однажды заходит цыганка избитая, Кривошей стал сожалеть, цыганка расстроилась и сгоряча сказала, что избил муж, но она не хочет говорить, их бы сразу арестовали, т[ак] к[ак] они убили пред[седателя] райисполкома и его жену и 2 м[илиционе]ров в Орловской области, а что они делали в Тульской области. На основании этого был сделан запрос в УМВД Орловск[ой] обл[асти]. Через несколько дней была телеграмма о задержании цыган и одновременно прибыл усиленный конвой из офицеров орловской милиции, которые подтвердили, что цыгане ими разыскиваются, они действительно убили пред[седателя] РИКа¹ и его жену, когда они ехали лошадьё, убили 3 милиционеров, а не 2 чел., 2 сторожей и много совершили грабежей. Все цыгане с нашей помощью были арестованы.

По линии ОБХСС много было дел и большинство по разработкам. По разработкам Симоненко были арестованы и осуждены:

1. Председатель промартели «Червона Зирка»² Комаров, бухгалтер Матюшко и кладовщик Безвершенко.

2. Директор рай[онной] пекарни Шелест, бухгалтер и кладовщик.

По материалам других лиц 3 чел. заведующих крупорушкой, зав[едующего] складом З[агот]зерно 3 чел. и 2 чел. зав[едующих] базой РПС и другие дела.

1947 год был трудный для народа, был голод, вследствие большой засухи в 1946 году. Были и бытовые убийства. Хочу описать только один случай. Однажды утром мне секретарь райкома партии тов. Чариков сообщил, что из Кургана ему звонил председатель колхоза т. Петренко, что в эту ночь в его квартиру через окно ворвались бендеровцы и хотели задушить его как председателя колхоза, а жена за него заступилась, и они убили его жену, а его связали, забрали деньги и скрылись. Я сразу сказал Чарикову, что тут что-то не то, что не звонит в милицию, а звонит секретарю. На место происшествия выехал я, опер[ативный] уполномочен[ный] тов. Пушкарев и нач[альник] ИТР т. Заверюха. Петренко и нам рассказывает, что он спал с женой, услышал, зазвенели стекла, и в доме оказались 2 мужчины. Один из них вскочил на Петренко, начал душить, говорит: «Работаешь пред[седателем] колхоза, издеваешься над людьми». Разговор был украинский, западный, за меня заступилась жена. Второй бандит положил жену на пол и задушил. А потом меня веревкой привязали до кровати, забрали деньги и скрылись. Когда уходили, он слышал разговор еще одного или двух на дворе. Утром стало виднеть, он начал кричать. Одна колхозница (назвал фамилию) пришла, его развязала. Он оделся, пошел, позвонил на квартиру секретарю райкома партии.

Наряду с другим осмотром мы, поскольку врача не было, осмотрели труп. Потом осмотрели Петренко. При осмотре обратили внимание, что нательная рубашка грязная, а кальсоны только одетые, чистые. Петренко объяснил, что когда его бандит душил, он

¹ Районного исполнительного комитета.

² Червона зирка – *укр.* Красная звезда.

калом обпачкал кальсоны, поэтому грязные снял, а чистые одел. Мы осмотрели грязные кальсоны и, действительно, они обпачканы на коленях спереди, лицевая сторона, а не та, что до тела. Когда мы показали, рассказали, что его объяснение неправдоподобно, он сознался и рассказал, что жену он сам удушил с целью избавиться от нее, поскольку он сожительствовал с одной колхозницей, и последняя заявила, что разведись с женой, а женись на мне, а иначе не приходи.

Петренко сначала удушил жену, а потом снаружи в хату [проник], проломив окно с рамой, опять разделся, привязал свои руки веревкой до кровати и начал кричать, чтоб пришел кто-нибудь на помощь.

Трудно было с продовольствием и для семей работников милиции, у кого детишки и жена не работала, а еще трудней, у кого жили в селе мать или отец и находились на иждивении работников милиции.

Очень трудный был период. У дежурного по РОМ почти каждый день были подброшенные детишки. Ночью в коридор принесет и оставит, а дежурный забирает, и мы их определяли в детдом, но пока оформишь, хотя тогда было проще (не было детской комнаты), но все равно по несколько часов сидели, и их нужно было кормить. Начали кормить за счет арестованных. При проверке ревизор обнаружил и запретил – нельзя. Мы тогда для лошадей получали не овес, а ячмень. Я дал распоряжение весь ячмень смолоть, часть муки отдали в пекарню «Чер[вона] Зирка», чтоб они пекли хлеб, и дежурный будет брать по потребности по 300 г на ребенка, а что осталась мука, начал раздавать своим работникам. В некоторых семьи жили в селах и очень в тяжелом положении. Давали муку матери м[илиционе]ра Батютенко, матери м[илиционе]ра Сахна, Соседко для детей брата и другим. А лошадям не давали ничего, кроме сена. Один сотрудник написал на меня, что фураж лошадям не даю, а разбазариваю.

Для проверки приехал нач[альник] УМВД полковник Соколов, сразу повел меня в конюшню посмотреть лошадей; но лошади жирные. Потом собрали состав. Я доложил, какое состояние в районе, т.е. сколько пухлых людей, поскольку нам давала сведения больница. Тов. Соколов сказал, что незаконное распоряжение Борисенко в настоящий период законное, лошади у вас жирные, пусть кушают сено, а нужно спасать людей – детишек. Это временное явление.

С 1948 г. преступность начала снижаться, но помню были особо тяжкие преступления – убийства.

1950 г., хут. Селеще, грабеж с убийством Остапенко П.Я.

Убийцы Балабан Н., Сырык С. и Гончаренко Д.

1951 г., г. Лебедин, изнасилован[ие] с убийством Дудник Ефросин[ья].

Убийца летчик Ермолаев Юрий.

1951 г., хут. Кудановка, убийство, чтоб завладеть имуществом Тараща Андрея, труп бросили в воду сага¹.

Убийцы Венжега Трофим и его сыновья Григорий и Сергей.

1951 г., х. Мигулино, ограблен[ие] с убийством Покотило Марфы.

Убийца Севрюков Григорий.

1952 г., Лебедин, умышлен[ное] убийство военнослужащ[его]-морьяка Кириченко Владимира.

Убийца Попов Борис Николаев.

1953 г., Лебедин, на почве хулиганства убийство в[оенно]служащего Горожанина А.В.

Убийцы Олейник А., Антипенко В., Кукленко В. и Олейник А.

1954 г. В кукурузе х. Степное обнаружен труп Тоцкой Марии Гр[игорьевны], которая была изнасилована и удушена.

Убийца Урода Иван Григор[ьевич], 1938 г.

1953 г., с. Межирич, грабеж с убийством Гуртовенко Федота Н.

Убийцы Савко Иван, Замченко Григор[ий].

1955, М[алый] Истороп, умышлен[ное] убийство Токаря Иван Порфил[ьевича].

Убийцы Тарасенко Иван и его мать Агеева Евдокия.

¹ Сага – укр. речной залив.

1955 г., х. Петровский Бобров[ского] с[ельского] с[овета], на дороге ограблен с убийством Правизона Лаврентий Михай[лович] – труп бросили на дороге.

Убийцы Солодун Андрей Кузьмич и его сын Дмитр[ий], жители села Тимофеевки Гадячского р[айо]на.

Записаны только те, которые вспомнил, но, наверно, их было больше, но сколько их ни было, все они раскрыты. Описать подробно, какие мероприятия проводились по каждому делу, невозможно. Для этого требуется много времени и терпения.

В военное время население проявляло большую бдительность и помогало нам в работе, а особенно большую помощь нам оказали истребительные группы (местная милиция) в борьбе с преступностью. Они собрали более 100 шт. винтовок, в том числе много пулеметов, большое количество патронов, более десятка пистолетов. Задерживали и конвоировали в РО МВД дезертиров и подозрительных лиц, и при появлении на территории изменника Родины, старосты или полицейского немедленно задерживали и конвоировали в РО МВД.

Помню и такой случай. Военный прокурор арестовал 3-х военнослужащих и посадил в КПЗ. Охрана была военная. Арестован[ные] ночью выламали решетку на окне и ушли, а на стене написали: «Были такие и улетели». В каждый с[ель]совет ст[аршим] группы была передана телефонограмма. Бежавшие появились в хут. Буровка. Их там с помощью населения истреб[ительная] группа задержала, связали и привезли в РО МВД, за что нач[альни]к УМВД и своим приказом отметил и премировал.

Мы их регулярно один раз в м[еся]ц созывали на инструктивное совещание.

В октябре м[еся]це 1949 г. было указание Совета министров СССР о том, чтоб органы милиции передать из МВД в МГБ, но практически в районах это было сделано, т.е. передано, в 1950 году, и в этом же году были упразднены в районах РО МВД. Большинство нач[альни]ков РО МВД стали начальниками РОМ, в том числе и я.

В марте м[еся]це 1954 г. в районах были упразднены райотделы МГБ. Нач[альни]ки РОМ приняли от нач[альни]ков РО МГБ имущество и средства передвижения. Я принял имущество и автомашину от тов. Иванова Петра Васильевича.

Так что первая автомашина в Лебедин[ском] РОМ появилась только в 1954 году.

Весной в 1954 г. был посажен во дворе милиции и на улице фруктовый сад, посадку деревьев и подвозку земли под деревья производил весь личный состав своими силами, в то время указников еще не было.

В военное время и после преступность в р[айо]не была высокая, и многие преступники были вооружены огнестрельным оружием. Штаты милиции были небольшие, арестованных было много, конвоировали в основном поездом и попутными автомашинами, поэтому работники таких служб, как нач[альни]к ИТР т. Заверюха, пож[арный] инспектор т. Юхно, работники п[аспортного] стола выполняли свою работу и наравне с опер[ативными] работниками выезжали на происшествие, делали обыски, задерживали преступников, дежурили по РОМ (уч[астковые] упол[номоченные] с[ельской] местности не дежурили), конвоировали арестованных в тюрьму и суд, потому что другого выхода у нас не было.

По дорогам сел Курган и Червленое в лесу совершались грабежи. Нами было установлено, что эти грабежи совершают учащиеся кооперативной школы, прож[ивающие] по ул. Будыльская № 1. Нужно было срочно задержать. Опер[ативных] работников не было. Для задержания и производства обыска я командировал тов. Заверюху и Камчатного. Когда они приступили делать обыск, грабитель пытался застрелить из парабеллума тов. Заверюху, но был схвачен т. Заверюхой и Камчатным, пистолет был изъят. Их 3 чел были задержаны и осуждены.

Второй случай: из в[оенной] части дезертировал солдат и захватил с собой пистолет. На задержание его были посланы все работники милиции, для проверки в городе квартир малины¹, где он может скрываться. Т. Заверюха пошел на пару с опер[ативным] упол[номоченным] т. Пушкаревым. Когда они дошли до дома, т. Заверюха остался на дворе наблюдать, а Пушкарев зашел в хату. Хозяйка сказала, что нет никого, но он не поверил и открыл шкаф, в это время солдат, стоявший в шкафу, произвел выстрел, пуля разорвала

¹ На воровском жаргоне: притон.

шапку-ушанку на голове Пушкарева. Заверюха услышал выстрел, вскочил в хату. Пушкарев в схватке с солдатом. Т. Заверюха помог изъять пистолет, и задержали дезертира.

На территории Краснопольского и других р[айо]нов оперировала банда. Однажды один бандит поездом ехал в Лебедин, как опосля узнали, в швейную мастерскую, в том же поезде ехал опер[ативный] уполномочен[ный] СУР УМВД т. Шарый. т. Шарый прибежал в РОМ, рассказал, что приехал бандит и надо его задержать, указал все приметы. На задержание пошел зам[еститель] нач[альни]ка РО МВД т. Соседко и опер[ативный] уполномочен[ный] т. Пушкарев, переодевшись в гражданскую одежду. Бандит «водил» их по базару, где много людей, задерживать нельзя, могут быть жертвы. И когда осталось короткое время до отхода поезда, бандит пошел на вокзал. И решено было схватить его около вагона при посадке, но на станции бандит зашел в общую уборную и только сел, на него набросился т. Соседко и выхватил пистолет. Потом на помощь подошел т. Пушкарев и Шарый, задержали бандита без единого выстрела и изъяли пистолет.

Аналогичные случаи изъятия оружия были и у других преступников, как Гузева Семена, Гончарова Григория и других грабителей, и все обходилось без шума, без жертв и без помощи, а мы оказывали помощь.

В 1944–1945 г. в селе Михайловка появились антисоветские листовки. Опер[ативные] работники Лебедин[ского] отделения МГБ и из Сум приезжали опер[ативные] работники. Но преступника не могли установить.

Однажды в селе Михайловка опять появились листовки. Их сорвали и принесли в с[ельский] совет. В то время по работе в с. Михайловка был пож[арный] инспектор тов. Южно П.В. Он посмотрел на бумагу, на которой было написано, и опознал, что такую бумагу он давал начальникам ДПД¹ на совещании.

Тов. Южно пошел на квартиру до нач[альни]ка Михайловского колхоза, фамилию я забыл, сделал обыск, обнаружил несколько шт[ук] листовок, которые нач[альни]к ДПД не успел еще расклеить, а также нашел чистую такую бумагу, чернила и все остальные принадлежности. Этот начальник ДПД был арестован органами МГБ и осужден.

В 1959 году я сдал райотдел милиции вновь назначенному нач[альни]ку Кондратенко Ивану Антоновичу. При передаче штат был укомплектован полностью.

Зам[еститель] нач[альни]ка РОМ	– 1 Закорко А.Ф.
следователь	– 1 Горовой
ОБХСС	– 1 Скакун
автоинспектор	– 1 Бойко
секретарь-счетовод	– 1 Мальцева А.А.
уголовный розыск	– 2 Притула и Титаренко
пож[арные] инспекторы	– 2 Веровской и Готаш
паспортный стол	– 2 Люкин и Солонченко
ком[анди]р отделения	– 1 Ручин
уч[астковые] уполномоченные:	
по городу	– 2
сельместности	– 6
милиционеры:	
гос[ударственная] милиция	–
вед[омственная] милиция	–
уборщица	– 1 Решь М.

Бывш[ий] нач[альни]к Лебединского РОМ
подполковник милиции в отставке Борисенко И.В.

15/V-1967 г.
г. Лебедин

¹ Добровольных пожарных дружин.

Благодарности

Работа выполнена в рамках фундаментального исследования 0115U000677 «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти».

Примечания:

1. Звагельський В.Б., Власенко В.М., Соколов М.О. З історії Сумщини // Сумщина в іменах: енциклопедичний довідник. Суми: АС-Медіа, 2004. С. XLVIII.
2. Сумщина в історії України: навчальний посібник. Суми: МакДен, 2005. С. 374–375.
3. Гурін М.О., Демченко Є.Д., Шевченко В.П. Лебедін // Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. Київ: УРЕ АН УРСР, 1967. С. 364.
4. Дремін Дмитрий Феоктистович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8304 (дата обращения: 30.11.2015).
5. Борисенко І. На освобожденной территории // Служение народу. Рукописный журнал Областного совета ветеранов при управлении охраны общественного порядка Сумской области. Сумы. 1967. № 6. С. 18–24.
6. Борисенко І. Відверто про пережите. URL: <http://www.lebedinpress.com.ua/kategorii/novosti/623-vidverto-pro-perezहितe> (дата обращения: 30.11.2015).
7. Борисенко І. Відверто про пережите...
8. Борисенко І. Відверто про пережите...

References:

1. Zvagelskiy V.B., Vlasenko V.M., Sokolov M.O. Z istorii Sumschini // Sumschina v imenakh: entsiklopedichniy dovidnik. Sumi: AS-Media, 2004. S. XLVIII.
2. Sumschina v istorii Ukraini: navchalniy posibnik. Sumi: MakDen, 2005. S. 374–375.
3. Gurin M.O., Demchenko E.D., Shevchenko V.P. Lebedin // Istoriya mist i sil Ukrainskoi RSR. Sumska oblast. Kiiv: URE AN URSSR, 1967. S. 364.
4. Dremi Dmitriy Feoktistovich. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8304 (data obrascheniya: 30.11.2015).
5. Borisenko I. Na osvobozhdennoy territorii // Sluzhenie narodu. Rukopisnyy zhurnal Oblastnogo soveta veteranov pri upravlenii okhrany obschestvennogo poryadka Sumskoj oblasti. Sumy. № 6. 1967. S. 18–24.
6. Borisenko I. Vidverto pro perezहितe. URL: <http://www.lebedinpress.com.ua/kategorii/novosti/623-vidverto-pro-perezहितe> (data obrascheniya: 30.11.2015).
7. Borisenko I. Vidverto pro perezहितe...
8. Borisenko I. Vidverto pro perezहितe...

УДК 93/94

Воспоминания подполковника милиции

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии
Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, Сумы, улица Коминтерна, 17
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. В данной публикации представлены воспоминания бывшего начальника Лебединского районного отдела милиции подполковника Ивана Васильевича Борисенко (1902–1989). Воспоминания охватывают 1938–1959 гг. Здесь рассказывается о восстановлении народного хозяйства после освобождения Лебединского района от фашистов в 1943 г., о борьбе правоохранительных органов с преступностью.

Ключевые слова: Иван Борисенко, милиция, правоохранительные органы, преступность, Великая Отечественная война, город Лебедин.